

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Зарема Шаукенова, Серик Сейдуманов	Модернизация общественного сознания как предмет социологии социальных изменений 7
---------------------------------------	--

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Анастасия Щегорцова Елена Нечаева	Основные подходы к изучению медиаменеджмента в науке стран дальнего зарубежья 20
Айбек Кумысбеков, Александр Данилов, Асель Аяганова	Прямые выборы сельских акимов: анализ итогов, рисков и прогноз 39
Марат Азильханов	Факторы современных вызовов и рисков для религиозного экстремизма в Республике Казахстан. 58
Гульнара Мухатаева, Антонио Алонсо Маркос	Модель теологического, социально-психологического сопровождения репатриантов, вернувшихся из зон террористической активности: казахстанский кейс 71
Тумабекова Динара, Каратаева Леся	Переход к онлайн обучению как новый этап развития высшего образования: социальные выгоды и риски через призму оценок ключевых участников образовательного процесса 86

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Шынғыс Нургазы, Аружан Сейтказиева, Жанета Симанавичене, Динара Рахматуллаева	Как продовольственная безопасность влияет на благополучие: модеративно-медиационная модель . . . 100
--	---

РЕЦЕНЗИЯ

Мурат Лаумулин	Обзор литературы по Центральной Азии на 2022 г. Часть I 111
----------------	--

KAZISS
Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асел**,
руководитель Представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы

Ответственный за выпуск: Алмас Арзыкулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Павел Романенко

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Бейбит-
шилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в ТОО «Надежда 2050». г. Кошкетау, улица Баймуханова, 3.
Тираж: 500 экземпляров

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ШҚІР. ТАЛҚЫЛАУ

Зарема Шәуқенова, Серік Сейдұманов	Қоғамдық сананы жаңғырту әлеуметтік өзгерістер әлеуметтануының пәні ретінде	7
---------------------------------------	--	---

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Анастасия Щегорцова Елена Нечаева	Шетелдегі ғылымда медиаменеджмент зерттеудің негізгі тәсілдері	20
Айбек Күмісбеков, Александр Данилов, Әсел Аяғанова	Ауыл әкімдерін тікелей сайлау: нәтижелерді, тәуекелдерді және болжамды талдау	39
Марат Әзілханов	Қазақстан Республикасындағы діни экстремизмнің қазіргі заманғы сын-тегеуріндері мен тәуекелдерінің факторлары	58
Гүлнара Мұхатаева, Антонио Алонсо Маркос	Террористік белсенділік аймағынан оралған репатрианттарды теологиялық, әлеуметтік-психологиялық қолдау моделі: қазақстандық кейс	71
Тұмабекова Динара, Қаратаева Ләся	Онлайн оқытуға көшу жоғары білім беруді дамытудың жаңа кезеңі ретінде: білім беру процесінің негізгі қатысушыларын бағалау призмасы арқылы әлеуметтік пайда мен тәуекелдер	86

АКТУАЛДЫ ЭКОНОМИКА

Шыңғыс Нұрғазы, Аружан Сейітқазиева, Жанета Симанавичене, Динара Рахматұллаева	Азық-түлік қауіпсіздігі әл-ауқатқа қалай әсер етеді: модерацияланған медиациялық модель	100
---	--	-----

РЕЦЕНЗИЯ

Мұрат Лаумулин	Орта Азия бойынша 2022 жылға арналған әдебиеттерге шолу. I Бөлім	111
----------------	---	-----

KAZISS

Қазақстан Республикасының
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
Алматы қаласы ҚСЗИ
Өкілдігінің басшысы

Шығаруға жауапты: Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бөкірова
Беттеу: Павел Романенко

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Нұр-Сұлтан қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz.

Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997

жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318

Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға

сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі

мүмкін. «Надежда 2050» ЖШС баспасынан басылып шығарылды

Көкшетау қ., Баймұқанов, 3. Тарапымы: 500 дана.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Zarema Shaukenova, Serik Seidumanov** Modernization of public consciousness as a subject sociology of social change 7

POLITICS AND SOCIETY

- Anastasia Schegortsova Elena Nechaeva** The basic approaches towards media-management studies in science of foreign countries 20
- Aibek Kumysbekov, Alexander Danilov, Assel Ayaganova** Direct election of rural akims: analysis of results, risks and forecast 39
- Marat Azilkhanov** Factors of modern challenges and risks for religious extremism in the Republic of Kazakhstan 58
- Gulnara Mukhatayeva, Antonio Alonso Marcos** The theological and socio-psychological support model for returnees returning from areas of terrorist activity: the case of Kazakhstan 71
- Tumabekova Dinara, Karatayeva Lessya** The transition to online learning as a new stage in the development of higher education: social benefits and risks through the prism of assessments of key participants in the educational process 86

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Shynggys Nurgazy, Aruzhan Seitkaziyeva, Zhanet Simanaviciene, Dinara Rakhmatullayeva** How food security influence well-being: a moderated mediation model. 100

REVIEW

- Murat Laumulin** Review of foreign literature on Central Asia 2022: Part I. 111

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
Head of the representative
office of KazISS in Almaty

Responsible for publication: Almas Arzikulov

Editor-corrector: Akmaral Bakirova

Layout: Pavel Romanenko

Address: 4 Belbitshiik str., Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan.

Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318

All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Printed by «Nadegda 2050» LLP, Kokshetau, Baimukanov street, 3.

Copies: 500.

Редакционный совет

Зарема Шаукенова	– председатель Редакционного совета, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор социологических наук, профессор
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеуова	– директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Асель Абен	– шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, доктор PhD по экономике
Анна Альшанская	– редактор, старший научный сотрудник Отдела социально-экономических исследований Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК

Редакциялық кеңес

Зарема Шәукенова	– Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылыми академиясының академигі, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор
Рахман Алшанов	– «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Гүлмира Илеуова	– «Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Гүлнар Насимова	– Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
Вячеслав Додонов	– ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
Андрей Чеботарёв	– «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
Мартин Брусис	– әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
Синтия Каплан	– Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
Геннадий Чуфрин	– РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Әсел Әбен	– бас редактор, Алматы қаласы ҚСЗИ Өкілдігінің басшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы
Анна Альшанская	– редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың әлеуметтанулық зерттеулер бөлімінің аға ғылыми қызметкері

Editorial Board

Zarema Shaukenova	– Chairperson of Editorial Board, academician of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociological Sciences, professor
Rakhman Alshanov	– President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
Gulmira Ileuova	– Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
Gulnar Nasimova	– Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
Vyacheslav Dodonov	– Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
Andrey Chebotarev	– Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
Martin Brusiš	– Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
Cynthia Kaplan	– Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
Gennady Chufrin	– Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
Assel Aben	– Chief Editor, Head of the representative office of KazISS in Almaty, PhD in Economics
Anna Alshanskaya	– Editor, Senior Research fellow of the Department of Sociological Research of KazISS under President of Kazakhstan

МРНТИ:
04.21.51

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Зарема Шаукенова^{1*}, Серик Сейдуманов²

¹ академик НАН РК, доктор социологических наук, профессор

² академик НАН РК, доктор социологических наук, профессор, генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения

e-mail*: zarema_13@bk.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-1.01>

Аннотация. Данный материал подготовлен в рамках VII Конгресса социологов Казахстана, посвященного 30-летию Независимости Республики Казахстан, и представляет собой доклад авторов на данном мероприятии. С самого начала обретения Независимости социологические исследования в Казахстане интегрированы в систему государственного управления и выступают важным инструментом формирования политики с учетом нужд и потребностей населения, обеспечения своевременной и надежной обратной связи между властью и гражданами. В условиях модернизации общественного сознания одним из инструментов, позволяющих фиксировать происходящие трансформации, является социология социальных изменений. В докладе авторами были представлены результаты полевых конкретно-социологических исследований, проведенных казахстанскими социологами, и отражающие значимые элементы изменений.

Ключевые слова: социальные изменения, модернизация, трансформация общественного сознания, социология

ҚОҒАМДЫҚ САНАНЫ ЖАҢҒЫРТУ ӘЛЕУМЕТТІК ӨЗГЕРІСТЕР ӘЛЕУМЕТТАНУЫНЫҢ ПӘНІ РЕТІНДЕ

Зарема Шәукенова¹, Серік Сейдуманов²

¹ ҚР ҰҒА академигі, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор,

² ҚР ҰҒА академигі, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, Философия, саясаттану және дінтану институтының бас директоры

Аңдатпа. Материал Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына арналған Қазақстан әлеуметтанушыларының VII съезі шеңберінде дайындалған және осы іс-шарадағы авторлардың баяндамасы. Тәуелсіздік алған сәттен бастап Қазақстандағы әлеуметтік зерттеулер мемлекеттік басқару жүйесіне интеграцияланған және халықтың қажеттіліктерін ескере отырып, саясатты қалыптастырудың, билік пен азаматтар арасындағы уақтылы және сенімді кері байланысты қамтамасыз етудің маңызды құралы. Қоғамдық сананы жаңғырту жағдайында болып жатқан өзгерістерді тіркеудің құралдарының бірі әлеуметтік өзгерістердің әлеуметтануы болып табылады. Авторлар баяндамасында қазақстандық әлеуметтанушылар жүргізген далалық нақты-әлеуметтік зерттеулердің нәтижелері және өзгерістердің маңызды элементтері көрсетілген.

Түйінді сөздер: *әлеуметтік өзгерістер, модернизация, қоғамдық сананың өзгеруі, әлеуметтану*

MODERNIZATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS AS A SUBJECT SOCIOLOGY OF SOCIAL CHANGE

Zarema Shaukenova¹, Serik Seidumanov²

¹ professor, academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, doctor of Sociological sciences

² professor, academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, doctor of Sociological sciences, director of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies

Annotation. This material was prepared within the framework of the VII Congress of Sociologists of Kazakhstan, dedicated to the 30th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan, and is a report of the authors at this event. From the very beginning of gaining Independence, sociological research in Kazakhstan has been integrated into the system of public administration and has been an important tool for policy-making taking into account the needs and needs of the population, ensuring timely and reliable feedback between the authorities and citizens.

Keywords: *social changes, modernization, transformation of public consciousness, sociology*

Введение

Отличительной чертой современной эпохи является вовлечённость мира в поток фундаментальных перемен, который в своём стремительном течении

захватывает все уровни и слои, все сегменты и формы, сами основания социального и личностного бытия людей. Экспоненциальный рост ресурсов и возможностей цифровых технологий в преобразовании предметной и ментальной сфер социальной реальности представляет собой ошеломляющую кривую, которую невозможно отразить ни на каком графике. Например, все мы помним флоппи-диски, или 3,5-дюймовые дискеты, которые применялись как съёмные носители информации. Их массовое производство прекратилось лишь десять лет назад. Специалисты подсчитали: чтобы загрузить объём мобильных данных, использованных в прошлом году для потоковой передачи и загрузки видеоконтента пользователями Интернета, потребуется стопка дискет, высота которой равна расстоянию от Солнца до Юпитера [1]. Фантастические темпы революционных преобразований в сфере высоких технологий стали уже настолько неотъемлемой чертой повседневности, что человек, кажется, утрачивает способность им удивляться, начинает воспринимать их как должное, чуть ли не как рутину.

Разительные перемены претерпевает характер трудовой деятельности, социально-стратификационные процессы, информационно-коммуникативные системы социальных взаимодействий. Словом, изменяется все: политика и экономика, искусство и культура, наука и образование, религия и мораль, трудовая деятельность и досуг, технологии и духовность.

Основатель социологии Огюст Конт определил созданную им дисциплину как науку о социальной статике и социальной динамике, или о природе социальных порядков и детерминантах социальных перемен. В современной социологии эта дихотомия редуцируется к одной из своих составляющих – к социальной динамике. Вполне логично, что в эпоху, определяемую как «текущая современность» (Энтони Гидденс), социальная реальность рассматривается как поток событий, изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа. Сами социальные структуры приобретают форму социальных процессов: структура определяется как «структурация» (Энтони Гидденс), устойчивость социальных порядков может быть достигнута только через их постоянные изменения. Соответственно, как пишет Петр Штомпка, «Изучение социальных изменений – основное в социологии» [2, с. 12]. Таким образом, тема нашего Конгресса является конкретизацией ключевого, фундаментального предмета современного социологического дискурса применительно к специфике казахстанского социума.

Методы исследования. Исследование проводилось с использованием общенаучных методов синтеза и анализа, изучения данных полевых социологических исследований, проведенных в разное время казахстанскими социологами.

Обсуждение результатов

Социология, раскрывающая человеку мир его социального бытия и перспективы его преобразований должна и не может не быть захватывающе интересной. При этом проблемно-содержательное поле социологии социальных

изменений настолько обширно, что каждый исследователь без труда найдет на нем участок для научных изысканий, отвечающий его профессиональным интересам. Вместе с тем при картографировании этого поля выделяется ряд стратегически важных направлений, требующих для своего прохождения коллективных усилий, нестандартных решений, привлечения методологического арсенала различных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Одно из такого рода направлений – социология социальных изменений, особенно актуальное в силу ряда причин для современного Казахстана, – мы бы хотели обрисовать, конечно, лишь контурно, насколько позволяет отпущенное на выступление время.

Перед собравшейся в этом зале аудиторией нет необходимости в пространной аргументации положения о том, что восприятие и осмысление людьми социальных процессов; их представления о прошлом, настоящем и будущем общества, в котором они живут; исповедуемые общественным сознанием социальные идеи и ценности; символы и смыслы духовного мира человека являются интегрированной частью самой социальной реальности и механизмов ее преобразований. Из этого положения следует логически последовательный вывод о том, что успешность или неудачи политики, направленной на системную модернизацию казахстанского социума, находятся в прямой зависимости от того, насколько эффективно будет протекать процесс модернизации общественного сознания, духовного обновления казахстанского общества.

Следует отметить, что идея модернизации общественного сознания была позитивно воспринята отечественным научно-экспертным сообществом. По данной теме были проведены представительные научные конференции, выполняются научно-исследовательские проекты. В том числе к разработке проблематики подключились и казахстанские социологи, осуществив ряд полевых конкретно-социологических исследований. По итогам этих исследований получен массив неожиданных социологических данных.

В качестве примера обращусь к данным экспертного и анкетного опросов населения, проведенных в прошлом и позапрошлом году Центром бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований BISAM CENTRAL ASIA.

На вопрос «Происходит ли в Казахстане модернизация общественного сознания?» 56,1% экспертов дали положительный ответ. Однако 43,9% экспертов не заметили в менталитете соотечественников признаков, указывающих на его модернизационные изменения.

Примерно в аналогичной пропорции распределились ответы на вопрос об эффективности существующих программ модернизации общественного сознания: полностью или частично эффективными эти программы считает 40,1% опрошенных экспертов. Полностью или частично неэффективными их посчитали 52,4% респондентов. При этом наибольший интерес представляют результаты опроса в профессиональном срезе выборки. Мнения об эффективности реализации программы модернизации общественного сознания у кластера ученых и преподавателей, с одной стороны (24,5% позитивных

и 65,3% негативных оценок), и у религиозных деятелей и теологов, с другой стороны (80% позитивных и 20% негативных оценок), оказались зеркально противоположными (рис. 1) [3, с. 318-319].

Из этих ответов ученых и религиозных деятелей следует, что они руководствуются альтернативными критериями в осмыслении и оценке процессов духовного обновления. И то, что расценивается как успех одними, интерпретируется как неудовлетворительный результат другими.

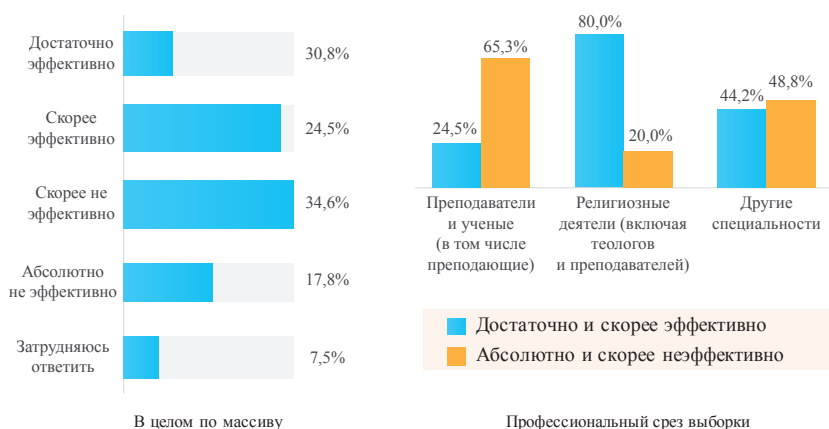

Рисунок 1. Данные ответов респондентов на вопрос: «С Вашей точки зрения, насколько эффективно в Казахстане реализуется программа по модернизации общественного сознания?»

Социолога, стремящегося вывести объективную, идеологически не ангажированную оценку эмпирических социологических данных, эта ситуация ставит в тупик. Скажем, как следует квалифицировать массовое возвращение казахстанцев к конфессионально-религиозной идентификации в постсоветский период – как переход к современному постсекулярному обществу, или как тренд к архаизации общественного сознания?

С точки зрения либеральных, западнцентристских концепций модернизации пробуксовка модернизации общественного сознания – это зафиксированный в социологических опросах объективный социологический факт, который затруднительно оспорить. Действительно, в ответе на вопрос о том, какая культура в наибольшей степени формирует жизненные взгляды современного казаха, лишь 15,6% респондентов указали на западную культуру. Ведущие позиции здесь отведены исламской культуре – 46,7%, за ней следует тюркская (18,9%) и советская (18,4%) культуры (рис.2).

Ответы на вопрос о доминирующем тренде развития общественного сознания казахстанцев показывают, что три четверти (75,3%) респондентов считают, что менталитет казахов развивается по вектору возвращения к традиционализму [4, с. 284]. Представляется самоочевидным, что традиционализм как принцип

функционирования общества на доиндустриальной фазе социально-исторического процесса выступает прямой и непосредственной противоположностью социальной модернизации. Однако не все так просто и однозначно (рис.3).

Рисунок 2. Данные ответов респондентов на вопрос: «Какие из перечисленных культур в большей степени формируют жизненные взгляды современного казаха?»

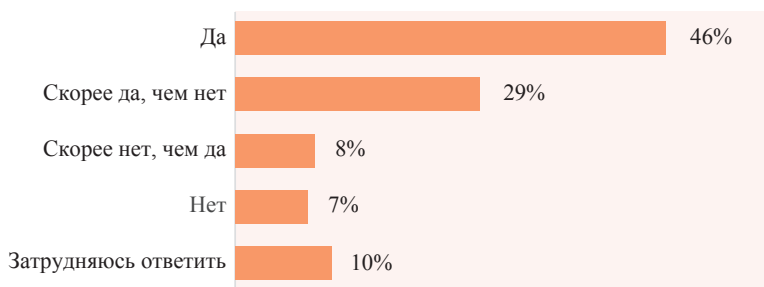

Рисунок 3. Данные ответов респондентов на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что менталитет казахов возвращается к традиционализму?»

На предложение охарактеризовать смысл и причины возврата современных казахов к традиционализму (то есть к соблюдению традиций и обычаев, сохранению устоев и порядков, при которых жили предки) треть опрошенных респондентов (31,9%) дала парадоксальный ответ: традиционализм – это то, что поможет приспособиться к быстро меняющимся условиям жизни. То есть традиционализм с этих позиций – это оптимальная духовная форма социальных

изменений, направленных по вектору модернизации. Вдвое меньшая доля респондентов – 16,1% – согласились с, казалось бы, очевидным, аналитическим в кантовском смысле (т.е. попросту разъясняющим) суждением: традиционализм препятствует модернизации (обновлению) Казахстана (рис.4).

Рисунок 4. Данные ответов респондентов на вопрос:
«С Вашей точки зрения, возврат к традиционализму
(то есть соблюдение традиций и обычаев, сохранение устоев и порядков,
при которых жили предки) у современных казахов – это...»

Таким образом результаты социологических исследований процессов трансформации общественного сознания не столько дают ответы, сколько генерируют новые серии достаточно сложных и нетривиальных проблем.

В социологии разработано немало концептуальных моделей соотношения социальных изменений с трансформациями общественного сознания. Например, для материалистического понимания истории К. Маркса принципиальным является положение о том, что вслед за изменениями в экономическом базисе происходят и изменения в надстройке – то есть в содержании и формах общественного сознания. Оппонентом базисно-надстроечной дихотомии, порождающей вульгарные формы социологического экономизма, технократизма и т.д., является подход, согласно которому, как писал С.Н. Булгаков, экономическая сфера «*есть явление духовной жизни* в такой же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности» [5, с. 233]. Кстати говоря, этот подход имплицитно и в экономических работах К. Маркса. В частности, в концепциях всеобщего труда и науки как непосредственной производительной силы общества. Но в своей эксплицитной форме концепция духовных оснований возникновения новых общественно-экономических формаций представлена в знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера – то ли «великого буржуазного антипода Карла Маркса», как его нередко аттестуют, то ли неомарксиста, как считали представители Франкфуртской школы, то ли того и другого одновременно. В этой работе показано, что именно преобразования массового сознания, новые принципы и нравственные правила («этос») отношения человека к своему делу

стали условием возможности возникновения капиталистической организации общественного производства – «самого могучего фактора нашей современной жизни» [6, с. 53].

Проведенное Максом Вебером обоснование «патетической бесчеловечности» [7, с. 142], крайнего индивидуализма, понимания неутомимого труда и успеха как наилучшего средства служения Богу и прочих особенностей протестантского этоса как источника и основного стимула возникновения капиталистической экономики, является классическим образцом социологического анализа. Его отличает высочайший профессионализм, безупречная логика. Но вот ведь незадача: историки решились перепроверить выводы Вебера, прошерстили древние архивы и тут выяснилось, что первоначально капиталистические формы организации производственно-экономической и финансовой деятельности возникли в Антверпене, Аугсбурге, Милане, Льеже, Лиссабоне и некоторых других городах, в которых преобладало именно католическое население. То есть реальный исторический процесс социально-экономической трансформации в Европе происходил не на основе, а во многом вопреки концептуальной схеме М. Вебера.

Аналогичный конфуз постиг и веберовские прогнозы социально-экономической трансформации регионов с иными, чем в Европе, религиозноэтическими традициями. В частности, конфуцианских обществ. В работе «Хозяйственная этика мировых религий» М. Вебер доказывал, что в Китае и странах Юго-Восточной Азии отсутствует и не может возникнуть этос, совместимый с капиталистическими формами социально-экономической модернизации. По поводу этого заключения М. Вебера уместно упомянуть Станислава Лема, заметившего, что чем крупнее мыслитель, тем более ошибочны его прогнозы. Сегодня стало предельно ясно, что механическое воспроизведение западных моделей социальных преобразований является тупиковой стратегией. Экономические достижения Японии, Южной Кореи, Китая, Гонконга, Сингапура, Тайваня обусловлены как раз решительным отказом от импортирования западного индивидуализма и демонтажа собственных культурных традиций. Появилось даже понятие «конфуцианский капитализм» с его различными моделями, определяемыми особенностями восприятия ортодоксальной конфуцианской этики. Например, в Китае в ранг важнейшей конфуцианской добродетели возведены отцовская забота и сыновья почтительность; в Японии – преданность и доверие. Эти моральные императивы, обусловленные традициями и не сводимые к экономической целесообразности или эффективности, и определяют ценностно-нормативные кодексы трудовых отношений, дизайн руководства фирмами и предприятиями, особенности ведения бизнеса и т.д., чуждые западному типу предпринимательской деятельности и менеджмента.

В системе координат европоцентристской социологической теории в Казахстане возможна только запаздывающая или догоняющая модернизация. Казахстан, пусть и в меньшей степени, чем Япония, Китай и страны Юго-Восточной Азии, относится к классу высоко контекстуальных культур, по классификации Эдварда Холла [8]. В таких обществах значимость символических культурных кодов

социальных коммуникаций превалирует над критериями функциональности и эффективности форм организации социальных взаимодействий. Поэтому для разработки и реализации программ модернизации общественного сознания как драйвера социальных преобразований в Казахстане успешный опыт стран западного мира особо важен и интересен. В этом плане Япония является впечатляющим примером адаптивной модернизации, то есть модернизации, проводимой не в качестве глобального модернизационного проекта, но с учетом культурно-цивилизационного фона, традиционных социальных институтов, этнокультурных особенностей и т.д. Японское общество гармонично совместило мощный пласт древней культуры и консервативного традиционализма с новейшими веяниями технологической модернизации и интегрировало результаты научно-технического прогресса без потери культурного традиционализма.

Разумеется, приведенные слова не следует рассматривать как апологию всего содержания культурных традиций. В традициях сохраняются и транслируются отнюдь не только высокие гуманистические ценности, но и многие модели социальных отношений, несовместимые с требованиями и нормами современной цивилизации. Поэтому модернизация общественного сознания – это не отрицание и не реактивация традиции, а именно ее духовное обновление.

В социологическом дискурсе проблемы модернизации общественного сознания продолжают превалировать: 1) линейная логика в исследовании их динамики (восходящий тренд определяется как движение от традиционализма к модернизации. Нисходящий – как возвратное движение) и 2) бинарная логика в исследовании их содержательных, ценностно-смысловых аспектов (косность традиций противопоставляется инновационности модернизации). Между тем понимание модернизации общественного сознания как формы духовного обновления традиции предполагает синергию традиций и инноваций, выход из логики их линейной эволюции и бинарной структуры. В философии и современных междисциплинарных методологиях такого рода логика давно и успешно применяется. Поэтому чрезвычайно актуальным представляется реализация проектов, основанных на полидисциплинарных и междисциплинарных подходах к исследованию как социальных изменений в целом, так и трансформаций духовной сферы жизни общества.

Выводы

Необходимость обновления социологии социальных изменений назрела не только в области ее концептуально-методологического аппарата, но и в сфере технологий сбора и обработки массовой социологической информации. В этой связи можно предполагать, что в среднесрочной перспективе социологические исследования будут активно использовать такие современные методы сбора и обработки информации, как технологии Big Data (Больших Данных). Эти технологии сегодня используются государственными структурами, крупными транснациональными корпорациями. Они демонстрируют поразительную эффективность в мониторинге интересов и предпочтений, убеждений и фобий

человека на основе сбора и обработки информации о посещении сайтов, просмотре новостей и рекламы, поисковых запросах, переписки в соцсетях и т.д. Создание такого рода баз цифровых данных для целей социологического мониторинга и прогнозирования трансформаций общественного сознания могло бы многократно увеличить валидность результатов социологического анализа и облегчить задачу их перевода в конкретные социально-политические технологии и в адресные научно-практические рекомендации.

Конечно, здесь возникает множество вопросов не только финансового плана (технологии Больших данных – дорогое удовольствие), но и морального и юридического характера. И над решением этих вопросов нужно задуматься уже сейчас. Если социология претендует на способность к прогнозированию социальных изменений, то она обязана прогнозировать и свои собственные изменения.

Список источников

1. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/>
2. Штомка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
3. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 3. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2020. 668 с.
4. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 2. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2019. 460 с.
5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Том 1. – М.: Наука, 1993. С. 49-297.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.
8. Hall, Edward T. Beyond Culture. New York, London, Toronto: Anchor Books; Doubleday, 1976. 320 p.

References

1. All Internet statistics for 2020 - numbers and trends in the world and in Russia. – URL : <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/>
2. Shtomka P. Sociology of social changes / Per. from English. ed. V.A. Yadova . – M.: Aspect-Press, 1996. 416 p.
3. The formation of Kazakhstan identity in the context of the tasks of modernizing public consciousness: book 3. - Almaty: IFPR KN MES RK, 2020. 668 p.
4. Formation of Kazakhstan identity in the context of the tasks of modernizing public consciousness: book 2. - Almaty: IFPR KN MES RK, 2019. 460 p.
5. Bulgakov S.N. Philosophy of economy // Bulgakov S.N. Works in two volumes. Volume 1. - M. : Nauka, 1993. S. 49-297 .
6. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism // Weber M. Selected works: Per. with him. / Comp., total. ed. and after . Yu.N. Davydov; Foreword P.P. Gaidenko. - M.: Progress, 1990. S. 61-272 .
7. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism // Weber M. Selected works: Per. with him. / Comp., total. ed. and after . Yu.N. Davydov; Foreword P.P. Gaidenko. - M.: Progress, 1990. S. 61-272 .
8. Hall, Edward T. Beyond Culture. New York, London, Toronto: Anchor Books; Doubleday, 1976. 320p .

Об авторах

Зарема Каукеновна Шаукенова – заслуженный казахстанский государственный и общественный деятель, уважаемый ученый, доктор социологических наук, академик НАН РК, профессор. Трудовую деятельность начала после окончания факультета психологии Ленинградского государственного университета на Карагандинском металлургическом комбинате. Крепкий дух металлургов

наложил свой отпечаток на личность Заремы Шаукеновой, отличающейся стойкостью и твердостью характера. Она прошла путь от психолога, руководителя социально-психологической службы КарМета до позиции директора нескольких ведущих научно-аналитических институтов и центров.

З.К. Шаукенова пять лет возглавляла **Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК** (2017-2022 гг.) – ведущий аналитический центр страны. Ее талант эффективного руководителя и организатора поднял Институт на новый уровень аналитической и исследовательской работы. Так, КИСИ возглавил **mon-10** аналитических центров Центральной Азии в рейтинге «**Global Go To Think Tank Index Report**» по данным Пенсильванского университета в 2021 году.

Благодаря глубоким профессиональным знаниям своего руководителя КИСИ перешел от локальных региональных к полномасштабным республиканским социологическим исследованиям по актуальным проблемам социально-политической жизни общества. Результаты социсследований отражают объективную картину процессов, происходящих в стране, и, как показала практика, востребованы широкой аудиторией.

Будучи директором КИСИ, она заботилась о доступности казахоязычной аудитории научно-аналитической литературы на государственном языке и заложила в Институте основу хорошей традиции перевода востребованных общественностью актуальных изданий на казахский язык, способствуя таким образом широкому распространению научной литературы на государственном языке.

Зарема Каукеновна – человек с открытым и большим сердцем. Свидетельством тому является ее активная общественная деятельность. Как ученого-социолога и эксперта по социальной психологии, мимо нее не могли пройти незамечанными проблемы модернизации общественного сознания, семейно-демографической политики и гендерного равенства. В качестве члена Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте РК вносит свой неоценимый вклад в решении проблем женщин и детей.

Наряду с этим, в фокуса ее внимания всегда находится молодое поколение. Наставничество и поддержка – кредо, которому следует Зарема Каукеновна в общении с молодежью.

Награждена орденом «Құрмет», имеет Почетное звание Республики Казахстан «Заслуженный деятель Казахстана», отмечена различными юбилейными медалями и благодарностями.

Коллектив Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК выражает свою огромную благодарность и признательность Шаукеной Зареме Каукеновне и желает ей открытия новых горизонтов и активной деятельности на благо нашей страны!

Сейдуманов Серик Турарович

– известный государственный и общественный деятель Республики Казахстан, доктор социологических наук, профессор, академик НАН РК. Внес значимый вклад в развитие науки, образования, спорта, здравоохранения Казахстана.

Свою трудовую деятельность после окончания Московского института химического машиностроения начал в качестве мастера цеха Новоджамбулского фосфорного завода. В первые годы приобретения Независимости Республики Казахстан, заведовал сектором Информационно-аналитического центра Аппарата Президента РК.

В разные годы в качестве директора центра, заместителя заведующего отделом различных ведомств курировал вопросы внутренней политики Администрации Президента РК, занимался проблемами по делам молодежи, спорта и туризма, социально-политическими вопросами общественного развития.

В государственных структурах управленческий и организаторский талант Серика Тураровича особенно ярко проявились в подготовке и проведении знаковых масштабных мероприятий: I и III Всемирный Курултай казахов, Форум народов Казахстана, Встреча в Ордабасы, первая Международная Евразийская конференция по принятию Конституции, организация Эстафеты Олимпийского огня Пекинской Олимпиады-2008, VII зимние Азиатские игры Алматы-2011 и др. Также, он является активным участником создания и развития казахстанских партий и движений: Демократической и Социалистической партии Казахстана, Партии патриотов Казахстана, Либерального движения Казахстана, Народно-демократической партии «Нұр-Отан», молодежных организаций, Общественного совета по разрешению социальных конфликтов города Алматы.

Профессиональные знания и практический опыт Серика Тураровича были особенно востребованы в период его работы заместителем акима крупнейшего мегаполиса страны – г. Алматы. Активная и плодотворная деятельность снискали ему глубокое уважение со стороны горожан. В 2013 году С.Т. Сейдуманов стал *депутатом Мажилиса Парламента РК 5-го созыва, а затем и 6-го созыва*. Будучи депутатом, Сейдуманов С.Т. проводил активную работу в составе члена Комитета по вопросам экологии и недропользованию.

Наряду с государственной деятельностью Серик Турарович постоянно уделял внимание науке. Более 20 лет его трудовой деятельности прошли в сфере образования. Являясь *вице-президентом Ассоциации социологов Казахстана, вице-президентом Союза социологов тюркоязычных стран*, С.Т. Сейдуманов занимается организацией и проведением актуальных социологических исследований и продвижением их результатов.

Сегодня Серик Турарович вносит свой вклад в развитие науки РК, возглавляя *Институт философии, политологии и религиоведения*. Основной задачей Института как государственного научно-исследовательского учреждения является проведение философско-мировоззренческих, философско-методологических, политологических, религиоведческих и социологических исследований, направленных на развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала современного казахстанского общества.

Обширная и плодотворная деятельность С.Т. Сейдуманова была заслуженно оценена руководством страны и общественностью: награжден орденом «Парасат», «Кұрмет», медалью «Ерен еңбегі үшін», орденом Республики Польша «Кавалерский крест за заслуги», медалью Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «За укрепление Парламентского сотрудничества» и др.

В феврале текущего года Серик Турарович Сейдуманов отметил свой 65-летний юбилей год! Коллектив института стратегических исследований поздравляет юбиляра с замечательной датой и желает творческих успехов и долгих лет активной жизни!

МРНТИ
11.07.45

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕДИАМЕНЕДЖ- МЕНТА В НАУКЕ СТРАН ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Анастасия Щегорцова^{1*},
Елена Нечаева²

¹ докторант кафедры политологии ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail*: akimat@rambler.ru,

² профессор кафедры политологии ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, г.Нур-Султан, Республика Казахстан e-mail: elenech@yandex.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-1.02>

Аннотация. Публикация посвящена актуальному направлению в современной науке – медиаменеджменту, который может пониматься двояко – как управление СМИ «изнутри» (на уровне первого руководителя или руководящего органа самого СМИ), а также как комплекс мер по управлению и регулированию медиасферы со стороны государства.

С применением качественных научных методов (desk research, дедукции и индукции, сравнительного анализа, классификации) автором настоящей статьи подготовлен обзор зарубежной научно-теоретической базы по медиаменеджменту, предпринята попытка категоризации основных существующих подходов к изучению данного вопроса в науке различных стран дальнего зарубежья.

На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что для изучения медиаменеджмента необходим интегративный, междисциплинарный подход. В статье выделен ряд аспектов, которые будут актуальны при изучении казахстанского опыта в сфере медиаменеджмента в целом и государственного медиаменеджмента в частности. К таким аспектам относятся, например, особенности государственной медиаполитики, нормативного правового регулирования медийной сферы, вопросы государственного надзора в области СМИ, спин-докторинг как своего

рода посредничество между государством и прессой, вопросы лидерства в медийной сфере и подготовки кадров для управления СМИ.

Ключевые слова: медиаполитика, государство, медийная сфера, регулирование медиасферы

ШЕТЕЛДЕГІ ҒЫЛЫМДА МЕДИАМЕНЕДЖМЕНТ ЗЕРТТЕУДІҢ НЕГІЗГІ ТӘСІЛДЕРІ

Анастасия Щегорцова¹, Елена Нечаева²

¹ Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ-нің саясаттану кафедрасының докторанты, Нұр-Сұлтан қаласы, Қазақстан Республикасы,

² Л.Н.Гумилев ат. ЕҰУ саясаттану кафедрасының профессоры, Нур-Султан қ., Қазақстан

Аңдатпа. Жарияланым қазіргі ғылымдағы өзекті бағытқа – медиаменеджментке арналған, оны екі жолмен түсінуге болады – БАҚ-ты «ішінен» басқару (БАҚ-тың бірінші басшысы немесе басқарушы органы деңгейінде), сондай-ақ мемлекет тарапынан медиасфераны басқару және реттеу жөніндегі шаралар кешені ретінде.

Сапалы ғылыми әдістерді (desk research, шегеру және индукция, салыстырмалы талдау, жіктеу) қолдана отырып, осы жұмыстың авторы медиамәтін бойынша шетелдік ғылыми-теориялық базаға шолу дайындады, алыс шетелдердің әртүрлі елдерінің ғылымында осы мәселені зерттеудің негізгі тәсілдерін жіктеуге әрекет жасады.

Зерттеу негізінде автор медиаменеджментті зерттеу үшін интегративті, пәнаралық тәсіл қажет деген қорытындыға келеді. Мақалада тұтастай алғанда медиаменеджмент және атап айтқанда мемлекеттік медиаменеджмент саласындағы қазақстандық тәжірибені зерделеу кезінде өзекті болатын бірқатар аспектілер атап көрсетілген. Мұндай аспектілерге, мысалы, мемлекеттік медиасаясаттың ерекшеліктері, медиа саланы нормативтік құқықтық реттеу, БАҚ саласындағы мемлекеттік қадағалау мәселелері, спин-докторинг мемлекет пен баспасөз арасындағы делдалдықтың бір түрі ретінде, медиа саласындағы көшбасшылық және БАҚ-ты басқару үшін кадрлар даярлау мәселелері жатады.

Түйінді сөздер: медиа саясат, мемлекет, медиа сала, медиа саланы реттеу

THE BASIC APPROACHES TOWARDS MEDIA-MANAGEMENT STUDIES IN SCIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

Anastasia Schegortsova¹, Elena Nechaeva²

¹ doctoral student at the Department of Political Science, ENU named after L. N. Gumilyov, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Введение

В мировой науке не стихает интерес к изучению вопросов, посвященных масс-медиа, их роли в жизни общества и их взаимодействию с государством. Средства массовой информации являются неотъемлемой частью современного общества, их информационная функция нераздельно связана с другой – политико-коммуникативной, которая реализуется, в том числе, в таких аспектах, как создание идеологического фона; воздействие на общественное мнение и непосредственное участие в его формировании и трансформации; управление реакциями населения на различные информационные поводы, события внутри страны и за ее пределами; воздействие на принятие решений на политическом уровне, контроль их реализации и т. д.

Кроме того, «роль СМИ в избирательных кампаниях <...> значительно возросла. В некоторых случаях СМИ, имеющие различные идейно-политические ориентации, на выборах фактически выполняют функции политических партий» (Назарбетова А. К. 2019, с. 119). Отсюда проистекает общеизвестная метафора «четвертой власти» применительно к СМИ и той силе, которой они обладают.

С учетом сложившихся историко-политических условий в каждой стране сложился свой тип взаимодействия масс-медиа и государства, наблюдаются различия по силе и характеру их взаимовлияния, от чего зависит не только стратегия функционирования и развития самих СМИ, но и государственная политика в отношении СМИ.

Зарубежные ученые солидарны во мнении о том, что основной вызов для будущего медиасферы имеет управленческий характер, при этом очень важно взаимовлияние данной сферы как с аудиторией, так и с политикой конкретных стран (Deuze Mark & Steward, Brian 2010, p. 8).

На фоне появления новых технологий и способов массовой коммуникации, конкуренции традиционных и новых форм масс-медиа и с учетом разнообразных глобальных и национальных вызовов и рисков (включая усиление кризисных явлений из-за пандемии COVID-19) усиливается роль государственного медиаменеджмента независимо от того, вмешивается ли государство в работу СМИ (и насколько сильно такое вмешательство) либо сохраняется дистанция, благодаря которой формируется рынок независимых СМИ, конкурирующих за внимание аудитории,

Вышеизложенное определяет актуальность научного изучения медиаполитики и медиаменеджмента. В казахстанской исследовательской практике существует ряд работ, посвященных различным аспектам взаимодействия политики и СМИ, которые написаны А. А. Абжаппаровой, А. С. Абулкасовой, Е. К. Алияровым, Ю. О. Булуктаевым, С. Х. Барлыбаевой,

А. Жубаниязовой, Г. Ж. Ибраевой, А. А. Морозовым, А. К. Назарбетовой, Р. А. Нуртазиной, А. С. Сарсенбаевым, Г. С. Султанбаевой и др. авторами.

Обычно российские (советские) и вслед за ними казахстанские исследователи (например, (Пустовалов А. В. (Сост.) 2005, с. 12–13; Назарбетова А. К. 2017, с. 5) в самом общем виде выделяют 4–5 категорий, в каждую из которых зарубежные исследования включены в зависимости от функций СМИ, которые они видят в качестве первоочередных (рисунок 1).

Михайлов А. С.	Назарбетова А. К.	Представители категории
• Управленческая (манипулятивная) концепция прессы. • Коммуникативная: СМИ для связи по вертикали (от управляющих к управляемым и обратно) и по горизонтали (на различных уровнях управления и социальных срезах общества). • СМИ как «четвертая власть»: общество через прессу влияет на все ветви власти. • Политическая (марксистская) концепция: СМИ как оружие классовой борьбы, коллективный пропагандист, агитатор и организатор. • Социальная теория СМИ: пресса как социальный институт	• Управленческая (манипуляторская) концепция СМИ. • Коммуникативная концепция СМИ. • Концепция «четвертой власти». • Концепции, рассматривающие журналистику как самостоятельное явление в социальных и политических процессах.	• У. Липпман, Г. Шиллер, Г. Гляйсберг, Т. Соренсен и др. • Е. Мэйо и др. • Д. Белл, У. Ростоу, Э. Багерстам, Ж. Мерме, Ф.-А. де Вирье • П. Лазарфельд, П. Годе, У. Фрамм, Дж. Меррилл, Дж. Танстелл и др.

Рисунок 1. Классификация зарубежных исследований, распространенная на постсоветском пространстве (на примере российских и казахстанских исследователей)

Примечание – Составлено на основе источников (Пустовалов А. В. (Сост.) 2005, с. 12–13; Назарбетова А. К. 2017, с. 5).

Вместе с тем в отечественной науке наблюдается дефицит трудов теоретического и обзорного характера, которые бы освещали наработки англоязычных ученых XXI века по вопросам медиаменеджмента в целом и государственной медиаполитики и медиаменеджмента в частности. В связи с этим в настоящей публикации нами поставлена цель изучить и классифицировать основные подходы к изучению медиаменеджмента в науке стран дальнего зарубежья.

Материалы и методы

Статья подготовлена с применением качественных научных методов: метода кабинетных исследований (desk research), дедукции и индукции, сравнительного анализа, а также метода классификации.

В качестве материалов исследования отобраны публикации в периодических изданиях, сборниках научных статей и монографические издания, принадлежащие авторству ученых и экспертов из стран дальнего зарубежья и преимущественно выполненные на английском языке, а также опубликованные в переводе на русский язык, а также диссертационное исследование вьетнамского ученого, выполненное на русском языке.

Обзор литературы

В массиве существующих зарубежных исследований по вопросам функционирования СМИ выделяются работы ряда авторов, таких как Дэниел Халлин и Паоло Манчини (Daniel C. Hallin & Paolo Mancini (Eds.) 2012), Марк Деузе и Брайан Стюард (Deuze, Mark & Steward, Brian 2010), Свен-Уве Хорст, Паул Клеменс Муршетц (Horst Sven-Ove and Paul Clemens Murschetz 2019; Murschetz P. C. & Tsourvakas G. 2019) и других, изучающих ключевые направления и проблемы развития медиаменеджмента, перспективы его трансформации и вопросы взаимодействия медийной сферы и государства.

Влияние еще одного тренда – слияния различных медиа, их интеграции – на стратегии выживания традиционных СМИ и, соответственно, на подходы к управлению медийным миром рассматривается как западными учеными, например, авторами разделов в книге «Comparing media systems beyond the western world» (Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). 2012) и др., так и исследователями из Китая (Shaoqing Duan 2020; Zhang Yan & Li Heping 2021), Индии (Girija S. 2020) и др. стран Востока.

Особым направлением в рамках работ, посвященных медиаменеджменту, за последние 20 лет стало изучение так называемых «спин-докторов» и их влияния на СМИ. Одними из ранних работ, посвященных данному вопросу, стали публикации Фрэнка Эссера, Карстена Райнмена, Дэвида Фэна, Паула Д'Анжелло (Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David 2000; Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David 2001; Esser Frank & D'Angelo Paul 2006). Это направление располагается на стыке взаимодействия СМИ и государства, что особенно наглядно показано, например, в работах Марка Пирсона и Роджера Патчинга (Pearson Mark & Mclean Hamish 2010; Pearson Mark & Patching Roger 2021).

Интерес также представляют публикации иностранных авторов в русскоязычных изданиях (например, Быков А. Ю. (Ред.) 2011; Васильева В. В. (Ред.) 2019; Национальная ассоциация исследователей массмедиа 2018), а также новые англоязычные периодические издания, такие как «Nordic Journal of Media Management»¹, который выпускается с 2020 года и пока не индексируется в основных наукометрических базах данных, однако имеет большие перспективы по освещению данной отрасли.

¹ About the Journal // <https://journals.aau.dk/index.php/NJMM/about>.

Результаты исследования

По итогам проведенного анализа публикаций выявлен ряд закономерностей и подходов к изучению медиаменеджмента в науке дальнего зарубежья, которые можно классифицировать по нескольким параметрам. Полагаем наиболее удобным для восприятия визуализировать сложившуюся в результате рабочую классификацию (рисунок 2).

Рисунок 2. Основные подходы к изучению государственного менеджмента в дальнем зарубежье

Источник: составлено автором.

Как показано на рисунке 2, во-первых, научные работы в данной сфере в зависимости от своего содержания подразделяются по признакам «общее / частное» или «теория/практика». При этом внимание ученых может быть направлено в большей степени на теоретические вопросы (например, Horst Sven-Ove and Paul Clemens Murschetz 2019) либо на один или несколько аспектов теории медиаменеджмента (нормативно-правовое регулирование, новые источники финансирования СМИ, см. Cha J. 2020), иные меры государственного регулирования СМИ, международные стандарты в области

медиаменеджмента, включенность новых технологий в национальные и корпоративные медиастратегии, см. Kirat Mohamed 2007 и т. д.) либо на то, как в целом реализуются медиаменеджмент и определяющие его факторы в конкретных странах (например, Kirat Mohamed 2007).

Во-вторых, существующие работы по медиаменеджменту в конкретных странах можно охарактеризовать по географии объекта исследования и резидентству исследователя. Так, выделяется значительная группа исследований, в которых представители тех или иных стран рассматривают системы медиаменеджмента и различные аспекты функционирования СМИ и их взаимодействия с государством у себя на родине (Yoram Peri 2012; Мохамед Фадель Али Салем (Западная Сахара) 2011; Bogusława Dobek-Ostrowska 2012; Auks'e Bal'cytien'e 2012; Мухаммед Али Шейх (Пакистан, Карачи) 2011; Pearson, Mark & Mclean, Hamish 2010; Yuezhi Zhao 2012; Батмаз Вейзель (Турция, Стамбул) 2011; Afonso de Albuquerque 2012; Adrian Hadland 2012; Геруля Мариан (Польша, Катовице) 2011; Katrin Voltmer 2012).

Другая группа исследований носит сопоставительный характер, в них исследователь сравнивает отечественную практику с другими странами, (например, Deuze Mark & Steward, Brian 2010; Marwan M. Kraidy 2012; Duncan McCargo 2012). В связи с тем, что на постсоветском пространстве в настоящее время широко распространена практика соавторства местных ученых с представителями дальнего зарубежья, можно говорить об особой подгруппе в группе сопоставительных исследований (например, Pearson Mark & Patching Roger 2021; Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David 2000).

Исследования третьей группы выполнены исключительно на материале стран, в которых сам исследователь (автор работы) не проживает, это своеобразный взгляд извне, какой можно встретить в работах, подобных публикации Грэга Саймонса (Швеция, Упсала – Саймонс Г. 2011). Фокус внимания зарубежных ученых совпадает с геополитическими векторами стран их резидентства. Например, европейские и американские ученые, помимо своих стран, следят за состоянием медиасферы на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в Китае, т. е. регионов, представляющих для Запада либо потенциальную угрозу, либо выгоду и представляют интерес с точки зрения перспектив экономической и/или информационно-идеологической экспансии. Напротив, развивающиеся страны интересуются опытом развитых, который может быть полезен для совершенствования текущей ситуации в сфере медиаменеджмента.

За рамками настоящей статьи мы оставляем вопрос о том, исследования какой из групп в большей степени можно считать объективными и непредвзятыми или, иными словами: чьему суждению можно верить – (1) ученому-резиденту, пишущему о своей стране и сдерживаемому необходимостью следовать господствующей у него на родине модели

идеологии, или (2) стороннему наблюдателю, изучающему систему медиаменеджмента в другой стране по доступным источникам, но не проживает там непосредственно? Полагаем, что наиболее подходящим в данном случае можно считать комплексный подход, который вовлекает в орбиту внимания работы всех трех указанных групп.

В-третьих, различия наблюдаются в зависимости от выбранных исследовательских методов: одни авторы основывают свои наблюдения и выводы на данных контент-анализа публикаций, например, в рамках предвыборной кампании (Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David 2000; Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David 2001; Esser Frank & D'Angelo Paul 2006) или мировой пандемии COVID-19 (Sanjeev M. A., Pande, Neerja, P K, Dr.Santhosh 2021), анализируются кейсы – страновые (например, Torii A. 2020), или касающиеся конкретных организаций и предприятий (Achtenhagen L. 2020). Также публикуются результаты и наблюдения по итогам проведенных социологических опросов (например, Nel F., Milburn-Curtis C. & Lehtisaari K. 2020; Girija S. 2020) и т. д. Гораздо реже проводится математическое моделирование (Torii A. 2020).

Обсуждение результатов

В зарубежной научной литературе медиаменеджмент в основном рассматривается как управление деятельностью СМИ (а также любыми медиа, медиакомпаниями, медиахолдингами, см. Murschetz P. C. & Tsourvakas G. 2019) на уровне самих СМИ, что, с одной стороны, связано с вопросами стратегического планирования и бизнес-моделирования, ресурс-менеджмента и в том числе привлечения источников финансирования, маркетинга, стратегий работы с аудиторией и т. п. С другой стороны, руководству СМИ необходимо выстраивать работу с государственными органами, учитывать требования и ограничения со стороны государства.

Вместе с тем существует и другое, реже встречающееся представление о медиаменеджменте, субъектом которого является государство, а предметом – государственное управление медийной сферой. Это в большей степени характерно для постсоветского пространства, Центральной Азии, Ближнего и Дальнего Востока.

Немецкий автор Г. Штромайер, ограничивая географию своего исследования странами с развитым демократическим строем, исходит из субъектно-объектных отношений между государством и СМИ, за счет чего выделяет три группы стран в зависимости от того, какая из трех концепций взаимодействия власти и масс-медиа является там преобладающей (рисунок 3).

Рисунок 3. Концепции взаимодействия государства и СМИ
(по Г. Штромайеру)

Источник: Штромайер Г. 2008.

Американский исследователь Дэниел Халлин и его соавтор из Италии Паоло Манчини считают целесообразным рассматривать кейсы конкретных стран и регионов. С учетом присущих им особенностей в конкретном историко-политическом контексте возможно говорить о трех моделях развития медийных систем (рисунок 4).

Для понимания этих моделей ключевыми являются степень и характер активности государства и представляющих его политических акторов, а также их влияние на различные сферы общественной жизни, в том числе и медиа-коммуникации. Так, страны, где наблюдается поляризованный плюрализм в политике, отличаются дисперсией власти, которая на практике выражена в виде высокой фрагментации партийной системы, т.е. сосуществованием более 5 партий, дистанцирующихся идеологически (Джованни Сартори 2004). При этом в таких системах одна или несколько партий образуют своеобразный центр, которому противостоят взаимоисключающие периферийные партии, остро оппозиционные по отношению к центру. Иными словами, «преобладание центробежных сил в электоральном соревновании за голоса избирателей над центростремительными; ... наличие безответственной оппозиции, которая, не участвуя в создании правительства, позволяет себе ничем не обеспеченные заявления; ... склонность к политике «чрезмерных обещаний» (Мурашева Е. Е. 2010, с. 84–84). На этом фоне СМИ от собственно информирования переходят к оказанию давления на политику.

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ МЕДИЙНЫХ СИСТЕМ В МИРЕ

Рисунок 4. Мировые модели развития медийных систем и их взаимодействия с государством

Источник: составлено по (Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.) 2012, p. 2, p. 278–304).

Согласно исследованиям теории корпоративизма (в частности неокорпоративизма), «в рамках взаимодействия с группами интересов государство выступает не столько в роли арбитра, призванного поддерживать «правила игры» и фиксировать достигнутый баланс интересов, сколько в

качестве доминирующего актора, решающим образом влияющего как на процессы, так и на результат выработки политики» (Павроз А. В. 2009, с. 57). В этом контексте государство может содействовать убыточным СМИ, субсидирует их и таким образом создает возможность для поддержания плюрализма мнений внутри страны.

Наконец, в рамках либеральной модели, распространенной в англоязычных странах, во главу угла ставятся принципы свободы, равенства, справедливости, приоритета частной собственности, множественности мнений и верховенства закона (Сморгунова В. Ю. 2006). В этих условиях функционирование СМИ выведено в рыночную плоскость, наблюдается конкуренция за аудиторию, стремление к максимальной гласности, информированности населения о существующих проблемах, при этом влияние государства на медиасферу минимально.

Рассмотренные выше модели не охватывают значительное число стран, где вмешательство государства в экономику традиционно выше, чем на Западе, например, на Дальнем Востоке, на изучении медиаменеджмента сказываются особенности сложившейся в стране или регионе экономической и социально-политической ситуации, а также ментальность и исторически сложившиеся традиции.

Так вьетнамская медиасистема характеризуется такими явлениями, как отсутствие оппозиции, государственный заказ и цензура, хотя рост популярности социальных сетей и иных форм онлайн-коммуникации в последнее десятилетие создает условия для конкуренции их с традиционными прогосударственными СМИ, что, по утверждению Чан Тхи Тху Хыонг, «требуется пересмотра модели управления СМИ» (Чан Тхи Тху Хыонг 2017, с. 12), а на уровне конкретных медиакомпаний – «повысить качество медиаменеджмента, предполагающего, в частности, моделирование редакционной деятельности, т.е. создание корпуса документов, отражающих административные, правовые, творческие, технические и хозяйственные аспекты деятельности конкретного СМИ» (Чан Тхи Тху Хыонг 2017, с. 12).

Несмотря на однопартийность и высокую степень участия государства во всех сферах жизни общества, в Китае в последние десятилетия XX века медиасистема претерпела ряд изменений в том числе стала более дробной по территориальному признаку (что отразилось и на структуре органов местного государственного управления СМИ), на центральном уровне, наоборот, произошло объединение ряда государственных органов в сфере культуры и издательской деятельности, но главное – в 2000-х годах произошел переход «от сугубо бюджетного учреждения к модели функционирования «бюджетной организации с предпринимательским управлением», что выразилось в попытках привнесения в экономические и политические стратегии элементов рыночных требований (Дун Я. 2019).

Это отражает одну из важных мировых тенденций, касающуюся трансформации медиасистем в соответствии с динамикой глобальной

технологического развития и новыми потребностями аудиторию. Соответственно, исследователи в странах рассматриваемой группы все чаще говорят о необходимости модернизации стратегий медиаменеджмента – как внутреннего (на уровне самих СМИ), так и внешнего (на уровне государства).

Вне зависимости от выбранного подхода к проведению исследований зарубежные авторы уверены, с одной стороны, в междисциплинарном характере медиаменеджмента (Horst S.O. & Hitters E. 2020, p. 24], а с другой – в том, что во всех странах СМИ должны стремиться к достижению демократичности и минимизации влияния на них государства и бизнес-корпораций. При этом внешние изменения, такие как усиленная цифровизация или иные способы адаптации к современным веяниям и трендам, сами по себе не приводят к созданию «свободного демократического медиапространства» (Khajeheian D. 2020, p. 3), а создание «медиа-наблюдателя» (в оригинале – «watchdog media»), следящего за соблюдением свободы слова и усилением демократии, вряд ли может стать однозначно надежным решением, поскольку ситуация может возвратиться к исходному состоянию в случае обновления правительства и изменения государственного подхода к медиаполитике (Girija S. 2020, p. 94).

Кроме того, даже исследователи, которые рассматривают СМИ с точки зрения рыночных отношений, признают, что нельзя не принимать во внимание социальный и политический контекст (Deuze M. 2005), поскольку, в отличие от других бизнес-направлений, медиакомпаниям необходим баланс между их коммерческими интересами (Achtenhagen L. 2020, p. 9), содержательной идеологией (направлением) их деятельности и внешними факторами (Girija S. 2020, p. 84], в числе которых – государственно-правовое регулирование и многие другие.

Доктор С. Гириджа для нужд своего исследования о политэкономии медийного предпринимательства предложила анализировать полученные опросные данные по тематическим категориям и избранным тематическим кодам в рамках каждой из категорий. В предложенной ею классификации наглядно показаны в числе прочего основные аспекты влияния государства на медиа, очерчено поле для взаимодействия власти и СМИ (таблица 1), нужные аспекты выделены нами полужирным шрифтом. – *Прим. автора*).

Таблица 1. Тематические категории и коды для изучения условий функционирования СМИ

Тематическая категория	Избранные тематические коды
Цели предпринимательства	Причины, по которым учредители основали новую фирму, оставив свою работу, семейную собственность, корпоративный контроль
Идеология	Выбор некоммерческой структуры, создание независимых СМИ, модель дохода без рекламы, защита личной свободы, сторожевые СМИ, укрепление демократии, протестное движение против крупных корпораций

Тематическая категория	Избранные тематические коды
Брендинг	Авторитет, репутация, опыт, ожидания со стороны общественности, элитных СМИ
Роль технологии	Низкая стоимость, снижение входных барьеров, немедленная обратная связь, непропорциональное влияние
Власть и контроль	Роль правительств, враждебная политика, отключение Интернета, контроль производителей над контентом, влиятельные люди, пытающиеся контролировать новости
Правовые проблемы	Дела против медийной организации, медленный ход судебного процесса
Товаризация	Зависимость от социальных сетей, активность в социальных сетях
Эксплуатация	Бесплатное создание контента в социальных сетях, использование данных пользователей для получения прибыли за счет социальных сетей
Поднадзорность (наблюдение, надзор) ²	Данные пользователей собираются правительствами, обмен данными между правительством и социальными сетями, неправомерное использование данных правительством против отдельных лиц

Источник: составлено по (Girija S. 2020, p. 86).

Выделенные в таблице 1 категории в той или иной степени становятся предметом исследований зарубежных ученых на материале одной или нескольких стран. Эти же категории, полагаем, будут актуальны при изучении казахстанского опыта в сфере медиаменеджмента в целом и государственного медиаменеджмента в частности.

В разрезе вызовов, с которыми сталкивается медиаиндустрия, предлагает проводить исследования австрийский ученый Паул Муршетц, который обращает внимание в первую очередь на вопросы корпоративного управления и общественной подотчетности; растущую «медиатизацию» всех форм социальной жизни; политические факторы, формирующие медиаменеджмент; растущий акцент на предпринимательстве и бизнес-моделях; возрастающую роль аудитории средств массовой информации и их растущее участие в построении своих собственных медиа-экосистем; проблемы с ведущим творческим персоналом и / или растущее недоверие общественности к каким-либо основным средствам массовой информации (Murschetz P. C. & Tsourvakas G. 2019).

Многообразие и разнородность приведенных выше аспектов медиаменеджмента, факторов и вызовов, с которыми он сталкивается, приводит к тому, что эта сфера зачастую изучается разрозненно самыми разными науками: в рамках менеджмента, журналистики, культурологии, искусства (например, производства художественного контента) и т.д. (Khajeheian D. 2020, p. 1). В то же время все больше исследователей вслед за Маркам Деузе и Брайаном Стюардом (Deuze Mark & Steward Brian 2010, p. 9) согласны

² В англоязычном оригинале – Surveillance (Прим. автора).

с тем, что для изучения медиаменеджмента необходим интегративный, междисциплинарный подход.

Кроме того, один из актуальных ракурсов рассмотрения проблем медиаменеджмента должен быть связан с человеческим капиталом медийной сферы, в том числе с требованиями к новым лидерам медиаструктур, вопросами подготовки медиаменеджеров нового типа, стейкхолдер-менеджментом (Murschetz P. C. & Tsourvakas G. 2019), необходимостью выработки новых форматов сотрудничества с представителями творческой индустрии и т.д.

В контексте участия личности в медиаменеджменте важно обращать внимание также на сравнительно недавно осознанное явление – спин-докторинг. Изначально спин-докторы, названные так в США по аналогии со спортивным термином (Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David 2000, р. 213), рассматривались в рамках избирательных кампаний политических кандидатов крупнейших стран Запада (США, Британия, Германия и др.). Деятельность спин-докторов может оцениваться неоднозначно в журналистском дискурсе, они воспринимаются то как источники информации (в США), то как те, кто влияет на политические кампании, избираемых кандидатов и прессу (в Европе) (Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David 2001, р. 32) и с этой целью, по мнению журналистов, манипулирует фактами для улучшения общественного мнения, однако несомненна их важность в контексте политических коммуникаций и государственного медиаменеджмента.

Заключение

На примере рассмотренных работ авторов из дальнего зарубежья можно заключить следующее.

Медиаменеджмент рассматривается двояко: зачастую речь идет об управлении на уровне самих СМИ и медиахолдингов, однако под этим термином может также пониматься комплекс мер, стратегий, политик со стороны государства, для которого СМИ выступают как один из общественных институтов, подлежащих государственному регулированию.

В то время как ряд ученых в большей степени интересуется теоретическими аспектами медиаменеджмента, однако многие работы посвящены отдельным практическим вопросам и кейсам. В изучении медиаменеджмента возможен различный географический охват – от одной страны, двух стран в сопоставлении – до целых регионов.

При этом интересно обратить внимание на резидентство автора по отношению к изучаемой стране или одной из изучаемых стран – это может оказывать влияние как на достоверность данных, рассматриваемых в исследовании, в зависимости от источников, из которых эти данные получены, а также на объективность освещения проблем. Так, например, представители стран с развитой демократией или приверженцы данной идеи из других стран видят эту форму единственно верной и настаивают на необходимости

трансформации медиауправления с учетом принципов демократии, свободы прессы и рыночной конкуренции. Это также сказывается на том, насколько широко в работах тех или иных авторов освещается взаимодействие государства и СМИ и с какого ракурса.

Наконец, исследования по вопросам медиаменеджмента выполняются с использованием как теоретических методов, так и различных эмпирических методов, включая контент-анализ, кейс-стади, социологические методы, в редких случаях – математическое моделирование и т.д.

В соответствии с полученными результатами перспективным представляется исследование вопросов государственного медиаменеджмента, который в чистом виде еще недостаточно изучен. В частности, внимание следует обратить на особенности государственной медиаполитики, нормативного правового регулирования медийной сферы, вопросы государственного надзора в области СМИ, спин-докторинг как своего рода посредничество между государством и прессой, также интересны вопросы лидерства в медийной сфере и подготовки кадров для управления СМИ. Данные аспекты могут быть изучены как на примере зарубежных стран, так и на казахстанском материале. Особым направлением могут стать сравнительные исследования отечественного государственного медиаменеджмента и одной или нескольких стран с иными моделями взаимодействия государства и СМИ.

Список источников

1. Батмаз Вейзель (Турция, Стамбул). (2011). Турецкие массмедиа: история и современность. В: Быков А.Ю. (Ред.). Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации (С. 42–49). Арт-Экспресс.
2. Быков А. Ю. (Ред.). (2011). Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации. Арт-Экспресс.
3. Васильева В. В. (Ред.). (2019). Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения (18–19 апреля 2019 г.). Т. 1. СПбГУ.
4. Геруля Мариан (Польша, Катовице) (2011). Медиа-система Польши на современном этапе. В: Быков А.Ю. (Ред.). Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации (С. 96–109). Арт-Экспресс.
5. Джованни Сартори (2004). Партии и партийные системы: рамки анализа. Партии и выборы: Хрестоматия, 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/partii-i-partiynye-sistemy-ramki-analiza>.
6. Дун Я. (2019). Эволюция модели институционального управления китайскими радиовещательными СМИ. Медиаскоп, Вып. 2. <http://www.mediascope.ru/2544>.
7. Мохамед Фадель Али Салем (Западная Сахара). (2011). Становление СМИ в Сахарской Арабской Демократической Республике. В: Быков А. Ю. (Ред.). Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации (С. 74–83). Арт-Экспресс.
8. Мурашева Е. Е. (2010). Политический центр в партийных системах разного типа. Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 1, 77–89.
9. Мухаммед Али Шейх (Пакистан, Карачи). (2011). Современное состояние СМИ Пакистана. В: Быков А.Ю. (Ред.). Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации (с. 91–95). Арт-Экспресс.
10. Назарбетова А. К. (2017). Политический контекст масс-медийного пространства: опыт политической компаративистики [Неопубликованная докторская диссертация PhD]. Казахский национальный университет имени аль-Фараби.

11. Назарбетова А. К. (2019). Ответственность масс-медиа в контексте «четвертой власти». Евразийский Союз Ученых, 8, 118–120.
12. Национальная ассоциация исследователей массмедиа (2018). Актуальные проблемы медиаисследований – 2018. VII Международная научно-практическая конференция. Факультет журналистики МГУ.
13. Павроз А. В. (2009). Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 4, 50–61.
14. Пустовалов А. В. (Сост.) (2005). Современные зарубежные СМИ: Перм. ун-т.
15. Саймонс Г. (2011). СМИ и борьба за общественное мнение в глобальной войне с терроризмом: опыт Ирака. В: Быков А.Ю. (Ред.). Современные зарубежные СМИ в условиях глобализации (С. 24–41). Арт-Экспресс.
16. Сморгунова В. Ю. (2006). Англо-американский либерализм как основание западной модели гражданского общества: теоретико-правовой анализ. Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 16, 139–153.
17. Чан Тхи Тху Хыонг (2017). Медиаменеджмент современного Вьетнама [Неопубликованная кандидатская диссертация]. Воронежский государственный университет.
18. Штрмайер Г. (2008). Політика і мас-медіа. Києво-Могилянська академія.
19. Achtenhagen L. (2020). Entrepreneurial Orientation – an Overlooked Theoretical Concept for Studying Media Firms. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 7–21.
20. Adrian Hadland (2012). Africanizing Three Models of Media and Politics: The South African Experience. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 96–119). Cambridge Univ. Press.
21. Afonso de Albuquerque (2012). On Models and Margins: Comparative Media Models Viewed from a Brazilian Perspective. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 72–95). Cambridge Univ. Press.
22. Auks'e Bal'cytien'e (2012). Culture as a Guide in Theoretical Explorations of Baltic Media In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 51–71). Cambridge Univ. Press.
23. Bogusława Dobek-Ostrowska (2012). Italianization (or Mediterraneanization) of the Polish Media System? Reality and Perspective. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 26–50). Cambridge Univ. Press.
24. Cha J. (2020). Crowdfunded Journalism and Social Entrepreneurship: An Examination of Narrative and Entrepreneur Legitimacy. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 63–80.
25. Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). (2012). Comparing media systems beyond the western world. Cambridge Univ. Press.
26. Deuze M. (2005). What is journalism? Professional identity and ideology of journalists reconsidered. Journalism, 6(4), 442–464.
27. Deuze Mark & Steward Brian. (2010). Managing Media Work.
28. Duncan McCargo (2012). Partisan Polyvalence: Characterizing the Political Role of Asian Media. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 201–223). Cambridge Univ. Press.
29. Esser Frank & D'Angelo Paul. (2006). Framing the Press and Publicity Process in U.S., British, and German General Election Campaigns. Harvard International Journal of Press-politics – HARV INT J PRESS-POLIT. 11. 44–66.
30. Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David. (2000). Spin Doctoring in British and German Election Campaigns: How the Press Is Being Confronted with a New Quality of Political PR. European Journal of Communication – EUR J COMMUN. 15. 209–239.
31. Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David. (2001). Spin Doctors in the United States, Great Britain, and Germany Metacommunication about Media Manipulation. Harvard International Journal of Press-politics – HARV INT J PRESS-POLIT. 6. 16–45.
32. Girija S. (2020). Political Economy of Media Entrepreneurship: Power, Control and Ideology in a News Media Enterprise. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 81–101.
33. Horst S.O. & Hitters E. (2020). Digital Media Entrepreneurship: Implications for Strategic Identity Work and Knowledge Sharing of Beginning Entrepreneurs. Nordic

- Journal of Media Management, 1(1), 23–44.
34. Horst Sven-Ove, and Paul Clemens Murschetz (2019). Strategic Media Entrepreneurship: Theory Development and Problematisation. The Journal of Media Management and Entrepreneurship. January. <https://www.igi-global.com/article/strategic-mediaentrepreneurship/220047>.
 35. Katrin Voltmer (2012). How Far Can Media Systems Travel? Applying Hallin and Mancini's Comparative Framework outside the Western World. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 224–245). Cambridge Univ. Press.
 36. Khajeheian D. (2020). Enterprise as the Central Focus in Media Management Research. Nordic Journal of Media Management. 1(1), 1–5.
 37. Kirat Mohamed. (2007). Promoting online media relations: Public relations departments' use of Internet in the UAE. Public Relations Review. 33. pp: 166-174.
 38. Marwan M. Kraidy (2012). The Rise of Transnational Media Systems: Implications of Pan-Arab Media for Comparative Research. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 177–200). Cambridge Univ. Press.
 39. Murschetz P. C. & Tsourvakas G. (2019). Media management // D. Merskin (Ed.) The SAGE International Encyclopedia of Mass Media and Society. Thousand Oaks, CA: Sage 2019.
 40. Nel F., Milburn-Curtis C. & Lehtisaari K. (2020). Successful Exploration: Organisational Ambidexterity and Performance in News Media Firms. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 45-62.
 41. Pearson Mark & Mclean Hamish. (2010). Quantifying Government Media Relations in Queensland. Public Communication Review. 1. 10.
 42. Pearson Mark & Patching Roger. (2021). Government media relations: A 'spin' through the literature. Humanities & Social Sciences papers. https://www.researchgate.net/publication/27826784_Government_media_relations_A_%27spin%27_through_the_literature.
 43. Sanjeev M. A., Pande Neerja, P K, Dr. Santhosh. (2021). Role of effective crisis communication by the government in managing the first wave Covid-19 pandemic – A study of Kerala government's success. Journal of Public Affairs, e2721. https://www.researchgate.net/publication/353411198_Role_of_effective_crisis_communication_by_the_government_in_managing_the_first_wave_Covid-19_pandemic_-_A_study_of_Kerala_government's_success.
 44. Shaoqing Duan. (2020). On the Transmutation of Media Management Concept under the Trend of Media Fusion. Journal of Finance Research. 4. 156.
 45. Torii A. (2020). Two Agency Problems in Subcontracting Systems: The Case of Japan's Content Industry. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 103-119.
 46. Yoram Peri (2012). The Impact of National Security on the Development of Media Systems: The Case of Israel. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 11–25). Cambridge Univ. Press.
 47. Yuezhi Zhao (2012). Understanding China's Media System in a World Historical Context. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 143–176). Cambridge Univ. Press.
 48. Zhang Yan & Li Heping. (2021). Case-based teaching research of media management course. SHS Web of Conferences. 99. 01006. 10.1051/shsconf/20219901006.

References

1. Batmaz Vejzel' (Turciya, Stambul). (2011). Tureckie massmedia: istoriya i sovremennost'. V: Bykov A.Yu. (Red.). Sovremennye zarubezhnye SMI v usloviyah globalizatsii (S. 42–49). Art-Ekspress.
2. Bykov A. Yu. (Red.). (2011). Sovremennye zarubezhnye SMI v usloviyah globalizatsii. Art-Ekspress.
3. Vasil'eva V. V. (Red.). (2019). Media v sovremenном mire. 58-e Peterburgskie chteniya (18–19 aprelya 2019 g.). T. 1. SPbGU.
4. Gerulya Marian (Pol'sha, Katovice) (2011). Media-sistema Pol'shi na sovremenном etape. V: Bykov A.Yu. (Red.). Sovremennye zarubezhnye SMI v usloviyah globalizatsii (S. 96–109). Art-Ekspress.
5. Dzhovanni Sartori (2004). Partii i partijnye sistemy: ramki analiza. Partii i vybory: Hrestomatiya, 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/partii-i-partijnye-sistemy-ramki-analiza>.

6. Dun Ya. (2019). Evolyuciya modeli institucional'nogo upravleniya kitajskimi radioveshchatel'-nymi SMI. Mediaskop, Vyp. 2. <http://www.mediascope.ru/2544>.
7. Mohamed Fadel' Ali Salem (Zapadnaya Sahara). (2011). Stanovlenie SMI v Saharskoj Arab-skoj Demokraticheskoy Respublike. V: Bykov A. Yu. (Red.). Sovremennye zarubezhnye SMI v uslo-viyah globalizacii (S. 74–83). Art-Ekspress.
8. Murasheva E. E. (2010). Politicheskij centr v partijnyh sistemah raznogo tipa. Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly, 1, 77–89.
9. Muhammed Ali Shejh (Pakistan, Karachi). (2011). Sovremennoe sostoyanie SMI Pakistana. V: Bykov A.Yu. (Red.). Sovremennye zarubezhnye SMI v usloviyah globalizacii (c. 91–95). Art-Ekspress.
10. Nazarbetova A. K. (2017). Politicheskij kontekst mass-medijnogo prostranstva: opyt politicheskoy komparativistiki [Neopublikovannaya doktorskaya dissertaciya PhD]. Kazahskij nacio-nal'nyj universitet imeni al'-Farabi.
11. Nazarbetova A. K. (2019). Otvetstvennost' mass-media v kontekste «chetvertoj vlasti». Evrazijskij Soyuz Uchenyh, 8, 118–120.
12. Nacional'naya associaciya issledovatelej massmedia (2018). Aktual'nye problemy mediais-sledovaniy – 2018. VII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Fakul'tet zhurnalisti-ki MGU.
13. Pavroz A. V. (2009). Korporativizm: istoki, evolyuciya, sovremennoe sostoyanie. Vestnik Mos-kovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya, 4, 50–61.
14. Pustovalov A. V. (Sost.) (2005). Sovremennye zarubezhnye SMI: Perm. un-t.
15. Sajmons G. (2011). SMI i bor'ba za obshchestvennoe mnenie v global'noj vojne s terrorizmom: opyt Iraka. V: Bykov A.Yu. (Red.). Sovremennye zarubezhnye SMI v usloviyah globalizacii (S. 24–41). Art-Ekspress.
16. Smorgunova V. Yu. (2006). Anglo-amerikanskij liberalizm kak osnovanie zapadnoj modeli grazhdanskogo obshchestva: teoretiko-pravovoj analiz. Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena, 16, 139–153.
17. Chan Thi Thu Hyong (2017). Mediamenedzhment sovremennogo V'etnama [Neopublikovannaya kandidatskaya dissertaciya]. Voronezhskij gosudarstvennyj universitet.
18. Shtromajer G. (2008). Politika i mas-media. Kievo-Mogilyans'ka akademiya.
19. Achtenhagen L. (2020). Entrepreneurial Orientation – an Overlooked Theoretical Concept for Studying Media Firms. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 7–21.
20. Adrian Hadland (2012). Africanizing Three Models of Media and Politics: The South African Experience . In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 96–119). Cambridge Univ. Press.
21. Afonso de Albuquerque (2012). On Models and Margins: Comparative Media Models Viewed from a Brazilian Perspective. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 72–95). Cambridge Univ. Press.
22. Auks'e Bal'cytien'e (2012). Culture as a Guide in Theoretical Explorations of Baltic Media In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 51–71). Cambridge Univ. Press.
23. Bogusława Dobek-Ostrowska (2012). Italianization (or Mediterraneanization) of the Polish Media System? Reality and Perspective. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 26–50). Cambridge Univ. Press.
24. Cha J. (2020). Crowdfunded Journalism and Social Entrepreneurship: An Examination of Narrative and Entrepreneur Legitimacy. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 63–80.
25. Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). (2012). Comparing media systems beyond the western world. Cambridge Univ. Press.
26. Deuze M. (2005). What is journalism? Professional identity and ideology of journalists reconsidered. Journalism, 6(4), 442–464.
27. Deuze Mark & Steward Brian. (2010). Managing Media Work.
28. Duncan McCargo (2012). Partisan Polyvalence: Characterizing the Political Role of Asian Media. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). Comparing media systems beyond the western world. (pp. 201–223). Cambridge Univ. Press.
29. Esser Frank & D'Angelo Paul. (2006). Framing the Press and Publicity Process in U.S., British, and German General Election Campaigns. Harvard International Journal of Press-politics – HARV INT J PRESS-POLIT. 11. 44–66.
30. Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David. (2000). Spin Doctoring in British and

- German Election Campaigns: How the Press Is Being Confronted with a New Quality of Political PR. *European Journal of Communication – EUR J COMMUN.* 15. 209-239.
31. Esser Frank & Reinemann Carsten & Fan David. (2001). Spin Doctors in the United States, Great Britain, and Germany Metacommunication about Media Manipulation. *Harvard International Journal of Press-politics – HARV INT J PRESS-POLIT.* 6. 16-45.
 32. Girija S. (2020). Political Economy of Media Entrepreneurship: Power, Control and Ideology in a News Media Enterprise. *Nordic Journal of Media Management*, 1(1), 81-101.
 33. Horst S.O. & Hitters E. (2020). Digital Media Entrepreneurship: Implications for Strategic Identity Work and Knowledge Sharing of Beginning Entrepreneurs. *Nordic Journal of Media Management*, 1(1), 23–44.
 34. Horst Sven-Ove, and Paul Clemens Murschetz (2019). Strategic Media Entrepreneurship: Theory Development and Problematization. *The Journal of Media Management and Entrepreneurship*. January. <https://www.igi-global.com/article/strategic-mediaentrepreneurship/220047>.
 35. Katrin Voltmer (2012). How Far Can Media Systems Travel? Applying Hallin and Mancini's Comparative Framework outside the Western World. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). *Comparing media systems beyond the western world.* (pp. 224–245). Cambridge Univ. Press.
 36. Khajeheian D. (2020). Enterprise as the Central Focus in Media Management Research. *Nordic Journal of Media Management*. 1(1), 1–5.
 37. Kirat Mohamed. (2007). Promoting online media relations: Public relations departments' use of Internet in the UAE. *Public Relations Review*. 33, pp: 166-174.
 38. Marwan M. Kraidy (2012). The Rise of Transnational Media Systems: Implications of Pan-Arab Media for Comparative Research. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). *Comparing media systems beyond the western world.* (pp. 177–200). Cambridge Univ. Press.
 39. Murschetz P. C. & Tsourvakas G. (2019). Media management // D. Merskin (Ed.) *The SAGE International Encyclopedia of Mass Media and Society*. Thousand Oaks, CA: Sage 2019.
 40. Nel F., Milburn-Curtis C. & Lehtisaari K. (2020). Successful Exploration: Organisational Ambidexterity and Performance in News Media Firms. *Nordic Journal of Media Management*, 1(1), 45-62.
 41. Pearson Mark & Mclean Hamish. (2010). Quantifying Government Media Relations in Queensland. *Public Communication Review*. 1. 10.
 42. Pearson Mark & Patching Roger. (2021). Government media relations: A 'spin' through the literature. *Humanities & Social Sciences papers*. https://www.researchgate.net/publication/27826784_Government_media_relations_A_%27spin%27_through_the_literature.
 43. Sanjeev M. A., Pande Neerja, P K, Dr. Santhosh. (2021). Role of effective crisis communication by the government in managing the first wave Covid-19 pandemic – A study of Kerala government's success. *Journal of Public Affairs*, e2721. https://www.researchgate.net/publication/353411198_Role_of_effective_crisis_communication_by_the_government_in_managing_the_first_wave_Covid-19_pandemic_-_A_study_of_Kerala_government's_success.
 44. Shaoqing Duan. (2020). On the Transmutation of Media Management Concept under the Trend of Media Fusion. *Journal of Finance Research*. 4. 156.
 45. Torii A. (2020). Two Agency Problems in Subcontracting Systems: The Case of Japan's Content Industry. *Nordic Journal of Media Management*, 1(1), 103-119.
 46. Yoram Peri (2012). The Impact of National Security on the Development of Media Systems: The Case of Israel. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). *Comparing media systems beyond the western world.* (pp. 11–25). Cambridge Univ. Press.
 47. Yuezhi Zhao (2012). Understanding China's Media System in a World Historical Context. In Daniel C. Hallin, & Paolo Mancini (Eds.). *Comparing media systems beyond the western world.* (pp. 143–176). Cambridge Univ. Press.
 48. Zhang Yan & Li Heping. (2021). Case-based teaching research of media management course. *SHS Web of Conferences*. 99. 01006. 10.1051/shsconf/20219901006

ПРЯМЫЕ ВЫБОРЫ СЕЛЬСКИХ АКИМОВ: АНАЛИЗ ИТОГОВ, РИСКОВ И ПРОГНОЗ

Айбек Кумысбеков¹,
Александр Данилов²,
Асель Аяганова^{3*}

^{1,2,3} докторанты кафедры «Политологии» факультета
«Журналистики и политологии» Евразийского
национального университета им. Л. Н. Гумилева
e-mail*: ayaganova_assel@bk.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-4.01>

Аннотация. 25 июля 2021 года в Казахстане прошли первые прямые выборы сельских акимов. Данное событие стало важным этапом в дальнейшем совершенствовании институтов государственного управления на местах, а также в стране запущен круглогодичный электоральный цикл. Статья посвящена итогам прошедших выборов, анализу результатов, преимуществ и рисков, которые несут в себе прямые выборы акимов села. В исследовании был использован метод опроса на улице путем случайной выборки, а также интервью.

Ключевые слова: акимы сел, выборы, политическая система, Республика Казахстан, политическая партия.

АУЫЛ ӘКІМДЕРІН ТІКЕЛЕЙ САЙЛАУ: НӘТИЖЕЛЕРДІ, ТӘУЕКЕЛДЕРДІ ЖӘНЕ БОЛЖАМДЫ ТАЛДАУ

Айбек Күмісбеков¹, Александр Данилов², Әсел Аяганова³

^{1,2,3} Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Журналистика және саясаттану» факультетінің «Саясаттану» кафедрасының докторанттары

Аңдатпа. 2021 жылдың 25 шілдесінде Қазақстанда бірінші рет ауыл әкімдерінің тікелей сайлауы өтті. Бұл оқиға жергілікті өзін-өзі басқару институттарын одан әрі жетілдірудің тағы бір кезеңі болды, сонымен қатар елде жыл бойына өтетін сайлау циклін бастады. Мақалада өткен сайлаудың қорытындылары, ауыл әкімдерінің тікелей сайлауы әкелетін нәтижелер мен қауіп-қатерлерді талдауға арналған. Зерттеуде көшеде кездейсоқ сауалнама, сонымен қатар сұхбат әдісі қолданылды.

Түйін сөздер: ауыл әкімдері, сайлау, саяси жүйе, Қазақстан Республикасы, саяси партия.

DIRECT ELECTION OF RURAL AKIMS: ANALYSIS OF RESULTS, RISKS AND FORECAST

Aibek Kumysbekov¹, Alexander Danilov², Assel Ayaganova³

^{1,2,3} doctoral students of the Department of «Political Science» of the Faculty of «Journalism and Political Science» of the Eurasian National University. L. N. Gumilyova

Annotation. On July 25, 2021, the first direct elections of rural mayors were held in Kazakhstan. This event became an important stage in the further improvement of local government institutions, and also launched a year-round electoral cycle in the country. The article is devoted to the results of the past elections, the analysis of the results, advantages and risks that direct elections of akims of the village entail. The study used the method of a random survey on the street, as well as interviews.

Key words: *mayors of villages, elections, political system, Republic of Kazakhstan, political party.*

Введение

Изучение вопроса местного госуправления всегда было актуальным на современном этапе истории Казахстана. Аналитике выборного процесса были посвящены доклады неправительственных организаций, которые в большей мере акцентировались на процедурах проведения выборов сельских акимов, их правовым нормам, со стороны политической части можно выделить таких казахстанских ученых как К. Берентаев, С. Зиманов, Л. Жанузакова и другие.

Данные авторы в своих работах акцентировали внимание не столько на выборах, сколько на вопросах местного самоуправления, рассматривая их с правовой точки зрения.

Также проводились исследования в области местного самоуправления со стороны неправительственных организаций. Например, Общественное Объединение «Эхо» опубликовало «Выборы акимов городов районного значения, сельских округов, поселков и сел Республики Казахстан, не входящих в состав сельского округа – 2013» [1] и «Развитие местного самоуправления в Казахстане. Отчет по оценке влияния изменений законодательства на практику местного самоуправления» [2], выпущенного в 2018 году, где акцент делался на оценку процедурных моментов избирательного процесса и его влияния на местное самоуправление.

Интересным является сборник материалов, изданный в 2020 году по заказу Фонда Конрада Аденауэра «Политика на местном уровне —

актуальные и проблемные вопросы. Рекомендательное пособие для субъектов местного управления в Казахстане» [3], где авторами выступили известные казахстанские и зарубежные эксперты: Сергей Худяков, Грегор Бендер, Рахим Ошакбаев, Йохен-Конрад Фромме, д-р Себастиан Сандерс, Томас Хельм, Кайша Атаханова, Мадина Ибрашева, Алихан Байменов, Ернар Жаркешов, Гульмира Раисова, Нургуль Адамбаева, Арне Кёллинг. В сборнике авторы рассматривают с политологической, экономической, социальной и правовой точек зрения проблемы самоуправления и барьеры, тормозящие его дальнейшее развитие.

Настоящая статья посвящена первым прямым выборам сельских акимов, в которой авторы анализируют итоги проведенных выборов в октябре 2021 года, а также изучают риски в области сохранения межэтнического согласия в период электоральной кампании, использования в агитации социальных сетей и современных средств коммуникации и в целом восприятие населением проведенных выборов.

В основу статьи взято полевое исследование, проведенное авторами в составе объединенной исследовательской группы членов Национального совета общественного доверия (НСОД) и Президентского молодежного кадрового резерва во время рабочих поездок в рамках работы по подготовке доклада на заседание НСОД в Павлодарскую, Костанайскую, Восточно-Казахстанскую и Туркестанскую области [4].

Основные методы исследования

Основной метод исследования – это проведение опроса в формате интервью среди жителей сел, в которых проходили выборы, а также кандидатов в сельские акимы, акимов районов и руководителей местных филиалов политических партий.

Формат интервью предполагал его проведение среди жителей села на улице, возле избирательных участков путем случайной выборки. В интервью принимали участие порядка тридцати человек.

Основные вопросы, которые задавались *жителям* села:

1. Знали ли они о проводимых выборах? Когда узнали о выборах?
2. Знаете ли кандидатов в сельские акимы?
3. Как кандидаты проводили агитационную работу?
4. Чувствуют ли жители села теперь ответственность за свой выбор и будущее села?
5. Почему не баллотировались местные жители?

При интервью с *кандидатами* авторами были заданы следующие вопросы:

1. Цель вашего участия в выборах?
2. Каким образом проводили избирательную кампанию?
3. Какие средства и инструменты использовали в рамках избирательной кампании?
4. Следует ли снижать образовательный ценз для участия в выборах акимов села?

5. Согласны ли с тем, что следует возвращать регистрационный взнос для кандидатов-самовыдвиженцев и т.п.

Вопросы в интервью с *акимами* районов касались их взаимоотношений с акимами сел после выборов, оценке хода избирательного процесса.

Руководителям филиалов политических партий были заданы вопросы об их участии в выборах сельских акимов: какие они видят возможности для политических партий, почему партии проявляли пассивность, как в целом они оценивают институт выборов на селе и как это будет влиять на партийную активность в регионе.

Опросы проводились анонимно, все интервьюеры были оповещены, что будет проводиться аудиозапись разговора.

Также был проведен анализ истории становления государственного управления в Казахстане, изучение материалов социологического исследования, проведенного ЦСПИ «Стратегия» по итогам выборов, проведенных в июле 2021 года [5], изучены данные по количественному составу кандидатов, избранных акимов и т.п.

В ходе исследования были также проведены интервью с экспертами, а именно политологами, государственными служащими, депутатами маслихатов и Парламента РК.

Формат исследования носил прикладной характер, по итогам сбора и анализа полученной информации авторами были разработаны ряд конкретных рекомендаций, представленных в рамках VI заседания НСОД.

Результаты и выводы исследования

История развития местного государственного управления Казахстана имеет богатую историю. С первых лет независимости Республика начала свой поиск оптимальной модели по формированию эффективных органов местного самоуправления, которая гармонично вписалась бы в политическую структуру страны.

В 90-ые годы внедрение прямых выборов глав регионов, городов и поселков грозил стране политической дестабилизацией, при этом на тот момент требовалась абсолютная мобилизация всего административного аппарата для решения оперативных вопросов реформирования экономики страны, решения кризисов и т.п. Примером подобной нестабильности регионов была Российская Федерация, где слабая вертикаль власти приводила к постоянному противостоянию федерального центра и регионов, а также трениям между региональными центрами и муниципалитетами.

Вопрос о развитии местного самоуправления стал снова актуальным в 2000-х годах. В 2001 году прошли выборы сельских акимов, которых избирали посредством выборщиков. В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 6 июня 2006 года № 130 «О проведении выборов акимов районов, городов областного значения Республики Казахстан» были проведены косвенные выборы акимов. При этом кандидат на пост акима предлагался акимом области. Выборы прошли на 30% административно-территориальных

единиц. Затем в 2013 и 2017 годах проводились всеобщие не прямые выборы акимов городов районного значения, поселков, сельских округов и сел – их выбирали депутаты районных маслихатов.

Стоит учесть, что помимо самих выборов акимов сел и городов областного значения, также предпринимались попытки по реформированию местного сообщества, с целью его вовлечения в процессы принятия решений, то есть, по сути, создавались органы местного самоуправления.

В 2007 году в Конституцию были внесены дополнения, в которых было дано определение что местное самоуправление осуществляется населением непосредственно, а также через маслихаты и другие органы местного самоуправления. Правовыми актами было закреплено, что именно аким, помимо исполнения им функций государственного управления, должен осуществлять и функции местного самоуправления. При этом вводилась норма, что обсуждение вопросов местного значения можно проводить через собрания (сходы) местного населения.

Затем 28 ноября 2012 года была принята и утверждена Концепция развития местного самоуправления в Республике Казахстан. Толчком для ее разработки стало Послание Президента РК К.-Ж. Токаева от 27 января 2021 года, в котором отмечалось: «Важно развивать местное самоуправление, расширить участие граждан в решении всех вопросов местного развития» [7].

Авторы Концепции справедливо посчитали, что акимы на местах, не имея собственного бюджета и не являясь администраторами бюджетных программ, не могут эффективно решать большинство вопросов. При этом были сформированы аппараты сельских акимов, однако финансирование сельских программ велось по остаточному принципу.

В самой концепции обговаривалось внедрение выборности акимов, однако данные выборы должны были проходить через маслихаты без участия населения.

В 2018 году была закреплена норма о передаче бюджета и коммунальной собственности городам в городах районного значения, селам и сельским округам с численностью населения свыше 2000 человек. Также в бюджет сельского округа, поселка и села было передано 7 видов налоговых и других неналоговых поступлений, а именно:

- индивидуальный подоходный налог;
- налог на имущество физических лиц;
- земельный налог с физических и юридических лиц;
- налог на транспортные средства физических и юридических лиц;
- плата за размещение наружной рекламы;
- другие неналоговые поступления в виде штрафов, налагаемых местными акимами, добровольных сборов физических и юридических лиц;
- доходы от коммунальной собственности округа [6].

В 2020 году на четвертый уровень бюджета перешли все остальные административные единицы, независимо от численности населения.

А законом от 30 июня 2021 года на бюджет четвертого уровня перенесли еще следующие виды поступлений:

- единый земельный налог;
- плату за пользование земельными участками;
- поступления от продажи земельных участков, за исключением поступлений от продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения;
- плату за продажу права аренды земельных участков.

В 2020 в Послании народу Казахстана Президент РК К.-Ж. Токаев отметил, что «опросы общественного мнения показывают усилившийся запрос на выборность сельских акимов. К этому важному шагу следует подойти взвешенно и последовательно. Нужно четко представлять, как эта система будет работать на деле. Однако откладывать решение данного вопроса в долгий ящик нельзя».

В рамках исполнения данного поручения были внесены соответствующие поправки в законодательство. Оперативная работа государственных органов позволила уже в следующем году, к маю 2021 года, внести инициативу на подпись к Президенту К.-Ж. Токаеву. А уже 25 июня советником Президента Е. Кариным было официально объявлено, что выборы 730 сельских акимов состоятся 25 июля и продолжатся в дальнейшем, в зависимости от истечения сроков полномочий акимов [8].

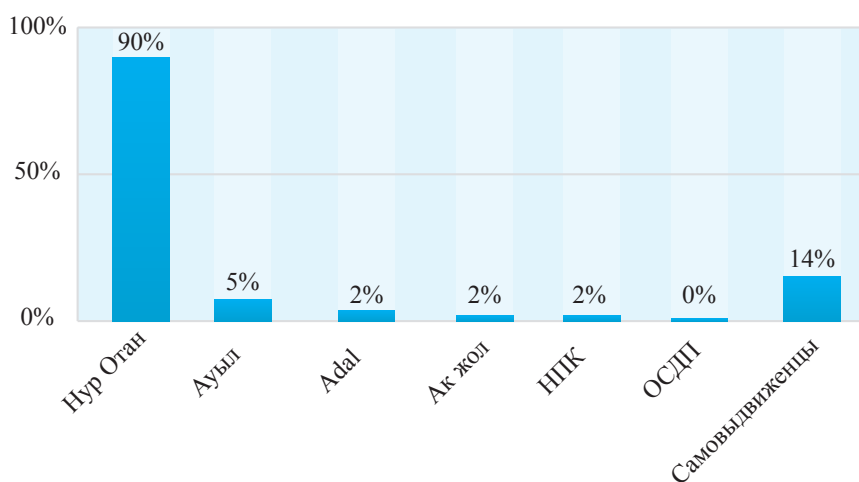

Рисунок 1. Кандидаты в акимы в период с 25 июня по 1 ноября 2021 г.

Всего с 25 июля по 1 ноября 2021 года было избрано 811 акимов, политическими партиями было выдвинуто 698 кандидатов, из них от партии «Нур Отан» – 89,7%, от «Ауыл» – 4,7%, «Adal» – 2,1%, «Ак жол» – 1,7%, НПК – 1,6%, ОСДП – 0,1%, самовыдвиженцы – 13,9%. 51% состава акимов был обновлен, 49% акимов сумели переизбраться (рис.1).

Следует отметить и тот факт, что разработчики реформы, начавшейся в 2012 году, в лице уполномоченных государственных органов рассматривали и зарубежный опыт. При этом особенно их интересовал опыт Польши в вопросах самоуправления, из-за схожести формирования административно-территориального устройства. А именно повяты, гмины и воеводства, которые соответствовали нашим селам, районам и областям [9]. Однако разность подходов при формировании бюджетов и бюджетных процедур не могло позволить применить данную систему в полной мере, более того следует учитывать и тот факт, что плотность населения в Польше намного больше и составляет 121,1 человек на один квадратный километр [9], а в Казахстане – 7,1 человека на один квадратный километр [10].

При этом важно учитывать и плотность, и количество населения, проживающего в сельских округах на севере и юге страны, которая очень сильно разнится. К примеру, население только Ленгерского сельского округа составляет более 19 000 человек, в то время как в Костанайской области крупным селом можно считать село с населением свыше 1000 человек.

Еще важным фактором, который необходимо было учитывать при разработке и внедрения института выборности акимов сел – это разный этнический состав населения и их взаимоотношения.

Особое внимание в этом вопросе заслуживают южные регионы в Казахстане, так по словам экспертов, которые были опрошены авторами, риск возникновения межэтнического напряжения в южных регионах, связанных выборами вполне реален. Следует понимать, что сложные взаимоотношения между казахским населением и представителями других этносов, не могут в одночасье перерасти в открытый конфликт, где причиной станет победа, к примеру, акима не титульной национальности. Конфликту могут предшествовать разные уровни доходов у этнических групп, приверженность к различным экономическим нишам и т.п.

По мнению экспертов важно проводить жесткий мониторинг, особенно в районах, где компактно проживают представители одного этноса, а казахи составляют меньшинство. Также важно проводить избирательную кампанию, соблюдая избирательное законодательство и привлекать сильных наблюдателей из сел, которые смогут взять на себя роль медиатора, если возникнут конфликты. Наблюдатели должны стать гарантом того, что после оглашения результатов выборов сторонники кандидатов не будут выяснять отношения на улице.

В этой связи возрастает роль территориальных избирательных комиссий, которые должны обладать высокой степенью компетенции и обеспечить полный и равный доступ кандидатов ко всем законным средствам агитации; со стороны местных исполнительных органов – проведение мониторинга и отслеживание общественно-политической ситуации в подобных селах; со стороны органов надзора и правоохранительных органов – жесткое реагирование на любые призывы от любого кандидата которые могут быть трактованы как разжигание

межнациональной розни, усиление работы по снижению криминогенной ситуации в селах, ликвидация или снижение активности организованных преступных группировок, собранных по этническому признаку.

Также в рамках опроса кандидатов было отмечено, что разница в покрытии интернета в селах влияет на оперативность распространения информации. Так, к примеру, в селах существуют группы жителей, в которых преимущественно обсуждаются вопросы купли-продажи, перевозки и т.п. В рамках выборов акимов в областях, где проводился опрос населения, в большинстве случаев данные каналы связи никоим образом не использовались. Со стороны территориальных избирательных комиссий данные чаты также не использовались для распространения информации по проведению выборов в данных селах, кандидаты в акимы также проявили пассивность, не став распространять информацию о себе через данные чаты.

По словам кандидатов, именно некачественная интернет-связь стала основной причиной того, почему они не стали проводить активную агитацию в социальных сетях. При этом, нами было отмечено, что они владеют ситуацией в сельском округе, а также понимают какие инструменты и связи необходимы, чтобы довести до избирателя свою программу (рис.1).

«Кандидат в акимы села №1:

Ну, я больше делал упор на живое общение, т.е. находился в округе, общался со сферой образования, с жителями непосредственно (подворный обход делал), проходил с рабочими ТОО (основной костяк коллектива округа), в соцсети фотографии размещал. Не скажу, что я такой уж прям взрослый, но к соцсетям я довольно холодно отношусь и больше делал упор на живое общение. Соцсети та же бабушка не будет смотреть, а основное население, я знаю по своему опыту, кто непосредственно обращается часто к акиму - это категория одиноких пенсионеров. И они, естественно, из соцсетей обо мне не узнают - это надо с ними общаться знакомиться, разговаривать, поэтому я делал упор на живое общение.

Кандидат в акимы села №2:

Тоже в соцсети разместил 50 на 50 фотографии, тоже поехал агитировать туда сам. Первый вопрос у них был - интернет. У них там нет ни связи, ни интернета. Вот как, если агитироваться в определённый округ, как они будут смотреть соцсети, если у них интернета ноль, связь сотовая даже ноль. Через соцсети агитация - как бы 50/50. Поехал туда, агитировал ходил так же - по ТОО, по образованию, везде, представлялся, разговаривал с людьми».

Рисунок. 1 Агитационные материалы кандидатов в сельские акимы

Источник: из архива авторов

Кандидаты в акимы показали хороший уровень подготовленности. К примеру, в одном из районов кандидат-самовыдвиженец уже дважды баллотируется на должность акима. Причина мотивации – карьерный рост, который можно начать с малой ступени поселкового акима, при этом кандидат, по его словам, обладает необходимыми знаниями и компетенциями в сфере бюджетных процедур.

Подобные примеры показывают, что на селе имеется кадровый потенциал для взращивания новых руководителей. Механизм выборов для них становится отличным социальным и карьерным лифтом. Для подобных руководителей вхождение на государственную службу через конкурентные выборы, получение ими новых навыков, таких как публичные выступления, планирование кампании, глубокое изучение вопросов и проблем простых граждан станет фундаментом для их дальнейшего карьерного роста. Мы можем предполагать, что именно данные выборы станут новым толчком для генерации госслужащих, которые способны вести диалог с гражданами на их языке, не боятся публички и публичных выступлений, и их победители и участники вполне могут стать яркими политическими деятелями в будущем.

Более того, кандидаты-самовыдвиженцы должны стать объектом пристального внимания со стороны политических партий и всех участников политического процесса. Их необходимо активно вовлекать в общественную жизнь района, именно они могут стать качественной основой для кадрового резерва общественных объединений и партий.

Немаловажным фактором на выборах акимов играла их принадлежность к конкретному селу: зачастую сельчане отдавали свои голоса людям, которых лично знают, которые являются уроженцами села.

Также жители села отдали предпочтение новым лицам, 49% акимов было обновлено. Однако 51% сумели переизбраться, завоевав доверие жителей в новых условиях [10].

Для переизбранных акимов определяющим стал фактор их активной работы в прошлом. В одном из сел, где победил действующий аким, жители села основной причиной голосования за него определили результаты его работы на посту акима, его поддержку жителей села, постоянную связь с населением. Как сообщил один из жителей села, опрошенных в поселке, где победил действующий аким:

«Житель села №1:

- Наш аким единственный кто что-то сделал для нашего поселка. Мы прекрасно это видим. Ему желаем только успехов. Свет есть, вы можете зайти на остановку, там есть свет. Асфальт на детской площадке есть, еще обещают положить. Наш аким – мы за него.

Житель села №2:

– Он до этого здесь работал, а остальные как – не знаем.

Житель села №3

– Других кандидатов мы не видели. Своего кандидата мы видели – и опрос у него был, и т.д., других видели только по фотографиям. А наш аким везде был, где-то что-то поможет, всегда подскажет. Многодетным, малоимущим. У нас в прошлом году дом сгорел – он нам продукты дал, еще помогал, всегда отзывчивый.

Житель села №4:

– Элементарно – я вчера ему в ватсап пишу, в воскресенье, в выходной. Он говорит, пожалуйста, приходите как я выйду из отпуска. И я понимаю, что пусть это на следующий год, но оно будет».

Стоит отметить, что по итогам прошедших выборов около 10% избранных акимов являются представительницами женского пола. Из бесед с кандидатами и жителями сел стало понятно, что гендерная принадлежность кандидата зачастую не играет важной роли, особенно в северных регионах.

«Кандидат в сельские акимы №3:

Ну, я сама с поселка, и очень много местных жителей ходили ко мне и просили прям, что «NN, давайте Вы будете у нас акимом, потому что Вы местный человек, Вы знаете население, Вы знаете наши проблемы, мы Вас очень хорошо знаем, поэтому вот они меня просили».

Такого же мнения придерживались и жители села, в котором баллотировалась данный кандидат.

«Житель села №5:

– А так, мы уже знаем, кого выбираем, надеемся на нее. И ее знаем, и что она здесь жила всю жизнь, и она, мне кажется, будет даже больше для поселка своего родного стараться. На это надеемся».

Однако, помимо фактора землячества и результатов работы, все же качественная агитационная работа может дать и вполне хорошие результаты. В одном из сел активная агитационная работа молодого кандидата, который даже не являлся жителем села, позволила ему завоевать доверие граждан. По словам жительницы данного села, именно активная агитационная работа позволила ей определиться с выбором.

«Житель села №6:

– Я считаю, что выбирать акимов нужно, но сейчас я ходила голосовать, но я никого из них не знаю, кроме одного человека. На протяжении двух недель я его замечаяю, он агитирует, говорит, рвется. По нему видно, что он хочет, чтобы люди его выбрали. О других кандидатах я не знаю ничего. А он пришел, познакомился, принес буклетики, мы все почитали, все узнали. Значит, наверное, и в будущем что-то будет».

Касательно политических партий, следует отметить тот факт, что ожидаемо наиболее подготовленной партией стала «Нур-Отан». Организационная структура, качественный кадровый резерв партии, опыт участия и проведения выборов на местном уровне, наличие партийных ячеек во всех крупных предприятиях и хозяйствах, большой бюджет стали залогом того что кандидаты от партии «Нур-Отан» имели явное преимущество при проведении избирательной кампании.

Остальные политические партии традиционно показывают низкую результативность на выборах местного значения.

Таблица 1. Результаты выборов акимов сельских округов на 31.10.2021 года

N п/п	Область	избраны акимы	Политические партии						самовыдвижение
			Партия «Nur Otan»	НДПП «Ауыл»	ДПК «Ақ жол»	ПП «ADAL»	НПК	ОСДП	
	Всего *	811	626	33	12	15	11	1	113
	%	100	89,7	4,7	1,7	2,1	1,6	0,1	13,9

*Данные основаны на материалах по итогам выборов, опубликованных на сайте центральной избирательной комиссии, www.election.gov.kz.

Как видно из таблицы 1, 89,7% избранных акимов являются членами партии «Нур-Отан», партия «Ауыл» набрала 4,7%, парламентские партии ДПК «Ақ жол» и НПК – 1,7 и 16% соответственно по данным сайта центральной избирательной комиссии (www.election.gov.kz).

Как видно, лидерство партии «Нур-Отан» объясняется тем, что она традиционно обладает большим организационным и кадровым потенциалом, чем другие партии.

При этом руководитель областного филиала одной из непарламентских политических партий отметил, что партия в области потеряла всю свою поддержку на селе, не имеет кадрового резерва. При этом предложение привлекать себе кандидатов-самовыдвиженцев со стороны представителей политических партии не вызвало положительного отклика.

«Руководитель областного филиала политической партии №1:

Они же с нами (с партиями) на контакт не пришли. Они же сами выдвигались. Мы работали со своим резервом, со своими людьми, которые через наш список прошли, через партию. А по самовыдвиженцам я, например, вообще не знаю никакой информации и не могу даже сказать, чем они дышат даже...».

Также было услышано мнение от представителя партии, которая выдвинула одного кандидата в сельские акимы, о том, что данные выборы сильно отвлекают, что приводит к парализации всей иной работы. Более того, имелись районы, в которых не было зарегистрировано ни одного кандидата от других политических партий, кроме «Нур-Отан».

Многие представители политических партий не были в курсе о начале старта выборной кампании сельских акимов, так как регулярно не проводят мониторинг сайта местного ТИК. Подобная позиция является достаточно пассивной и политическим партиям предстоит провести большую работу в регионах по перестройке собственной работы и активизации рекрутинговой кампании, и в целом – пересмотру своего присутствия в областях. Также представители политических партий жаловались на недостаток средств для организации работы, недостаточное присутствие на уровне районов и сел, отсутствие широкого кадрового резерва для участия в электоральных кампаниях, слабое техническое оснащение для проведения агитационной работы.

Интересным выглядит будущая конфигурация взаимоотношений между акимами села и акимами районов. Система вертикали, выстроенная за долгие годы, будет безусловно трансформироваться. Позиция акимов районов в целом по отношению к избранию нижестоящих акимов осторожная, это вызвано тем, что акимы районов пока не могут спрогнозировать модель поведения, избранного акима, каким образом будут выстраиваться с ними отношения и т.п. При этом каждым районным акимом отмечается, что политическая легитимность в глазах населения у избранного акима поселка безусловно выше, чем у избранного маслихатом.

Также важно особо обратить внимание на выстраивание взаимоотношений акимов села, представителей других политических партий с акимами районов, которые традиционно являются не только членами, но и руководителями местных филиалов партии «Нур-Отан». По словам одного из руководителей областного филиала политической партии, вертикаль подчинения акима села и акима района уже изменилась.

«Председатель областного филиала партии №2:

Для акима села - аким района всегда был прямым шефом. Он и сейчас остается, меры дисциплинарного воздействия может применять и т.д. А сейчас же после выборов у них уже за плечами есть население. Они начали говорить, что их избрал, я то, я это. А когда еще будут участвовать конкурирующие партии, тогда вообще будут не ставленники, а если победил человек на выборах - тот же аким района будет за него держаться, т.к. завтра у него в селе может быть другой человек, с которым будут другие взаимоотношения. Это ведь много разных вопросов, и бюджет, и поручения спустили, и все. Аким

ведь работает и в воскресенье, нигде в законе это не прописано. Можно по-разному выстраивать взаимоотношения и от этого будут зависеть результаты районного.

К примеру, в районе пройдут выборы во всех округах, районный будет себя чувствовать по-другому, что все избранные, а не назначенные. Главное отличие такое будет»

Также важность сельских акимов будет возрастать при проведении выборов акимов районов, предполагаем, что поддержка акимов села кандидатам в акимы районов может сыграть большую роль при определении симпатии жителей конкретного села. Подобная ситуация будет увеличивать «политический вес» акима села в глазах акима района, что, конечно, может повлечь за собой перераспределение бюджетных средств в сторону поддержки сел с большим количеством населения, лояльным к райцентру акиму села и т.п.

Данные факты могут усугубить внутрорегиональные диспропорции в социально-экономических показателях. С другой стороны, подобная ситуация, по нашему мнению, сможет запустить политический процесс, который практически не демонстрировался на подобном уровне, и станет неким катализатором для появления сильных управленцев с политическими навыками, умеющих находить компромиссы, выстраивать диалог и т.д. Данный процесс может сформировать новую политическую культуру в сельской местности, а создаваемые при этом институты могут стать мощными социальными лифтами для активных жителей.

Мы не исключаем также возникновения сценариев конфликтов, связанные с определением предела компетенций сельских акимов, которое может выражаться в передаче на баланс акимам сельских округов бесхозных и неликвидных объектов с районного баланса на сельский, отказа на предоставление финансирования на инфраструктурные проекты и т.п.

Однако отметим, что в интервью некоторые акимы районов прямо заявили о том, что в данный момент ведут создание своеобразного «кадрового резерва» - активных государственных служащих, которых «готовят» (популяризуют) для выдвижения в том или ином сельском округе. Это говорит о том, что политическая активность на местах серьезно повышается и начинает складываться электоральная культура, которая будет способствовать развитию института выборности в целом.

Выводы

Проведенный опрос и анализ полученных данных говорит о том, что на селе запущен политический процесс, который даст свои результаты в среднесрочной перспективе. Подобный механизм выборности может дать возможность реанимировать села, сделать их привлекательными для молодых и амбициозных

людей, которые стремятся сделать карьеру, но не имеют возможности начать ее сразу в крупных государственных структурах. Ожидаем, что в ближайшее время центральные власти особо будут отмечать активных и успешных акимов села, повышая их узнаваемость и значимость, делая должность акима села авторитетной. Этому также способствует и повышение заработной платы, к примеру, аким села, который сумел переизбраться, прямо заявил, что у него появилось уважение к самому себе, и выразил признательность, что государство стало оценивать его труд по достоинству.

Данные рекомендации были предварительно обсуждены со всеми группами, которые участвовали в опросе, сельскими жителями, кандидатами в акимы, акимами районов, представителями политических партии и территориальных избирательных комиссии, а также членами Национального совета общественного доверия.

1. Относительно образовательного ценза

Данная норма наличия обязательного высшего образования в большинстве случаев критиковалась как кандидатами, так и представителями многих политических партий. Следует принимать во внимание, что на селе в большинстве своем люди имеют средне-специальное образование, при этом наличие высшего образования не гарантирует хороших управленческих навыков у кандидата.

Отметим, что зачастую активные жители села, руководители мелких хозяйств имеют средне-специальное образование и могли бы принять участие в выборах, однако данная норма, по сути, стала барьером для возможности принимать участие в общественно-политической жизни. Так, по словам одного из представителей партий, слишком высокий образовательный ценз не позволяет многим кандидатам выдвигаться, при этом данный ценз рассматривается именно с точки зрения взаимоотношений акима села с акимом района. Ведь зачастую высшим образованием на селе могут обладать либо действующие акимы, либо государственные служащие, которые так или иначе инкорпорированы во властно-иерархичную систему. Более того они предсказуемы, имеют опыт субординации с вышестоящим начальством и т.п. В этой связи предложенное нами мера о снижении образовательного ценза до средне-специального нашла положительный отклик.

«Руководитель областного филиала политической партии №3:

– Мы предлагали это тоже, т.к. действительно, реальные люди с деловыми качествами, личностными, организационными, они без дела не валяются. Все занимаются бизнесом, чем-то еще, они все при деле. Слишком уже завышенные требования. Давайте уж так, что если мы от партий выдвигаем, то партия несет полную ответственность. Я понимаю озабоченность акимов».

Вместе с тем имелось и противоположное мнение по сохранению ценза по наличию высшего образования. За него зачастую выступали, в основном, кандидаты–сотрудники государственных органов, представители партии власти, районные акимы, действующие сельские акимы. Так, по их мнению, наличие высшего образования говорит о целеустремленности кандидата, опыте работы в госорганах, знании бюджетных и правовых процедур и т.п. Однако, по нашему мнению, чаще всего получение высшего образования служит одним из мотивов переезда из села в город.

2. Возвращение внесенного регистрационного взноса для самовыдвиженцев

Текущее положение предполагает возврат регистрационного взноса, который кандидаты оплачивают при выдвижении, только кандидатам от политических партий. Вместе с тем, учитывая, что размер регистрационного взноса является серьезной суммой для самовыдвиженцев (в 2021 году размер регистрационного взноса составляет минимальный размер заработной платы 42500 тенге, с учетом повышения минимальной заработной платы с 1 января 2022 года до 60 000 тенге). Данная сумма станет весьма существенной для жителей села, поэтому нами было предложено предусмотреть возможность ее возврата при достижении определенного уровня поддержки на выборах. Данная норма была обсуждена кандидатами-самовыдвиженцами. При этом они выразили согласие, что такое изменение – полного или же частичного возврата взноса (при наборе определённого количества голосов) – было бы более справедливым и уравнивало бы кандидатов на выборах.

3. Сроки проведения агитационной кампании кандидатов в сельские акимы и суммы для финансирования избирательных кампаний

В ходе интервью на вопрос удовлетворяет ли их сроки, установленные для проведения агитационной работы, со стороны кандидатов было высказано мнение о необходимости дифференцированного подхода при определении сроков проведения агитации. Если в северной части республики 10 дней для проведения агитации в целом оптимальный срок (при том, что имелись сельские округа с населением 300-400 человек), то для южной части, где население сельского округа может достигать и 20-30 тысяч человек — это явно недостаточно (к примеру количество избирателей Ленгерского сельского округа составляет 19 586 человек).

Помимо этого, важно пересмотреть и подходы по определению предельных сумм финансирования избирательных кампаний кандидатов. То есть сумма, выделяемая на кампанию, должна учитывать количество населения, которое проживает в сельском округе. Помимо этого, требуется либерализация расходов и на агитацию в СМИ – сегодня у кандидатов в сельские акимы нет понятных инструментов, регламентирующих рекламу на пабликах в социальных сетях и чатах, существующая градация расходов по типам СМИ не отвечает на запросы времени.

Так, по нашему мнению, вышеназванные группы в селах могут стать

хорошим инструментом при агитации, а дальнейшее широкое распространению интернета в селах, может подтолкнуть к появлению собственных местных пабликов в социальных сетях, более активному участию жителей села в социальных сетях.

Помимо прочего, важной проблемой является оповещение жителей населенных пунктов о проведении выборов. Стоит отметить, что на республиканском уровне была выбрана в целом правильная стратегия информирования населения об институте выборности в сельских территориях, но на локальном уровне необходимо особо обратить внимание на использование гибридных методов информирования о предстоящем плебисците: и подворовой обход, и информирование на базе крестьянских хозяйств, и рассылка через чаты местных жителей в популярных мессенджерах.

Краеугольным камнем в выборах на территориях с большим количеством жителей становится организация дебатов между кандидатами. Сегодняшние нормы не отражают как влияние времени, так и сложившуюся реальность – отсутствие районных телеканалов, непонятная регламентация проведения и т.д. Предлагается для проведения дебатов разработать процедуру задействования крупных пабликов в социальных сетях с организацией видеозаписи и трансляции в прямом эфире на пабликах, сайте и аккаунтах ТИКов. Такие изменения позволят действительно использовать этот инструмент при проведении выборов, а также повысить политическую культуру, навыки публичной политики выдвигающимся кандидатам.

4. Регламентация проведения выборов путем введения единых дней голосования

Сегодняшняя практика проведения еженедельного голосования в сельских округах является интересной с точки зрения постепенного осознания жителями важности участия в политическом процессе (в процессе общения люди из соседних сел делятся своими впечатлениями от выборов, агитации, действий избранных акимов), но предполагает дополнительную нагрузку, связанную с организационным процессом. Предлагается переход на единые дни голосования, что позволит партиям более эффективно мобилизовываться для проведения избирательных кампаний, а также привлекать большее число наблюдателей в связи с более широким покрытием населенных пунктов выборами. Также это позволит и упорядочить бюджетный процесс – проведение выборов в 3-4 кварталах будет полезным с учетом формирования бюджетов на следующий год уже избранными акимами.

5. Создание качественного института наблюдателей в селах

Данная норма является необходимой с целью обеспечения прозрачности и законности выборных процедур, более того наличие сильного и качественного института наблюдения повысит уровень культуры голосования жителей села и в целом положительно повлияет на их политическую грамотность.

Более того подобный институт, позволит предотвратить незаконную агитацию, а также купировать возможные конфликты между разными

этнотами в период избирательной кампании. Наличие наблюдателей уже станет неким барьером для кандидатов, которые захотят использовать «черные» политические приемы для дискредитации своих оппонентов, либо дестабилизировать ситуацию на селе. Особенно это касается сельских округов с высоким количеством и плотностью населения, пестрым или моно этническим составом. Профессиональные наблюдатели из местных жителей позволят легко расширять практику проведения выборов, включая районный уровень, что в итоге приведет к более качественным электоральным процедурам.

Заключение

Данная статья является политологическим обзором, подобные меры смогут повысить интерес к выборам сельских акимов, расширить список потенциальных кандидатов из числа активных жителей села, и более того – повысит доверие населения к данному институту.

Список литературы

1. ОО «Эхо». Отчет по оценке избирательного процесса. Выборы акимов городов районного значения, сельских округов, поселков и сел Республики Казахстан, не входящих в состав сельского округа – 2013. [электронный ресурс] https://echo.kz/images/reports/kz_251013_ru.pdf (дата обращения 24.11.2021 г.). – 7 с.
2. ОО «Эхо». Развитие местного самоуправления в Казахстане. Отчет по оценке влияния изменений законодательства на практику местного самоуправления - ОО «Эхо». 2018 г. [электронный ресурс] https://echo.kz/images/reports/msu_echo.pdf (дата обращения 24.11.2021 г.). – 24 с.
3. Политика на местном уровне — актуальные и проблемные вопросы. Рекомендательное пособие для субъектов местного управления в Казахстане. - Фонд имени Конрада Аденауэра. ISBN 978-601-80817-2-9. г. Нур-Султан: типография «IndigoPrint», 2020. – 288 с.
4. Кумысбеков А., Данилов А., Шибуттов М. Первые прямые выборы сельских акимов в Казахстане. Доклад. – ISBN 978-601-06-8227-6. г. Нур-Султан. 2021 г. – 42 с.
5. Риски и возможности проведения прямого голосования на выборах в местные органы самоуправления (мос) (на примере 6-ти сел). ЦСПИ «Стратегия». Г. Алматы. 2021 г. – 78 с.
6. Марат Шибуттов: Прямые выборы сельских акимов в Казахстане – кампания и выводы. [электронный ресурс] <https://ia-centr.ru/experts/marat-shibutov/marat-shibutov-priamyie-vybory-selskikh-akimov-v-kazakhstane-kampaniya-i-vyvody/> (дата обращения 24.11.2021 г.)
7. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 27 января 2021 г. [электронный ресурс] <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048>
8. Помощник президента Е. Карин о выборах сельских акимов от 25 июня 2021 г. [электронный ресурс] <https://informburo.kz/novosti/erlan-karin-ozhidaetsya-chto-25-iyulya-edinovremenno-sostoyatsya-vybory-bolee-700-selskikh-akimov>
9. Countrymeters – Факты о населении Польши [электронный ресурс] <https://clck.ru/bnAbt>
10. Countrymeters – Факты о населении Казахстана [электронный ресурс] <https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan#:~:text=>

References

1. ОО «Ekho». Otchet po ocenke izbiratel'nogo processa. Vybory akimov gorodov rajonnogo znache-niya, sel'skikh okrugov, poselkov i sel Respubliki Kazahstan, ne vkhodyashchih v sostav sel'skogo okruga – 2013. [elektronnyj resurs] <https://echo.kz>

- kz/images/reports/kz_251013_ru.pdf (data obrashche-niya 24.11.2021 g.). – 7 s.
2. OO «Ekho». Razvitiye mestnogo samoupravleniya v Kazahstane. Otchet po ochenke vliyaniya iz-menenij zakonodatel'stva na praktiku mestnogo samoupravleniya - OO «Ekho». 2018 g. [elektronnyj resurs] https://echo.kz/images/reports/msu_echo.pdf (data obrashcheniya 24.11.2021 g.). – 24 s.
 3. Politika na mestnom urovne — aktual'nye i problemnye voprosy. Rekomendatel'noe posobie dlya sub»ektov mestnogo upravleniya v Kazahstane. - Fond imeni Konrada Adenauera. ISBN 978-601-80817-2-9. g. Nur-Sultan: tipografiya «IndigoPrint», 2020. – 288 s.
 4. Kumysbekov A., Danilov A., Shibutov M. Pervye pryamyie vybory sel'skih akimov v Ka-zahstane. Doklad. – ISBN 978-601-06-8227-6. g. Nur-Sultan. 2021 g. – 42 s.
 5. Riski i vozmozhnosti provedeniya pryamogo golosovaniya na vyborah v mestnye organy sa-moupravleniya (mos) (na primere 6-ti sel). CSPI «Strategiya». G. Almaty. 2021 g. – 78 s.
 6. Marat Shibutov: Pryamyie vybory sel'skih akimov v Kazahstane – kampaniya i vyvody. [elektronnyj resurs] <https://ia-centr.ru/experts/marat-shibutov/marat-shibutov-pryamyie-vybory-selskikh-akimov-v-kazahstane-kampaniya-i-vyvody/> (data obrashcheniya 24.11.2021 g.)
 7. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana ot 27 yanvarya 2021 g. [elektronnyj resurs] <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048>
 8. Pomoshchnik prezidenta E. Karin o vyborah sel'skih akimov ot 25 iyunya 2021 g. [elektronnyj resurs] <https://informburo.kz/novosti/erlan-karin-ozhidaetsya-chto-25-iyulya-edinovremenno-sostoyatsya-vybory-bolee-700-selskikh-akimov>
 9. Countrymeters – Fakty o naselenii Pol'shi [elektronnyj resurs] <https://clck.ru/bnAbt>
 10. Countrymeters – Fakty o naselenii Kazahstana [elektronnyj resurs] <https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan#:~:text=>

ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И РИСКОВ ДЛЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Марат Азильханов

докторант кафедры политологии Евразийского
национального университета им. Л. Н. Гумилева,
e-mail: marat.azilkhanov@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-1.04>

Аннотация. Статья посвящена выявлению факторов вызовов и угроз религиозного экстремизма в Казахстане. Комплексный трехуровневый анализ осуществляется на основе методологического подхода, подразумевающего категоризацию «подталкивающих» и «притягивающих» факторов. По существу, это выявление того, что влияет на человека, который принимает экстремистскую религиозную идеологию и становится готовым к принятию радикальных шагов и действий. Анализ нацелен на развитие государственно-конфессиональной политики для сохранения мира и стабильности в казахстанском обществе.

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, религиозный экстремизм, радикализация, факторы радикализации, подталкивающие факторы, притягивающие факторы.*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ДІНИ ЭКСТРЕМИЗМНІҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ СЫН-ТЕГЕУРІНДЕРІ МЕН ТӘУЕКЕЛДЕРІНІҢ ФАКТОРЛАРЫ

Марат Әзілханов

Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің саясаттану
кафедрасының докторанты, e-mail: marat.azilkhanov@gmail.com

Андатпа. Мақала Қазақстандағы діни экстремизмнің сын-тегеруіндері мен қауіп-қатерлерін анықтауға арналған. Үш деңгейлі кешенді талдау «итермелейтін» және «тартымдылық» факторларын санаттауды білдіретін әдіснамалық тәсіл негізінде жүзеге асырылады.

Шын мәнінде, бұл экстремистік діни идеологияны қабылдайтын және радикалды қадамдар мен әрекеттерді қабылдауға дайын адамға не әсер ететінін

анықтауды мақсат етеді. Талдау қазақстандық қоғамдағы бейбітшілік пен тұрақтылықты сақтау үшін мемлекеттік-конфессияаралық саясатты дамытуға бағытталған.

Түйінді сөздер: мемлекеттік-конфессияаралық қатынастар, діни экстремизм, радикалдану, радикалдану факторлары, итермелейтін факторлар және тартымды факторлар.

FACTORS OF MODERN CHALLENGES AND RISKS FOR RELIGIOUS EXTREMISM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Marat Azilkhanov

doctoral student of the Department of Political Science of the Eurasian National University named after L. N. Gumilev, e-mail: marat.azilkhanov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to identifying the factors of challenges and threats of religious extremism in Kazakhstan. A comprehensive three-level analysis is carried out on the basis of a methodological approach, which implies the categorization of “push” and “pull” factors. In fact, it is the identification of what influences a person who accepts extremist religious ideology and becomes ready to take radical steps and actions. The analysis is aimed at developing a state-confessional policy to preserve peace and stability in Kazakhstani society.

Key words: state-confessional relations, religious extremism, radicalization, factors of radicalization, push factors, pull factors.

Введение

Экстремизм на религиозной почве в современном мире является вызовом стабильности и созиданию. Радикальные идеологии способствуют разжиганию розни и совершению действий, направленных на расшатывание обществ. Террористические акты являются реальной угрозой безопасности граждан и государств. В условиях глобализации мы наблюдаем повсеместное влияние и взаимозависимость, когда локальные события связаны с глобальными трендами.

Религиозный экстремизм в Казахстане также является отголоском событий, тенденций, развивающихся в мире. Изучение причин и факторов религиозной радикализации является актуальным для учета вызовов и угроз экстремизма с тем, чтобы вовремя реагировать и грамотно выстраивать политику государственно-конфессиональных отношений.

В данной статье предпринимается попытка анализа факторов, способствующих радикализации людей и приводящих к экстремистским проявлениям на религиозной почве.

Методы исследования

Для выявления факторов радикализации здесь применяются имеющиеся в академической среде две главные категории: «подталкивающие факторы» и «притягивающие факторы». В контексте радикализации использование данных категорий факторов может помочь в объяснении того, почему люди вовлекаются в радикальные религиозные течения, почему они подвержены влиянию идеологий и готовы к проявлению экстремистских взглядов и действий.

При анализе подталкивающих и притягивающих факторов исследователи используют три уровня: макро-, мезо- и микро-.

Под макроуровнем подразумевается учет структурных факторов, которые влияют на все общество в целом: социо-политическая ситуация в стране, образование, безработица, маргинализация, дискриминация, нарушения прав человека, неурегулированные конфликты в обществе и др. Как правило, факторы в данной категории относятся к подталкивающим факторам.

На среднем – мезоуровне принимаются во внимание социальные, культурные факторы, в нашем случае с религиозной подоплекой, как например, виктимизация религиозной группы, межгрупповые или межрелигиозные отношения, отчуждение и изоляция религиозной группы от общества, чувство несправедливости по отношению к собственной группе.

Микроуровень учитывает индивидуальные, психологические факторы, такие как поиски самоидентификации, и возникающие в связи с этим проблемы: чувство отчуждения, стигматизация, а также слабые социальные связи, подверженность вербовке и т.д. Чаще всего, факторы, находящиеся на данном уровне, относятся к категории притягивающих факторов.

Данное разделение на уровни достаточно условно, зачастую они взаимопереплетены. Например, слабая социально-экономическая интеграция в общество проявляет себя не только на макроуровне, но также и на других уровнях. Исследователи болгарского Центра изучения демократии, в своем докладе «Мониторинг радикализации: индикаторы риска», пишут, что «в большинстве случаев уровни переплетаются и возникает сложный механизм взаимодействия между факторами различного уровня, происходящих одновременно» [1].

Вместе с тем, разделение на уровни помогает провести комплексный, структурированный анализ факторов подверженности радикализации, приводящих к экстремистским проявлениям на религиозной почве. В качестве материала для анализа выступают вторичные данные имеющихся отечественных исследований. Но, в первую очередь, это собственный большой опыт практической работы в сфере государственно-конфессиональных отношений, базирующийся на многочисленных экспертных встречах и непосредственного участия в проектах, касающихся религиозной сферы жизнедеятельности общества, что позволяет выходить на уровень обобщения и концептуализации.

Результаты исследования

Понятие религиозного экстремизма

Нормативное определение понятия «религиозный экстремизм» представлено в Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 2005 года [2]. Так, согласно статье данного Закона, действия могут быть признаны экстремистскими, если физическое или юридическое лицо, объединение физических или юридических лиц организуют или совершают действия от имени запрещенных в стране экстремистских организаций. В соответствии с этим, с 2006 года в Казахстане составляется список запрещенных террористических и экстремистских организаций [3].

Необходимо отметить, что под экстремистские подпадают организации, совершающие политические, национальные, религиозные действия, направленные на нарушение законных основ жизнедеятельности государства. Непосредственно под религиозным экстремизмом в Законе «О противодействии экстремизму» понимается разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан [2].

Религиозный экстремизм в Казахстане и его факторы: об истории проблемы

В Казахстане проявление религиозного экстремизма, в большей степени, связывают с исламом, точнее с салафитским, или как многие его еще называют «псевдосалафитским», направлением. Как пишет Н.Н. Рыжичкин, «Вплоть до терактов 2011 года руководство страны не верило в возможность распространения на казахстанской земле идей религиозного экстремизма и возникновения в республике «своих» террористов» [4].

Другой исследователь К.И. Поляков предлагает хронологию распространения исламского экстремизма в Казахстане, разделив на 3 этапа. Первый этап характеризуется как латентное (скрытое) распространение религиозного экстремизма среди целевых групп и приходится на 1991-1998 годы. Временные рамки второго этапа включают 1999-2010 годы и отмечаются фактами появления активных радикальных проповедников и различных деструктивных жамагатов. Третий этап – современный, начиная с 2011, связан с проявлением радикальности в виде религиозно мотивированных террористических актов [5, 13].

Анализируя причины распространения религиозного экстремизма, К.И. Поляков на первом этапе, наряду с социально-экономическими проблемами, выделяет исламизацию как процесс заполнения идеологического вакуума на месте коммунистической идеологии СССР; активное проповедничество и постепенную дифференциацию формирующейся мусульманской уммы; неготовность государственных органов организовать эффективную работу по противодействию религиозному экстремизму и отсутствие необходимой законодательной базы; нехватку специалистов и слабость контроля в сфере

исламской культовой и образовательной деятельности; низкий уровень кадровых и организаторских возможностей Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК); обучение молодежи в сомнительных зарубежных учебных заведениях, где студенты усваивали радикальные религиозные установки; географическую близость Казахстана к странам, где политический (радикальный) ислам имеет сильные позиции – Афганистан, Пакистан и др. [5, 13-16].

Как утверждают исследователи С. Амандыкова и И.Искакова, Закон Республики Казахстан от 15 января 1992 года «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» [6] наделял религиозные объединения и миссионеров слишком широкими правами и свободами: «На этой весьма благодатной почве и в результате пассивного отношения правительства в первые годы образования независимой Республики Казахстан к данной проблеме и недостаточной религиозной грамотности населения многие граждане Казахстана, особенно представители молодого поколения, попали под влияние деструктивных религиозных сил» [7].

События в соседних государствах: теракты 1999 года в Узбекистане, а также Баткентские события 1999-2000 годов в Кыргызстане, и более того теракт 11 сентября 2001 года в США оказали сильное влияние на государственную политику Казахстана в отношении религиозно мотивированного экстремизма и терроризма. Политолог Ерлан Карин, возглавлявший в 2004-2006 годах Центр антитеррористических программ, отмечает, что хоть экстремизм и терроризм воспринимался преимущественно как внешняя угроза, «тем не менее в Казахстане была проделана значительная работа по созданию и совершенствованию законодательной базы для выявления и пресечения террористической и экстремистской деятельности» [8].

Как было отмечено выше, исследователь К.И. Поляков современный этап отсчитывает с 2011 года и считает его самым тяжелым этапом в развитии исламского экстремизма в Казахстане: «По мере роста числа приверженцев исламского экстремизма в Казахстане их религиозно-идеологическое противостояние со светским государством перешло в фазу вооруженной борьбы» [5, 24].

В 2011-2012 годах были совершены теракты в Актобе, Атырау, Таразе, Актюбинской, Атырауской и Алматинской областях, в которых погибли не только террористы, но и сотрудники правоохранительных органов, гражданские лица. В 2016 году теракты произошли в Актобе и Алматы.

На современный период также приходится события в Сирии и Ираке. После поражения ИГИЛ (запрещена в РК) Казахстан выразил готовность вернуть на родину соотечественников, особенно женщин и детей и было уже осуществлено пять этапов гуманитарных операций «Жусан» и «Русафа».

Единого мнения о причинах и факторах, способствующих радикализации, не существует. В докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций «План действий по предупреждению насильственного экстремизма»

говорится, что «достоверных статистических данных о факторах, приводящих к радикализации отдельных лиц, не имеется. Несмотря на наличие определенных различимых тенденций и моделей поведения в настоящее время среди ученых и исследователей консенсус существует лишь в отношении отдельных аспектов» [9]. Тем не менее, концептуализация факторов на основе «подталкивающих» и «притягивающих» мотивов, причин, в том числе на основе сравнительного анализа, имеет свой эвристический потенциал.

Обсуждение результатов

Факторы радикализации

В целом, под подталкивающими факторами понимаются негативные социальные, культурные и политические аспекты окружения человека, которые «подталкивают» его на путь радикализации. Это – поводы для возникновения недовольства, которые создают чувство разочарования в обществе или в государстве, которые, в свою очередь, побуждают людей искать способы исправления сложившейся ситуации. Некоторые исследователи понимают под данными факторами фундаментальные причины, такие как бедность, безработица, неграмотность, дискриминация и политическая, экономическая маргинализация [10]. Как считают специалисты организации «Поиск общих интересов»: «Хотя подталкивающие факторы не могут полностью объяснить радикализацию в конкретном контексте, они являются важной отправной точкой. Они выявляют насущные для общества проблемы и помогают нам понять, как эти проблемы способны формировать контекст и среду, в которой могут укорениться разногласия, недоверие и насильственный экстремизм» [11].

Рассмотрим более подробно факторы, способствующие радикализации на отмеченных трех уровнях: микро-, мезо-, и макро-уровнях.

К подталкивающим факторам на микроуровне относятся проблемы психологического порядка. Актуальными являются проблемы внутри семьи (домашнее насилие, развод родителей, несостоявшиеся отношения с родителями, которые не уделяют внимания, любви, тепла детям), а также другие психологические травмы.

Многие психиатры едины во мнении, что сложные отношения с родителями в период взросления могут нанести эмоциональный ущерб, который ослабляет самооценку [12]. Из-за этого люди, «неспособные справиться со своими собственными недостатками», тем самым «нуждаются в виноватых», что делает их особенно привлекательными для поляризующей риторики экстремистов [12].

Исследования немецких социологов показывают, что 79 процентов из 227 изученных леворадикальных террористов имели глубокие конфликты с родителями [13]. Исследования, проведенные в Кении, говорят, что большинство радикализированной молодежи там – выходцы из неполных семей [12].

Также анализ данных в отечественных исследованиях лиц, вернувшихся из

зон террористической активности, подтверждают данный фактор: многие из них выросли в неблагополучной семейной атмосфере. На них повлияли развод в детстве, проблемы отца с алкогольной зависимостью, холодные отношения в семье, неполная семья, ссоры на почве религиозных взглядов, и так далее.

Роль родителей в развитии ребенка играет ключевую роль в формировании эмоционального здоровья, включая позитивное чувство самодостаточности, умение справляться со стрессовыми ситуациями, контролировать свои страхи и так далее. Ряд исследований отмечают, что среди прочего, низкий уровень чувства принадлежности к чему-либо (например, к своей семье, к обществу, к этничности) делает молодых людей более уязвимыми для вовлечения в насильственный и ненасильственный экстремизм [14].

Фактор семьи сопровождается и другим важным моментом социализации в детстве – поведенческие паттерны в школе. Данные в области подростковой психологии говорят, что вовлечение в криминальные круги, буллинг в школе влияет на процесс маргинализации молодых людей, а также на их дальнейшую радикализацию. Кроме этого, исламовед Оливье Руа, рассматривая социальный профиль западных радикалов, также указывал на склонность их к «культуре насилия» [15, 32-33].

Немаловажным фактором исследователи считают отношение к спорту. Занятия в детстве и подростковом возрасте такими боевыми видами как тейквондо, кикбоксинг, бокс, борьба ориентируют на кумиров, авторитетов. Нарративы радикалов свидетельствуют, что с подросткового возраста они были склонны к культу силы, героизации людей, авторитет которых основан на силовых качествах.

Отдельно стоит отметить влияние психологических травм, в том числе перенесенные потрясения, связанные с трагическими обстоятельствами.

Факторы мезоуровня связаны с социальным окружением и разного рода межгрупповыми отношениями (межэтническими, межконфессиональными и внутриконфессиональными). Негативные характеристики социального окружения влияют на выбор жизненных траекторий. Выбор между «хорошим и плохим» может подталкивать к выбору предпочитаемого окружения. Так, например, в интервью студентов столичных учебных заведений отмечалось, что окружение во время учебы в колледже было плохое – многие употребляли алкоголь, курили и т.д.: «Окружение поначалу было плохое, все курили, пили там, гуляли. И я так наблюдала, наблюдала и просто выбрала для себя тех, кто ходил на пятничную молитву».

На макроуровне исследователи рассматривают роль государства и общества, проблемы международных отношений, дискриминацию со стороны большинства, напряженные отношения большинства и меньшинства, отсутствие социо-экономических возможностей, слабую интеграцию в обществе, результаты глобализации (в том числе активное развитие интернета), уровень общего образования, миграцию (как внешнюю, так и внутреннюю).

Казахстанские эксперты среди факторов, способствующих радикализации, выделяют религиозную неграмотность, незнание и отсутствие возможностей изучения религиозных основ с достоверных, проверенных источников. Другим немаловажным фактором выступает неудовлетворенность деятельностью Духовного управления мусульман Казахстана. Пропаганда деструктивных религиозных течений направлена на формирование контрнарративов, направленных против официального духовенства, на дискредитацию их деятельности в двух направлениях – в форме критики их материальной и финансовой деятельности (проблемы коррупции, непрозрачности, закрытости) и в форме идеологии (незнание имамами элементарных основ религии, их некомпетентность).

На макроуровне также оказывают большое влияние процессы внутренней миграции и урбанизации. В отчете Европарламента «Радикализация и противодействие радикализации: гендерная перспектива», авторы отмечают, что, согласно некоторым исследованиям, более 90% европейских иностранных боевиков (мужчины и женщины) пришли с сельской местности [16].

Интересным в этой связи представляется исследование психологов в 1990-ых годах в Нигерии. Результаты показывают, что миграция с сельской местности в большие города является ключевым фактором радикализации. Переезжая в большой мегаполис, молодые люди, чувствующие злость на родителя и одиночество, и оказываясь в тесном переплетении новых социальных связей большого города, не только нуждаются в «крыше над головой и еде», но и в чувстве братства и единства, чем и пользуются радикальные группы [17].

Для казахстанских реалий это фактор тоже значим. Выходцы из сельской местности и их дальнейшее попадание в урбанизированную среду, предоставление самому себе в условиях большого города, формирование новых социальных связей, привязанностей во время учебы играет большую роль в формировании предпочтений.

В отличие от подталкивающих притягивающие факторы – это позитивные характеристики и вознаграждения (как материальные, так и нематериальные), которые предлагают экстремистские организации и которые «притягивают» уязвимых лиц к данным группам. Это включает в себя идеологию, сильные «братские» и «сестринские» отношения, чувство принадлежности, репутация, героизация, романтизация, чувство приключений, и другие социальные, и духовные элементы [11].

Некоторые исследователи считают, что притягивающие факторы носят более экзистенциальный характер (например, обретение смысла жизни, чувство идентичности) [18]. Важную роль в данного вида факторах играет психологическое состояние индивида, его связи с членами семьи, друзья, которые непосредственно способны влиять на сознание человека. Важную роль играет также и интернет, легкодоступность к различного рода сомнительным материалам, которые предлагают простые ответы на сложные жизненные проблемы.

Факторы притяжения обусловлены системно выстроенной, использующей психологические методы, пропагандой радикальных религиозных организаций с тем, чтобы предложить привлекательный образ своей группы, проект общественного устройства, который они выдвигают.

Притягивающие факторы на микроуровне, как и в подталкивающих, связаны прежде всего с ролью семьи, родственников и ближайшего окружения – знакомых, соседей и друзей. Так, например, при исследовании причин радикализации на Филиппинах, исследователь Джульетт Лоеш пишет, что одним из явных притягивающих факторов для уязвимых к радикализации лиц, является связи с семьей или кланом [19].

Наряду с влиянием семьи, анализ данных показывает особую роль социального окружения объектов исследования – друзья, одноклассники, одноклассники, соседи и т.д.

В казахстанских исследованиях женщин-репатрианток, вернувшихся на Родину в рамках операции «Жусан», определяющим гендерно-сенситивным фактором радикализации отмечается влияние взглядов мужей. Подобный фактор, возможно, объясняется традиционным складом казахстанского общества, где женщина должна следовать определенным гендерным моделям поведения: слушаться мужа, следовать за ним, не спорить, поддерживать во всех его взглядах и так далее. Некоторые исследования подтверждают это – романтические отношения в традиционных обществах может играть важную роль в вовлечении женщин в экстремистские и террористические организации [16].

Одним из самых значимых факторов на мезоуровне, как показывают многочисленные исследования, является феномен групповой связи. Ряд механизмов, таких как социализация, установление тесных внутригрупповых отношений усиливает индоктринацию и моральное отречение от традиционных ценностей, потенциально ведущих на путь насильственного экстремизма.

Общеизвестно, что методы вовлечения в экстремистские группировки включают в себя так называемую «бомбардировку любовью», часто применяемую неохристианскими организациями. Подобное явление можно наблюдать и в процессе исламистской радикализации.

Так, часть опрошенных в ходе интервью часто говорили о том, что в свое время, привлекательным в экстремистских жамагатах было то, что в них было чувство «братства» и «связь между ними была очень крепкой». Мужчины отмечали важность принадлежности к братьям по вере, чувство общности и поддержки. Чувство общности приводило к стремлению поддержать и защитить братьев, над которыми издеваются и которых убивают неверные в лице правоохранительных органов в рамках своей страны, или неисламские страны, в основном западные, в мировом масштабе.

Для женщин жамагаты были социальной средой, где они находили сестер по вере, где им подбирали мужей с радикальными взглядами и определяли их жизненную траекторию как «истинных» в их понимании мусульманок. Дискурс

о «сестринстве» является очень распространенным и привлекательным для женщин.

В целом же, чувство принадлежности к избранной группе являлось важным фактором для респондентов обоих полов.

На макроуровне притягивающими факторами являются привлекательные элементы идеологического характера, предлагаемые экстремистскими группами: обещание построения справедливого «халифата», идеализация и романтизация будущего, финансовая стабильность и так далее.

Отдельно стоит отметить важность роли интернета и социальных сетей в процессе радикализации. В результате анализа данных глубинных интервью в рамках проекта «Радикализация в эру цифровизации», проведенного неправительственной организацией «RAND», подтверждаются две главные гипотезы:

- 1) Интернет создает больше возможностей для радикализации;
- 2) Интернет играет роль «эхо-камеры» – места, где люди находят идеи, поддерживаемые и распространяемые другими единомышленниками [20].

Согласно исследованию агентства Министерства юстиции Великобритании, интернет играет все большую значимую роль в радикализации в Англии и Уэльсе. В период с 2005 по 2017 года, количество осужденных экстремистов, кто попал под влияние деструктивных идеологий, распространяемых в интернете, выросло, тогда как в то же время наблюдается снижение количество радикализации в оффлайн среде [10].

Выводы

Изучение факторов радикализации, приводящих к религиозно мотивированному экстремизму позволяет предпринимать шаги корректирующего и превентивного характера.

Факторный анализ позволит оценивать вызовы и риски и на основе этого грамотно выстраивать политику государственно-конфессиональных отношений. Как было выше рассмотрено, подталкивающими и привлекающими могут быть факторы разных уровней: личностного порядка, группового и общего влияния на уровне общества и мира, в целом.

Необходимо постоянно изучать факторы, чтобы реально оценивать угрозы и риски насильственного экстремизма. Во внимание нужно брать наработанные методологии, имеющиеся в международном опыте. Мировой опыт теорий и практик изучения религиозного экстремизма и борьбы с его проявлениями учитывает множество факторов, включающих историю и складывание вероубеждения, социальные контексты и намерения, приверженности и мотивации, защитные факторы, идеологии государства и многое другое.

Применение научных подходов к объяснению радикализации, религиозного экстремизма способствует не только комплексному изучению радикализации, но также и факторов, способствующих самой радикализации. Понимание факторов, в свою очередь, является ключевым аспектом в успешности дерадикализации и связанных с нею программ.

Список литературы

1. Dzhokova R., Mancheva M., Stoynova N. Monitoring Radicalization: A Framework for Risk Indicators. Center for Study of Democracy. – 2017.
2. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года № 31. О противодействии экстремизму. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031_ (дата обращения 10.09.2021).
3. Список террористических и экстремистских организаций, запрещенных на территории Республики Казахстан. Сайт Комитета по делам религий МИОР РК. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/5378?lang=ru> (дата обращения 20.09.2021).
4. Рыжичкин Н.Н. Казахстанская модель противодействия религиозному экстремизму и терроризму // Россия и новые государства Евразии. 2018. №1. Сс. 134-149. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2018/1> (дата обращения 10.06.2021).
5. Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. URL: <https://book.ivran.ru/f/polyakov022014-block1.pdf> (дата обращения 10.06.2021).
6. Закон Республики Казахстан от 15 января 1992 года «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». Утратил силу. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z920004000_05.10.1995 (дата обращения 10.09.2021).
7. Амандыкова С.К., Исакова И.Е. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений в Республике Казахстан: современное состояние и накопленный опыт. Вестник Карагандинского университета. Стр. 9-18. URL: <http://rmebrk.kz/magazines/journal/show/2305> (дата обращения 15.07.2021).
8. Карин Е. «Терроризм в Казахстане: от виртуального к реальному». Газета «Курсив», 14 июля 2011 года. URL: <https://kursiv.kz/news/tendencii-i-issledovaniya/2011-07/terrorizm-v-kazakhstane-ot-virtualnogo-k-realnomu> (дата обращения 15.07.2021).
9. «План действий по предупреждению насильственного экстремизма», доклад Генерального секретаря ООН. Декабрь, 2015. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/674&Lang=R (дата обращения: 03.09.2021).
10. Kenyon, J., Binder, J., Baker-Ball, C. Exploring the role of the Internet in radicalization and offending of convicted extremists. Ministry of Justice Analytical Services. HM Prison and Probation Service.
11. Ван Левен, Д. Противодействие насильственному экстремизму: Вводное руководство по концепциям, разработке программ и передовой практике. Search for Common Ground. Hedayah, 2019.
12. Rink, A., Sharma, K. The Determinants of Religious Radicalization: Evidence from Kenya. Journal of Conflict Resolution, 2018, Vol. 62 (6), стр. 1229-1261. URL: https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/45181/Rink_2-11lvhu39jzk6r2.pdf?sequence=1&isAllowed=n (дата обращения 03.08.2021).
13. Claessens, D., Neidhardt F., Feger H., и Wanda B-K. Analysen zum Terrorismus 3: Gruppenprozesse. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften – 1982.
14. Ventriglio, A., Bhugra, D. Identity, alienation, and violent radicalization D. Marazziti, & S. M. Stahl (Eds.), Evil, terrorism and psychiatry (стр. 17–29). Cambridge University Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108569095.005>
15. Roy, O. Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State. Londonrst Company, 2017.
16. Orav, A., Shreeves, R., Radjenovic A. Radicalisation and counter-radicalisation: A gender perspective. January, 2018. URL: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-581955-Radicalisation-gender-perspective-rev-FINAL.pdf> (дата обращения: 03.08.2021).
17. Policy Brief: Understanding the complex causes and processes of radicalization. Federal Republic of Nigeria. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.odid.ox.ac.uk/files/onsa-pb01.pdf> (дата обращения 03.08.2021).
18. Cherney, A., Putra, I. E., Putera, V. S., Erikha, F., & Magrie, M. F. The push and pull of radicalization and extremist disengagement: The application of criminological theory to Indonesian and Australian cases of radicalization. Journal of Criminology, 263380762110348. 2021. DOI:10.1177/26338076211034893

19. Loesch, J. The GPH-MILF Peace Process in the Philippines to Prevent and Transform Violent Extremism in Mindanao, *Journal of Peacebuilding & Development*, 12:2, 96-101. 2017, DOI: 10.1080/15423166.2017.1331747.
20. Radicalisation in the digital era. RAND Europe. URL: <https://www.rand.org/randeurope/research/projects/internet-and-radicalisation.html> (дата обращения 03.08. 2021).

References

1. Dzhekova R., Mancheva M., Stoyanova N. Monitoring Radicalization: A Framework for Risk Indicators. Center for Study of Democracy. – 2017.
2. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 fevralya 2005 goda № 31. O protivodejstvii ehkstremitizmu. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0500000031>.
3. Spisok terroristicheskikh i ehkstremiticheskikh organizacij, zapreshchennykh na territorii Respubliki Kazakhstan. Sajt Komiteta po delam religij MIOR RK. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/5378?lang=ru>.
4. Ryzhichkin N.N. Kazakhstanskaya model' protivodejstviya religioznomu ehkstremitizmu i terrorizmu // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2018. №1. Pp. 134-149. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2018/1>.
5. Polyakov K.I. Islamskij ehkstremitizm v Central'noj Azii. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2014. URL: <https://book.ivran.ru/f/polyakov022014-block1.pdf>.
6. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 15 yanvarya 1992 goda «O svobode veroispovedaniya i religioznykh ob»edineniyakh». Utratil silu. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z920004000_/05.10.1995.
7. Amandykova S.K., Iskakova I.E. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti religioznykh ob»edinenij v Respublike Kazakhstan: sovremennoe sostoyanie i nakoplenyj opyt. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Pp. 9-18. URL: <http://rmebrk.kz/magazines/journal/show/2305>.
8. Karin E. «Terrorizm v Kazakhstane: ot virtual'nogo k real'nomu». Gazeta «Kursiv», 14 iyulya 2011 goda. URL: <https://kursiv.kz/news/tendencii-i-issledovaniya/2011-07/terrorizm-v-kazakhstane-ot-virtualnogo-k-realnomu>.
9. «Plan dejstvij po preduprezhdeniyu nasil'stvennogo ehkstremitizma», doklad General'nogo sekretarya OON. Dekabr', 2015. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/674&Lang=R.
10. Kenyon, J., Binder, J., Baker-Ball, C. Exploring the role of the Internet in radicalization and offending of convicted extremists. Ministry of Justice Analytical Services. HM Prison and Probation Service.
11. Van Leven, D. Protivodejstvie nasil'stvennomu ehkstremitizmu: Vvodnoe rukovodstvo po koncepciyam, razrabotke programm i peredovoj praktike. Search for Common Ground. Hedayah, 2019.
12. Rink, A., Sharma, K. The Determinants of Religious Radicalization: Evidence from Kenya. *Journal of Conflict Resolution*, 2018, Vol. 62 (6), стр. 1229-1261. URL: https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/45181/Rink_2-11lvhu39jzk6r2.pdf?sequence=1&isAllowed=n.
13. Claessens, D., Neidhardt F., Feger H., и Wanda B-K. Analysen zum Terrorismus 3: Gruppenprozesse. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften – 1982.
14. Ventriglio, A., Bhugra, D. Identity, alienation, and violent radicalization D. Marazziti, & S. M. Stahl (Eds.), *Evil, terrorism and psychiatry* (стр. 17–29). Cambridge University Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108569095.005>
15. Roy, O. Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State. London:rst Company, 2017.
16. Orav, A., Shreeves, R., Radjenovic A. Radicalisation and counter-radicalisation: A gender perspective. January, 2018. URL: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-581955-Radicalisation-gender-perspective-rev-FINAL.pdf>.
17. Policy Brief: Understanding the complex causes and processes of radicalization. Federal Republic of Nigeria. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.odid.ox.ac.uk/files/onsa-pb01.pdf>.
18. Cherney, A., Putra, I. E., Putera, V. S., Erikha, F., & Magrie, M. F. The push and pull of radicalization and extremist disengagement: The application of criminological theory to Indonesian and Australian cases of radicalization. *Journal of Criminology*, 263380762110348. 2021. DOI:10.1177/26338076211034893

19. Loesch, J. The GPH-MILF Peace Process in the Philippines to Prevent and Transform Violent Extremism in Mindanao, *Journal of Peacebuilding & Development*, 12:2, 96-101. 2017, DOI: 10.1080/15423166.2017.1331747.
20. Radicalisation in the digital era. RAND Europe. URL: <https://www.rand.org/randeurope/research/projects/internet-and-radicalisation.html>.

МОДЕЛЬ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИ- ЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕПАТРИАНТОВ, ВЕРНУВШИХСЯ ИЗ ЗОН ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС

Гульнара Мухатаева^{1*}

Антонио Алонсо Маркос²

¹докторант КазНУ имени аль-Фараби факультета философии и политологии

e-mail*: gmukhataeva@inbox.ru

²профессор университета Сан-Пабло (CEU-университет),
e-mail: aalonso@ceu.es

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-1.05>

Аннотация. В январе 2019 года Казахстан начал эвакуацию своих граждан, оказавшихся в районе действий международных террористических организаций на территории Сирии и Ирака. Несмотря на трехлетний период реабилитации и реинтеграции репатриантов, отмечаются сложности в реализации программы, связанные с нехваткой квалифицированных специалистов, нерешенностью бытовых и финансовых проблем репатриантов и опекунов детей, возвращенных с территории Ближнего Востока, секьюритизацией жизни вернувшихся женщин, их социальной стигматизацией, отсутствием адекватных индикаторов эффективности проводимой работы. На основе контент-анализа публикаций и комментариев в социальных сетях изучены недостатки информационной и коммуникационной стратегии, ограничивающие реализацию инициативы государства по возвращению граждан из зон военного конфликта и их реабилитации. В общественном сознании сохраняются стереотипы об угрозах, исходящих от вернувшихся лиц. Общественное осуждение и неприятие создает антитерапевтический эффект и осложняет процесс реинтеграции женщин и детей. Результаты экспертного опроса указывают на то, что игнорирование гендерного фактора при дерадикализации женщин-репатриантов привело к тому, что многие технологии, применяемые для исправления радикального поведения и убеждения мужчин в пенитенциарной системе, в том числе, теологическая коррекция, превратились в «неработающие инструменты».

Имеющиеся уязвимости в программе реабилитации могут привести к повторной радикализации репатрианок.

Ключевые слова: репатрианты из Сирии, реабилитация, реинтеграция, дерадикализация.

ТЕРРОРИСТИК БЕЛСЕНДІЛІК АЙМАҒЫНАН ОРЛҒАН РЕПАТРИАНТТАРДЫ ТЕОЛОГИЯЛЫҚ, ӘЛЕУМЕТТІК-ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ҚОЛДАУ МОДЕЛІ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КЕЙС

Гүлнара Мухатаева^{1*}, Антонио Алонсо Маркос²

¹ Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ философия және политология факультетінің докторанты, e-mail*: mukhataeva@inbox.ru

² CEU Сан Пабло университетінің профессоры, e-mail: aalonso@ceu.es

Аңдатпа. 2019 жылғы қаңтарда Қазақстан Сирия мен Ирак аумағындағы халықаралық террористік ұйымдардың әрекеттер ауданында болған өз азаматтарын эвакуациялауды бастады. Репатрианттарды оңалту мен қайта интеграциялаудың үш жылдық кезеңіне қарамастан, бағдарламаны іске асыруда білікті мамандардың жетіспеушілігімен, Таяу Шығыс аумағынан оралған репатрианттар мен балалардың қамқоршыларының тұрмыстық және қаржылық мәселелерінің шешілмеуімен, оралған әйелдердің өмірін қорғаумен, олардың әлеуметтік стигматизациясымен, жүргізіліп жатқан жұмыс тиімділігінің барабар индикаторларының болмауымен байланысты қиындықтар байқалады. Әлеуметтік желілердегі жарияланымдар мен түсініктемелерге контент-талдау жасау негізінде әскери қақтығыс аймақтарынан азаматтарды қайтару және оларды оңалту жөніндегі мемлекеттің бастамасын іске асыруды шектейтін ақпараттық және коммуникациялық стратегияның кемшіліктері зерделенді. Қоғамдық санада оралған адамдардан келетін қауіптер туралы таптаурындар сақталуда. Қоғамдық айыптау мен қабылдау терапияға қарсы әсер етеді және әйелдер мен балалардың реинтеграция үдерісін қиындатады. Сараптамалық сауалнаманың нәтижелері репатриан-әйелдердің дерадикализациялау кезінде гендерлік факторды елемей пенитенциарлық жүйеде ерлердің радикалды мінез-құлқы мен сенімдерін түзету үшін қолданылатын көптеген технологиялардың, соның ішінде теологиялық түзетудің «жұмыс істемейтін құралдарға» айналғанын көрсетеді. Оңалту бағдарламасындағы осалдықтар репатрианттардың қайтадан радикалдануына әкелуі мүмкін.

Түйін сөздер: Сириядан оралған репатрианттар, оңалту, реинтеграция, дерадикализация.

THE THEOLOGICAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL SUPPORT MODEL FOR RETURNEES RETURNING FROM AREAS OF TERRORIST ACTIVITY: THE CASE OF KAZAKHSTAN

Gulnara Mukhatayeva^{1*}, Antonio Alonso Marcos²

¹ PhD candidate at al-Farabi KazNU, Faculty of Philosophy and Political Science, e-mail*: gmukhataeva@inbox.ru

² Professor at the University San Pablo CEU, e-mail: aalonso@ceu.es

Abstract. Since January 2019, Kazakhstan has been evacuating its citizens from the terrorism-affected area in Syria and Iraq. Yet, three years later, rehabilitation and reintegration proved ineffective especially in regards to women and children. The programme faces a number of obstacles, i.e. shortages of qualified professional personnel and underdevelopment of the indicators; capacity deficit in tackling domestic and financial problems of the repatriated persons; safety and stigmatization of the returned women.

The article is focused on the shortcomings of the information and awareness-raising component of the programme. The content analysis of the materials from the printed and social media revealed the limitations of the measures aimed at repatriation and rehabilitation of the persons evacuated from the terrorism-affected areas who are still regarded as ‘posing security threat’ by ordinary people. Public condemnation and resentment have an anti-therapeutic effect and complicate reintegration of such women and children.

Moreover, the findings of the expert survey indicate that the gender factor has been neglected and de-radicalization measures aimed at repatriated women - including so-called ‘theological correction’ - are similar to those applied while working with male inmates in the penitentiary facilities in Kazakhstan. These have also been proved ineffective. The author concludes that the acute shortcomings in the rehabilitation programme may result in re-radicalization of the repatriated women.

Key words: *repatriates from Syria, rehabilitation, reintegration, de-radicalization.*

Introduction

A feature of contemporary terrorism is that it is global. The Syrian crisis, which escalated into a civil war started in 2011, has attracted the interest of thousands of Muslims around the world. A 2017 report by The Soufan Group (SG), a nongovernmental analytical organization, indicates that Russia was the first place to import foreign terrorist fighters, with 3,417 people involved in military conflicts in Syria and Iraq on the side of terrorist groups. Next was Saudi Arabia with 3,244 recruits and Jordan with 3,000 fighters. Tunisia sent 3,000 men to the zone of armed conflict, while France sent 1,910. About 5,000 fighters were recruited from Central

Asia. The largest number of recruits came from Uzbekistan (1,500) and Tajikistan (1,300). [1].

Since the beginning of the military conflict, according to the National Security Committee, about 800 citizens of Kazakhstan have left for Syria and Iraq, including about 120 men, more than 250 women and 500 minor children. [2]. Religious identity, the perception of oneself as part of an “imagined Ummah,” was primarily the trigger for Kazakhs to travel with their entire families to a zone of terrorist activity, to the so-called “Islamic State”. [3].

Research methods

The methodological basis of the study is a content analysis of online publications containing information about the return of Kazakh citizens from Syria and Iraq and comments to them, discourse analysis of official messages, and expert surveys of theologians involved in the program of deradicalization of returnees.

Results of the Research and Discussion

most of the current scholarly research focused on understanding the radicalization process of violent Islamist [4], but much less work was focused on the equally important process of deradicalization or how individuals or groups disengage from extremist groups and ideologies. A number of countries in the Middle East, Southeast Asia and Europe, to varying degrees, have taken active measures to prevent radicalization of vulnerable individuals and to rehabilitate those who have already embraced extremism. A key question for researchers is the purpose of these programs: disengagement (changing behavior) or deradicalization (changing beliefs) of radicals. Studies of deradicalization programs in the Middle East, Southeast Asia and Europe have shown that the most developed programs use local cultural patterns to achieve their goals. Such programs cannot simply be transferred from one country to another. They must develop organically in a particular country and culture. Kazakhstan, taking into account the other countries' experience, has nevertheless developed its own approach to deradicalization and re-socialization of citizens who have returned from areas of terrorist activity, taking into account the national code. The domestic program aims to change the beliefs of those who have returned from areas of terrorist activity. International experience shows that such an approach is practically unrealizable. Experts working with returnees also point out the difficulty of achieving indicators of deradicalization. Meanwhile, the process of re-socialization and reintegration of women who have returned from Syria is complicated by material, domestic and financial difficulties, social rejection, and the securitization of their lives.

Kazakh citizens evacuated from terrorist activity areas

Kazakhstan was the first Central Asian state whose citizens were in the war zone to begin a humanitarian operation in 2019 to remove its compatriots from camps for prisoners in northeastern Syria, the area controlled by Kurdish groups. According to official discourse, the removal of Kazakhs from the territory of Syria and Iraq, despite the mixed reaction of the country's citizens, is related to the national security of the state.

Most terrorist organizations view family members of fighters, particularly children, as potential and already ideologically trained recruits. Moreover, the loss of ISIS' territorial positions in Syria and Iraq does not mean that the group is completely defeated and disintegrated. ISIS quickly transformed into an underground terrorist network [5]. One way or another, there was a possibility that several hundred Kazakh children, who did not have the slightest idea of their homeland, being in unfavorable social conditions and growing up in an alien reality, would become a potential tool for destructive forces. And the ethnicity of these children would be used against the countries of Central Asia. It is likely that these children could have been assembled into a detachment or a fighting group. After receiving military instruction in training camps in Syria, the children of Kazakh radicals could have dispersed around the world. Tracking the movement of children would have been problematic - most of them did not have any documents, accordingly, it would have been difficult to identify them. Accordingly, leaving so many children in Syria and Iraq was risky [6].

As part of humanitarian operation "Zhusan" in 2019 from January 5 to June 26, 2021, February 5, 2019, 607 citizens of the Republic of Kazakhstan, including 37 men, 157 women, 413 children were evacuated from areas of terrorist activity. Under Operation Rusafa, which took place on November 27-28, 2019, 14 children were released from Iraqi prisons and evacuated to Kazakhstan [7].

The implementation of the operation was entrusted to representatives of the RK Ministry of Foreign Affairs, employees of the National Security Committee, the Ministry of Internal Affairs and the RK Ministry of Defense. Criminal charges were brought against 33 men and 19 women for involvement in the activities of the international terrorist organization "Islamic State".

Social and psychological support for women and children

Women and children arrived from the conflict zone were placed in a rehabilitation center in Aktau for a 30 days quarantine. This stage of rehabilitation was accompanied by medical examination, restoration of documents of the evacuees, and genomic examinations to establish the maternity of children born in Syria.

The second stage of rehabilitation of women and children was related to their socialization; many women received initial or repeated vocational training and were employed. Some of the children born in Syria were given Kazakh citizenship in order to avoid stigmatization in the future. After working with social pedagogues and tutors and undergoing psychological-medical-pedagogical counseling, children were enrolled in pre-school institutions or general education schools. Women rehabilitation was accompanied by psychological and social support. Currently, there are 14 rehabilitation centers in Kazakhstan engaged in the deradicalization and rehabilitation of people who have returned from areas of terrorist activity. They are located in Mangistau, Karaganda, Zhambyl, Aktobe region, Kokshetau, Atyrau, Shymkent, Pavlodar, Nur-Sultan, Zhezkazgan and Kaskelen [8].

As part of rehabilitation and reintegration programs, children were helped to enroll in kindergartens and schools, including in preparation for learning (tutors

were hired to work with children, since children in the conflict zone were not attending educational institutions, and their knowledge and skills did not meet age requirements accepted in Kazakhstan).

Special attention is paid to children's leisure time for a faster resocialization (visits to museums and exhibitions, familiarization with the history and culture of Kazakhstan, the implementation of developmental projects aimed at the formation of critical thinking skills, the organization of creative classes on hobbies).

According to the data of the Ministry of Education and Science of Kazakhstan, 202 on 447 returned children are enrolled in school, and one child was recognized as unteachable due to health conditions. Out of 248 preschool age children, 113 were placed in kindergartens. Of the 46 orphans, 38 were placed with relatives, 4 went to a family-type children's village (Atyrau) and 4 went to the Nur-Sultan Child Support Center. In other cases, if relatives (citizens of Kazakhstan) were not found for those returned orphans, then such children were sent for adoption.

Over 150 children attend additional educational organizations (clubs, hobby groups). The allocation of children to schools was not based on the territorial principle but taking into account the availability of the necessary specialists in schools who are ready to participate in the rehabilitation and reintegration process (*id est*, social pedagogues and psychologists). Child's biological age was taken into account to assign children to classes, although the main criterion was their readiness to study at a particular level. In case of a discrepancy in biological age and level of readiness, teachers and psychologists worked with the child, alongside with the children's parents in the class to which the child who had returned from the conflict zone was assigned. An individual plan of social rehabilitation was developed for each child, in which the results of the work were recorded step-by-step.

Children's rehabilitation is conducted by teachers and psychologists according to individual programs and plans. According to the estimates of the staff of the Ministry of Education and Science, the children are now generally adapted to Kazakh society and do not need psychological and theological assistance.

Courses have been organized for women to acquire new, in-demand professions in the Kazakh labor market (accounting courses, massage courses) in order to further their socialization and financial independence. At the initial stage, rehabilitation centers were able to provide food baskets for women [9].

Here it is important to mention the role of other informal social institutions, like the Uzbek *mahalla*, in the process of reintegration and deradicalization. The use of this kind of institutions for that purpose has been studied by many authors and experts, in the framework of the so-called community-based approach. In the 19th century, the sociologist Ferdinand Tönnies said that there are some differences between the idea of "society" and the concept of "community". Kazakhstan, as a state, has the duty to help and protect its citizens, even if they are wrong or they mislead their options and chose "the bad path"; so, its obligation is to help those people to come back to the right way. As a society, Kazakh people need to know that they will be a stronger and more united group if they are able to reintegrate

those former foreign fighters (as their relatives are also part of that society). Nevertheless, there is another level of engagement in society, the community, where the links among the members are even stronger and deeper: the community, the relationship with the relatives and the neighborhood. According to the community-based counterterrorism fight theories, the community play an important role, first of all, not only in detecting the beginning of the process of radicalization, but also in helping those people when they come back to accept they were wrong and restart a new life far from radicalized messages [10].

One of the most important problems here is the right use of concepts and terms. Following the Alonso pyramid to describe the radicalization process, there is no problem with having faith (believers), or with wanting to follow strictly the original rules of that faith (radicals). Maybe the problems come when those radicals want to transform their creed into a political ideology stripped from its original religious sense (fundamentalists) and, of course, with those people justifying the use of violence to get those political goals (extremists) and, absolutely, with those people who use violence to obtain such objectives (jihadists) [11].

Theological work with returnees

The peculiarity of the Kazakh model of deradicalization is the emphasis on the theological correction of views. One indicator of deradicalization is the adoption of the Hanafi creed. A similar approach is characteristic of the program in Saudi Arabia, where work on re-education through religious debate is carried out, a kind of “ideological detoxification” [12]. The local Religious Affairs Departments, the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan, and theologians from Nur-Mubarak University are involved in consulting and rehabilitating work. However, interviews in depth with repatriate women show that they view theological work as imposing the Hanafi *mazkhab* [13].

Meanwhile, theologian Askar Sabdin sees the function of theological correction in the deconstruction of illusions and utopia modeled by radical ideology. He points to the following radical narratives in need of correction:

- The narrow interpretation of jihad, understood as violent struggle against the enemies of Islam;
- The mythologization and politicization of the prophetic era, which ultimately leads to the idealization of a religious and political utopia;
- The deformation of the term *Jamaat*, which is interpreted as a separate group;
- The dichotomies of “*dar al-Islam*”/“*dar al-kharb*” (the territory of Islam/the territory of war); *al-uala ul-bara* (the principle of friendship and non-involvement);
- The *takfir*, accusing Muslims of disbelief with further legalization of violence against them;
- The *taghut*, which, as radicals understand it, can imply all non-theocratic countries, their administrative and legal system, ideology, constitution, ruler, judicial system, etc.
- The sacralization, romanticization of death or martyrdom (pseudo-*Shahidism*);
- The concept of the triple monotheism: 1) *ar-Rububiah* - monotheism in the

supremacy of Allah, the conviction that Allah alone is the Lord and Creator of all things. 2) *al-Uluhiya* - monotheism in the divinity of Allah, the conviction that Allah alone is worthy of worship. 3) *al-Asma uas Syfat* - monotheism in the divine Names and Attributes, as they are mentioned in the *Qur'an* and *Sunnah*.

The theoretical threefold classification of monotheism has contributed to the fragmentation of society into misguided “polytheists Muslim”, who are content with monotheism in the domination (*rububiya*), and “true Muslims”, who recognize all three types of monotheism. The latter, in turn, leads to the practice of accusing Muslims of disbelief and polytheism, of permitting them to wage “*jihad*” with them, to shed their blood, and to consider their property available as spoils of war [14].

In contrast to the European approach to deradicalization, where the rejection of the ideology of violence is considered sufficient [15], Kazakh theologians are tasked not only to destroy the construction of “militancy,” but also to change beliefs. Thus, the following indicators of deradicalization are highlighted:

- Rejection of *takfir* (accusation of disbelief);
- Rejection of the distorted perception of the term “*taghut*” and extrapolation of this concept to the constitutional structure of the Republic of Kazakhstan, the state system;
- Adoption of the Hanafi *mazkhab*;
- Adoption of Kazakh traditions and culture;
- Recognition of the secular and legal nature of the state.

Meanwhile, experts talk about a lack of gender sensitivity in dealing with female returnees. Existing deradicalization tools, which were used mainly for men in prisons, were transferred to female returnees, without taking into account the peculiarities of female radicalization. There is also an acute shortage of female theologians, as practice has shown that female specialists and female returnees develop a more trusting relationship.

At the same time, according to some experts, it is almost impossible to achieve all of the above indicators of deradicalization, and theologians often formally indicate in their reports that they are completely over-educated, while results have been achieved in only one or two areas.

Female radicalization factors and difficulties of reintegration

Interviews with female repatriates given in studies by Kazakh scholars Burnashev R., Chernykh I., and Shapoval Y. show that for most of them the departure to Syria was dictated by the patriarchal family structure, spouse unconditional submission to the husband, as well as, in some cases, a sense of infringement of religious rights and a desire to improve material conditions.

Political scientist Yerlan Karin points out the unfavorable socio-economic conditions as a factor of departure for Syria in his study. The radicals from Kazakhstan were predominantly from the western and central parts of the country. Western Kazakhstan, rich in oil and gas resources, lags behind other regions in many socio-economic criteria, and the relatively high prices of various consumer

goods “eat up” a significant part of the already low incomes of the local population. The cities of Zhezkazgan and Satpayev in Central Kazakhstan have been depressed regions for many years, with job losses and rising unemployment amid falling production of minerals. [6, p 13].

The American scholar Noah Tucker also points to unresolved social problems as a factor in religious radicalization in Central Asia [16].

Meanwhile, women who returned from Syria again faced difficulties of a material nature, most of them do not have their own housing, they live with relatives or rent housing. It should be noted that the vast majority of returnee women have many children and support from three to six children. The majority of women do not have secondary or higher education. Moreover, after receiving vocational training as part of the rehabilitation and reintegration program, not all of them have found employment. This is attributed by experts to the dependency mentality of women [9].

Nowadays, there is a problem of inability of many women and guardians of children without parents to receive social benefits for loss of breadwinner, despite the availability of information about the death of men in military actions, which is connected with legal conflicts. For example, residents of Zhezkazgan and Satpayev cannot get their relatives declared dead or missing by the court [17].

The courts, in response, refer to Article 11 of the normative resolution of the Supreme Court of the RK “On judicial practice in cases of declaring a citizen missing or declared dead,” which does not allow a person who deliberately hides or is wanted in connection with the commission of a criminal offence to be declared missing or dead. In this case, the presence of persons wanted for terrorist crimes is an obstacle to financial support for their families [18].

Among other international institutions, the OSCE Parliamentary Assembly underlined the necessity to treat women and children returning from (terrorist) conflict zones in a different way to their husbands and fathers, protecting specially them as vulnerable victims [19].

Public perception of the returnee rehabilitation program

Gulnaz Razdykova, head of the Zoom-Zhusan rehabilitation center, points to social stigmas as a factor creating an antitherapeutic effect in the rehabilitation of women returned from armed conflict areas [20].

Content analysis of comments to the publications about the return of Kazakh citizens from Syria and Iraq showed that they are dominated by negative mood. The analysis was conducted with the help of OMSystem (<http://oms-demo.kaznu.kz/>) from 08.05.2019 to 14.05.2019. The topic “Operation Zhusan” was selected for the search, with the following words and phrases as keywords: “Zhusan”, “Kazakh women in Syria”, “return of women and children”, “sought caliphate”, “went to *jihad*”, “wahab”, “terrorist accomplices”, “deprive citizenship”. 24 materials and 1280 comments to them published in social networks “VK”, “Instagram”, on video hosting “Youtube”, news websites “Nur.kz”, “zakon.kz”, “Khabar 24”, “Informburo 31”, “KTK Zhanylyktary” were analysed. It should be noted that the publications

were neutral in nature, containing information about the return of Kazakh citizens, mostly women and children, from the armed conflict in the Middle East. At the same time, the predominant content of the comments was negative: 885 comments contained information aimed at condemning the repatriate women, accusing them of terrorist crimes, and expressing dissatisfaction with the allocation of budget funds for their rehabilitation to the detriment of socially vulnerable segments of the population. The most frequent labels were “terrorist women,” “terrorist accomplices,” and “traitors”. 364 neutral comments contained information about the innocence of children and the possibility of their integration into society, the need to inform the public about the process of rehabilitation of women and children. The least positive comments were found, with only 31 messages aimed at supporting the authorities’ discourse on the status of victims of evacuees deceived into the war in Syria and Iraq.

Well it is understandable for children.... it's not too late for them to get their brains right...but the adults, why do they need to be rescued? ?? They are wives and loved ones of terrorists... They have a strict law if your husband was killed by a Kafir, his wife should become a shahid... If I am not mistaken ((Or she may become the wife of another terrorist, second or third wife... In short, it is a double-edged sword....

Poor kids are suffering because of their terrorist parents.

It is possible to give help to all of them for the first time, these people are unhappy and no one becomes radical for no reason; it is necessary to treat them, not to cut them up.

Many of them may have had a difficult past and went to the Middle East, where many from Kazakhstan go.

To run away from Kazakhstan, a peaceful country, to where there is a war. Are you out of your mind? These are potential terrorists. And now we can expect anything from them. I hope the special services will keep them under control and not let anything bad happen.

They're just wasting budget money on them.

You'd better write about the first evacuees, have they realized their mistake and how children are adapting?

They made a mistake thinking they would build a terrorist state, but they failed, so they pretended to be victims but did not give up their ideas... I do

not understand when the government helps terrorists and does not help its disabled poor and disadvantaged citizens.

People shouldn't be so categorical! They have already understood their mistake and a great contribution to the anti-propaganda of radical religious currents of religions

What are they bringing them here for? They left for a better life, let them live there and be happy. It's bad here! They think it's better there. Don't come back! They should be kicked out with a fucking broom, not invited back. They are traitors.

Why bring the terrorists back?.....

Apparently not everyone in our country knows that children there were also trained and processed and called the Caliphate Lionesses. Why do we need them here? If their relatives need them, let them go to Syria and Iraq for them.

It is clear that they are not all right in the head, but only they know why they went there and we do not know what lured them there and why they were brought back, and it is not clear whether they themselves needed it. So one can speculate as much as one wants, but it is a fact that these are dangerous people.

These people were brainwashed by Solofism, they were enlisted and we dragged them back to their home country, it is nonsense! In some countries, such people are banned from entering, so they are on the stop list so as not to sow the seed at home.

I'm against them being brought here. Why do they leave here?! Then they come back here and become terrorists. And our military risk their lives to get them out. It's just a pity about the kids.... But I don't understand the mothers...

Sure, it's all good from the standpoint of humanism, but many of them are lost people who will be difficult to adapt to normal society.

Children are not to blame for anything and it doesn't matter whose they are. And fanatic parents should be placed on permanent records so they do not sneak up on our propaganda. Naturally, not all of them are terrorists, but they are not worth the risk.

How many millions of people's money will go to support terrorists, their rehabilitation, and various benefits for them? I do not want to live in the same city with them, I do not want them to go to school where my children go! I do not want my taxes to go to support terrorism!

Why were these terrorists brought here?! Are you crazy?! They spent so much money, now they will be financed by the taxpayers to feed them, clothe them, and teach them at the expense of the people.

It would be better to help mothers of underprivileged children here than to bring all kinds of terrorists back to our country!!!!

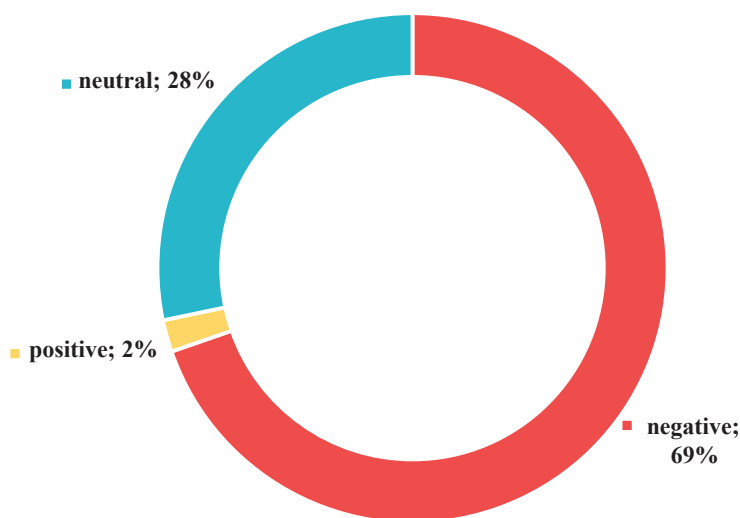

Diagram 1. Comment content, %

According to researchers at the Rand Corporation, an American think-tank, the successful process of deradicalization and reintegration can be hindered by public condemnation and rejection, in which case there is a risk of re-radicalization [21].

Consequently, the weakness of Kazakhstan's deradicalization program is the inconsistent work with public opinion, as well as with the families of female returnees. Specialists point to the continuing stigmatization of repatriate women and, in some cases, aggressive attitudes on the part of relatives. The rehabilitation

process receives virtually no media coverage, and the results of the deradicalization program are discussed in closed expert forums.

Conclusion

An analysis of the Kazakhstan program for the deradicalization of individuals returning from areas of armed conflict revealed a number of systemic problems that hinder rehabilitation and integration efforts:

- Lack of specialists, including women theologians, capable of implementing programs for the rehabilitation and reintegration of persons returning from conflict zones;
- Unresolved social and financial problems of returnees;
- Social stigmatization, which creates an anti-terrorist effect;
- Lack of objective indicators of the effectiveness of state programs for rehabilitation and reintegration, their reduction to formal activities and indicators.

Existing vulnerabilities can lead to the re-radicalization of returnees. In this connection, a change of approach to work with returnees is required, taking into account gender specifics, factors of radicalization of women, where the social component is predominant.

References

1. Barrett R. (2017) Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. – The Soufan Center (TSC), New York. – 41.
2. Zakon.kz. Internet newspaper (2021) Reabilitatsiya vozvrashhenny'x iz zon boevy'x dejstvij grazhdan idet uspeshno [The rehabilitation of citizens returned from war zones is going well] <https://www.zakon.kz/5085492-reabilitatsiya-vozvrashchennyh-iz-zon.html> (InRussian).
3. Rua O. (2018). Globalizirovannyj islam: v poiskah novoj ummy [Globalized islam: the search for a new ummah] Moskva: Fond Mardzhani. – 338 (InRussian).
4. Alonso Marcos, Antonio and Khalil Samir, Samir: "El Estado Islámico: ¿Auténtico Islam? Las vías para escapar de la violencia", Cuadernos Iberoamericanos, Vol. 4, N. 26, December 2019, pp. 20-30, ISSN: 2409-3416, at <https://www.iberpapers.org/jour/article/view/375>.
5. Abu Ibrahim al-Hashimi al-Qurayshi was the ISIS leader until February 2022, after ISIS lost its territorial power. See Granitz, Peter and Naylor, Brian: "Biden says ISIS leader is dead after U.S. operation", NPR, February 3, 2022, at <https://www.npr.org/2022/02/03/1077825951/the-u-s-has-conducted-a-counterterrorism-operation-in-syria>.
6. Karin E. (2020) Operaciya «Zhusan» Kogo i pochemu vernuli iz Sirii? [Operation «Zhusan» Who was returned from Syria and why?] Monografiya. Print House Gerona, Almaty. – 272.
7. Kazislam.kz. Internet newspaper (2021) Repatriaciya grazhdan SNG iz Sirii: fakty i statistika [Repatriation of CIS citizens from Syria: facts and statistics] <https://kazislam.kz/repatriatsiya-grazhdan-sng-iz-sirii-fakty-i-statistika/> (InRussian).
8. Razdy'kova G.M., Pavlova O.S. (2020) Social'no-psixologicheskie aspekty reabilitatsii i reintegratsii zhenshin, evakuirovanny'x iz zon terroristscheskoj aktivnosti: kazaxstanskij kejs [Socio-psychological aspects of rehabilitation and reintegration of women evacuated from terrorist activity zones: Kazakhstan case] // Islam: lichnost' i obshchestvo. - №2. – 61-64 (InRussian).
9. Burnashev R., Cherny'x I., Aslanova I., Abdirasulova G., Kazakbaeva E'. (2021) Opyt Kazakhstana i Kyrgyzstana po razrabotke i realizatsii programm vozvrashheniya, reintegratsii i reabilitatsii grazhdan iz zon konfliktov [The experience of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the development and implementation of programs for the return, reintegration and rehabilitation of citizens from conflict

- zones]. Analiticheskij obzor. Nur-Sultan. – 222 (InRussian).
10. Spalek, Basia (ed.) (2012): Counter-Terrorism: Community-Based Approaches to Preventing Terror Crime. New York, Palgrave McMillan.
 11. Alonso Marcos, Antonio: "Central Asia in the strategy of Islamic State (IS): consequences for Europe", in Actas VII Jornadas de Estudios de Seguridad, 2015, Madrid, IUGM, pp. 92-94, at https://iugm.es/wp-content/uploads/2016/06/Actas_VII_Jornadas.pdf.
 12. Neflyasheva N.A. (2019) «Tol'ko idei mogut borot'sya s ideyami». Deradikalizaciya islamistov v Saudovskoj Aravii [Only ideas can fight ideas. Radicalization of Islamists in Saudi Arabia] // Islamovedenie. T. 10, № 4. – 14-30. DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-4-14-30 (InRussian).
 13. Shapoval Yu. (2021) Podxod i opy't Kazaxstana v reabilitacii i reintegracii repatriantov. [Kazakhstan's approach and experience in rehabilitation and reintegration of repatriates.] NKO «Poisk obshhix interesov». – Nur-Sultan. – 49. (InRussian).
 14. Sabdin A. (2020) Teologicheskie narrative' deradikalizacii. [Theological narratives of deradicalization] Metodicheskoe posobie. - Almaty'. – 468 (InRussian).
 15. Horgan, J. (2008) «Individual disengagement: a psychological analysis», in Bjorgo, T., Horgan, J (ed.) Leaving terrorism behind. Individual and collective disengagement. – London: Routledge. – 17-30.
 16. Tucker N. (2019) Terrorism without a God: Reconsidering Radicalization and Counter-Radicalization Models in Central Asia. <https://centralasiaprogram.org/terrorism-god-reconsidering-radicalization-counter-radicalization-models-central-asia>.
 17. Radio Azatty'k. Internet newspaper (2021) Smert' ne dokazana. Blizkie uexavshix v Siriya dobivayutsya priznaniya ix umershim [Death has not been proven. Relatives of those who left for Syria are seeking recognition as dead] <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-citizens-returned-from-syria-problem-with-the-documents/31022692.html> (InRussian).
 18. Normativnoe postanovlenie Verxovnogo Suda RK ot 31 maya 2019 goda № 2 «O sudebnoj praktike po delam o priznanii grazhdanina bezvestno otsutstvuyushhim ili ob'yavlenii umershim» [Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan «On judicial practice in cases of recognizing a citizen as missing or declaring deceased»] <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P190000002S> (InRussian).
 19. the "Luxembourg Declaration And Resolutions Adopted By The OSCE Parliamentary Assembly At The Twenty-Eighth Annual Session", OSCE-PA, 4–8 July 2019, at <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2019-luxembourg/3882-luxembourg-declaration-eng/file>, specially the "Resolution On the Challenges Related to Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters", paragraphs 37 and 38, at <https://www.oscepa.org/en/documents/ad-hoc-committee-on-migration/3884-resolution-on-the-challenges-related-to-returning-and-relocating-foreign-terrorist-fighters-adopted-at-the-28th-annual-session-luxembourg-4-8-july-2018/file>.
 20. Antiterrortoday. Internet newspaper (2021) Gul'naz Razdy'kova: «Riski vtorichnoj radikalizacii vernuvshixsya iz Sirii eshhyo vy'soki» [Gulnaz Razdykova: «The risks of secondary radicalization of those who returned from Syria are still high»] <https://antiterrortoday.com/antiterror/sistema-mer-borby-s-terrorizmom-postranam/at-v-kazakhstane/17800-gulnaz-razdykova-riski-vtorichnoj-radikalizatsii-vernuvshixsya-iz-sirii-eshchjo-vysoki> (InRussian).
 21. Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J., Boucek C. (2010) Deradicalizing Islamist Extremists. Santa Monica, CA: RAND Corporation <https://www.rand.org/pubs/monographs/MG1053.html>.
 22. Alonso Marcos, Antonio: "Central Asians Fighting in Syria: The Danger of Islamic State Returnees to Central Asia", Revista del Instituto Español de Estudios Estratégicos (IEEE), N. 9, (June 2017), Madrid, ISSN: 2255-3479, pp. 319-345, at <https://revista.ieee.es/article/view/207/345>.
 23. Orozobekova, Cholpon: "The Repatriation, Rehabilitation and Reintegration of Women and Children from Syria and Iraq: The Experiences of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan", Bulan Institute for Peace Innovations, June 2021, at <https://bulaninstitute.org/wp-content/uploads/2021/06/Report-on-Repatriation-in-Central-Asia-2.pdf>.

24. Alonso Marcos, Antonio and Kalanov, Komil: "The Role of Khodjas and Mahallas in Uzbekistan: Tools for Social Stability?", UNISCI, N.45, (October 2017), pp. 247-266, at <http://www.unisci.es/wp-content/uploads/2017/11/UNISCIDP45-11ALONSO-KALANOV-1.pdf>.
25. "Resolution on Preventing and Countering Terrorism and Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism", OSCE-PA, July 2018, at <https://www.oscepa.org/en/documents/all-documents/ad-hoc-committee-on-migration/3757-resolution-on-preventing-and-countering-terrorism-and-violent-extremism-and-radicalization-that-lead-to-terrorism-adopted-at-the-27th-annual-session-berlin-7-11-july-2018/file>.
26. "Luxembourg Declaration And Resolutions Adopted By The OSCE Parliamentary Assembly At The Twenty-Eighth Annual Session", OSCE-PA, July 2019, at <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2019-luxembourg/3882-luxembourg-declaration-eng/file>
27. "Resolution On the Challenges Related to Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters", OSCE-PA, July 2019, at <https://www.oscepa.org/en/documents/ad-hoc-committee-on-migration/3884-resolution-on-the-challenges-related-to-returning-and-relocating-foreign-terrorist-fighters-adopted-at-the-28th-annual-session-luxembourg-4-8-july-2018/file>
28. Martínez, Michael: "Friend of Boston Marathon bomber Tsarnaev sentenced to 6 years", CNN, 2 June 2015, at <http://edition.cnn.com/2015/06/02/us/boston-marathon-bombing-dzhokhar-tsarnaev>.
29. Briggs, Rachel; Fieschi, Catherine and Lownsborough, Hannah (2006): Bringing it Home Community-based approaches to counter-terrorism. London, Demos, p. 58.
30. Tönnies, Ferdinand (2001): Gemeinschaft und Gesellschaft. Oxford, Oxford University Press.
31. Dadabaev, Timur: "Community Life, Memory and a Changing Nature of Mahalla Identity in Uzbekistan", Journal of Eurasian Studies, Vol. 4, N.2 (2013) pp. 181-196.

ПЕРЕХОД К ОНЛАЙН ОБУЧЕНИЮ КАК НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫГОДЫ И РИСКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЦЕНОК КЛЮЧЕВЫХ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Тумабекова Динара^{1*},

Каратаева Леся²

¹ассоциированный professor Школы политики и права Алматы Менеджмент Университета (AlmaU), кандидат экономических наук, г.Алматы, Казахстан

²руководитель аналитических проектов Eurasian Center for People Management (ECPM), доктор исторических наук, г. Алматы, Казахстан

e-mail*: succes2000@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-1.06>

Аннотация: Статья представляет результаты первого этапа мониторинга текущих тенденций в образовательном пространстве, детерминированных пандемическими обстоятельствами. Целью данного этапа стало осмысление процесса трансформации образования, характеризующегося усилением роли информационных технологий, а также формирование представления об удовлетворенности студентов и преподавателей качеством онлайн-обучения. Исследование включало в себя два направления. «Кабинетная» часть позволила провести компаративный анализ моделей высшего образования в допандемический и текущий период. Полевые исследования включили в себя как количественные, так и качественные измерения. В первом случае был проведен опрос студентов высших учебных заведений, во втором – структурированные интервью с представителями профессорско-преподавательского сообщества.

Ключевые слова: высшее образование, онлайн обучение, информационные технологии, коммуникация, социальные риски.

ОНЛАЙН ОҚЫТУҒА КӨШУ ЖОҒАРЫ БІЛІМ БЕРУДІ
ДАМУДЫҢ ЖАҢА КЕЗЕҢІ РЕТІНДЕ: БІЛІМ БЕРУ ПРОЦЕСІНІҢ

НЕГІЗГІ ҚАТЫСУШЫЛАРЫН БАҒАЛАУ ПРИЗМАСЫ АРҚЫЛЫ ӘЛЕУМЕТТІК ПАЙДА МЕН ТӘУЕКЕЛДЕР

Тұмабекова Динара^{1*}, Қаратаева Леся²

¹ Алматы Менеджмент Университетінің (AlmaU). Саясат және құқық мектебінің ассоцияланған профессоры, экономика ғылымдарының кандидаты

² Eurasian Center for People Management (ECPM), аналитикалық жобалардың жетекшісі, тарих ғылымдарының докторы, e-mail*: succes2000@mail.ru

Аңдатпа: Мақала пандемия жағдайында анықталған білім беру кеңістігіндегі ағымдағы тенденцияларды бақылаудың бірінші кезеңінің нәтижелерін ұсынады. Бұл кезеңнің мақсаты ақпараттық технологиялардың рөлін күшейтумен сипатталатын білім беруді трансформациялау процесін түсіну, сондай-ақ студенттер мен оқытушылардың онлайн оқыту сапасына қанағаттануы туралы идеяны қалыптастыру болды. Зерттеу екі бағытты қамтыды. «Кабинеттік» бөлім пандемияға дейінгі және ағымдағы кезеңде жоғары білім беру модельдеріне салыстырмалы талдау жүргізуге мүмкіндік берді. Далалық зерттеулер сандық және сапалық өлшеулерді қамтыды. Бірінші жағдайда жоғары оқу орындарының студенттері арасында сауалнама, екінші жағдайда профессор – оқытушылар қоғамдастығының өкілдерімен құрылымдалған сұхбат жүргізілді.

Түйін сөздер: түйінді сөздер: жоғары білім, онлайн оқыту, ақпараттық технологиялар, коммуникация, әлеуметтік тәуекелдер.

THE TRANSITION TO ONLINE LEARNING AS A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION: SOCIAL BENEFITS AND RISKS THROUGH THE PRISM OF ASSESSMENTS OF KEY PARTICIPANTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Tumabekova Dinara^{1*}, Karatayeva Lessya²

¹ assistant professor of the School of Politics and Law of Almaty Management University (AlmaU), Candidate of Economic Sciences

² Head of analytical projects Eurasian Center for People Management (ECPM), Doctor of Historical Sciences

email*: succes2000@mail.ru

Abstract: The article presents the results of the first stage of monitoring current trends in the educational space, determined by pandemic circumstances. The purpose of this stage was to comprehend the process of transformation of education, characterized by the strengthening of the role of information technology, as well as to form an idea of the satisfaction of students and teachers with the quality of online learning. The research included two directions. The “office” part made it possible

to conduct a comparative analysis of higher education models in the pre-pandemic and current period. The field studies included both quantitative and qualitative measurements. In the first case, a survey of students of higher educational institutions was conducted, in the second - structured interviews with representatives of the teaching community.

Key words: *higher education, online learning, information technology, communication, social risks.*

Введение

Впервые зафиксированное в начале 1960 годов в глобальном научном дискурсе понятие «информационное общество», на протяжении всей второй половины XX века являлось дискуссионным и требовало расширения своего теоретического и практического наполнения. Дискуссии социологов относительно содержания и форм проявления информационного общества затрагивали различные аспекты – от соотнесения концепций постиндустриального и информационного общества до поиска ответов на вопрос о вероятности алгоритмизации поведения социума в результате широкого внедрения цифровых технологий. Единственным «общим местом» для всех исследований являлось понимание будущего общества как общества, в котором ключевым ресурсом станет знание. Это обстоятельство актуализировало вопрос о необходимости пересмотра роли образования и подходов к его организации. Теоретики перехода к цифровому миру [1, 2], не обращаясь непосредственно к проблемам образования, дают возможность расценивать его как один из ключевых механизмов «интеграции большого количества различных научных дисциплин и открытий» [3, с. 20]. Кроме того, трансформировалось и отношение к роли знания. Не столько знание само по себе, сколько возможность использовать его для генерации креативных идей, становится ключевым фактором успеха. В этом контексте образование представляется в двух ипостасях. С одной стороны, как процесс личностного развития и формирования человеческого капитала высокого качества. С другой стороны, как инновационно чувствительная экономическая сфера, в рамках которой образовательные технологии сами по себе выступают в качестве продукта.

Одним из механизмов продвижения образовательных продуктов стало дистанционное образование. Как способ оказания образовательных услуг дистанционное обучение появилось еще в середине XIX века. В силу отсутствия технологических возможностей для обеспечения взаимодействия педагога и студентов в реальном времени такой формат обучения представлял собой внедрение инновационных образовательных методик в практики заочного обучения [4]. Это обстоятельство определило научную дискуссию в отношении специфики дистанционного образования в плоть до второго десятилетия XXI века. Ряд исследователей полагали, что дистанционное и

заочное обучение могут рассматриваться, если не как синонимичные понятия, то, по крайней мере, как родственные форматы [5, 6]. Другая часть экспертов настаивала на том, что дистанционное обучение, при наличии схожих черт с заочным, все же является новым словом в педагогике [7-9]. Различие в позициях авторов может быть объяснено применением разнящихся критериев, на основании которых производилось сравнение. С укреплением позиций дистанционного образования сформировалась дискуссия о его достоинствах и недостатках [10].

Для Казахстана дистанционное обучение с января 2019 года является единственной альтернативой очной формы получения высшего образования [11]. Востребованность дистанционного образования значительно возросла в условиях перехода казахстанского общества к парадигме образования в течение жизни. Окончательно вопрос о целесообразности развития технологий удаленного обучения был решен в период пандемического кризиса. В заданных условиях вынужденного внедрения методов онлайн обучения в практики традиционных форм очного обучения в связи с карантинными ограничениями в значительной мере актуализировались вопросы, с одной стороны, о разработке новой методологии педагогики, а с другой стороны, о готовности общества к нововведениям. Если методологические аспекты можно оценить, как относительно разработанные, то вопросам готовности общества к образовательным инновациям уделяется недостаточно внимания. В то же время, как отметил в своей работе Клаус Шваб «главным показателем прогресса до сих пор является мера принятия обществом технологических новшеств» [3. С.19].

Методы исследования

Исходным постулатом при проведении исследования стало убеждение, что онлайн обучение – это не некий эпизодический опыт нашего современного мира, в котором участвуют практически все, но реальность, которая будет определять будущее человеческого капитала в долгосрочной перспективе.

Методологической базой послужил ряд идей, выдвинутых теоретиками информационного и постиндустриального общества. В частности, Концепция трех волн Э. Тоффлера [12], дополненная идеями К. Шваба [3] о старте Четвертой промышленной революции и переходе к новому технологическому укладу позволили рассмотреть переход к онлайн образованию в контексте глобальных процессов развития общества. В основу понимания воздействия информационных технологий на структуру общественных связей и возрастающую роль информации и знания для экономического развития легла Теория сетевого общества М. Кастельса [13].

Статья представляет результаты первого этапа мониторинга текущих тенденций в образовательном пространстве, детерминированных пандемическими обстоятельствами. Целью данного этапа стало осмысление процесса трансформации образования, характеризующегося усилением роли информационных технологий, а также формирование представления об

удовлетворенности студентов и преподавателей качеством онлайн обучения. Уровень удовлетворенности складывается под воздействием ряда факторов, ключевое значение среди которых имеют психологические, когнитивные и технологические. В период пандемии значительно выросло использование различных онлайн платформ, однако, из-за отсутствия навыков владения ресурсами онлайн обучения, как у педагогов, так и у студентов, возникают риски снижения качества преподавания.

Гипотеза исследования выстраивалась на основе анализа общественно-бытового дискурса, фиксирующего негативное отношение к онлайн формату обучения и включает в себя предположение, что концепция онлайн обучения не нашла поддержки среди ключевых участников образовательного процесса.

Исследование включало в себя два направления. «Кабинетная» часть позволила провести компаративный анализ моделей высшего образования в допандемический и текущий период. Полевые исследования включили в себя как количественные, так и качественные измерения. В первом случае было проведен опрос студентов высших учебных заведений, во втором – структурированные интервью с представителями профессорско-преподавательского сообщества.

В исследовании приняли участие 150 студентов казахстанских вузов. Опрос проводился методом онлайн анкетирования.

Ряд выдвинутых положений были сформированы на основании включенных наблюдений.

Принимая во внимание близость, но не тождественность понятий дистанционного и онлайн обучения, авторы исследования сфокусировали внимание на анализе оценок исключительно онлайн-образования.

Результаты исследования и их обсуждение

Ключевые изменения системы высшего образования

Эволюционное развитие казахстанского высшего образования привело к созданию студентоориентированной модели обучения. В основе сложившейся модели лежит, с одной стороны, понимание роли вузов как организаций, оказывающих, в первую очередь, образовательные услуги для граждан. С другой стороны, становление высшего образования в качестве экономической отрасли, также способствовало росту внимания к удовлетворенности студентов качеством получаемого образования, что является естественным следствием роста конкуренции на рынке образовательных услуг. Это же обстоятельство явилось отправной точкой для внедрения вузами инновационных механизмов обучения, в частности, дистанционного образования. В то же время в последние годы заметно расширился дискурс понимания вузов как организаций, нацеленных на обеспечение рынка труда необходимыми кадрами. Результатом смещения акцентов стал рост внимания к качеству педагогических кадров, их способности развить у студентов навыки, в максимальной степени соответствующие запросам рынка труда. Таким образом система образования в допандемический период характеризовалась дихотомичностью: обучающие

– обучаемые, с преобладающей значимостью последних.

Пандемия Covid-19 поставила вопрос о внедрении новых форматов обучения, позволяющих снизить риски распространения вирусной инфекции за счет сокращения количества суперраспространителей, понимаемых как места скопления большого количества людей [14]. Такой формой стало онлайн-обучение. Несмотря на близость понятий «дистанционное» и «онлайн» обучение, они не являются тождественными. Различие будет более очевидным, если оценить его через призму происхождения обоих форматов. Если дистанционное обучение своими корнями уходит в заочное образование, то онлайн формат является продолжением очной формы.

Продолжая логику эволюции высшего образования можно отметить, что переход к онлайн-обучению ввел в дихотомичную структуру высшего образования допандемического периода третью составляющую – интернет-технологии. Таким образом, структура системы онлайн образования предполагает равнозначную адекватность трех ключевых элементов – студента, педагога и технической составляющей. Технологии не только определяют возможности и качество образовательных коммуникаций, но и влияют на то, смогут ли студенты получить наряду с теоретическими знаниями и практические навыки, сможет ли онлайн образование обеспечить в равной степени развитие как профессиональных, так и надпрофессиональных навыков и компетенций.

Немаловажное значение в процессе дистанционного обучения играет стрессоустойчивость. Значимость этого фактора многократно возросла в условиях аврального перехода к онлайн-обучению, имевшего место в Казахстане в 2020 году. При этом стрессоустойчивость оказалась востребованной со стороны как педагогов и студентов, так и со стороны технологий. Многократное увеличение количества одновременных интернет-соединений во время проведения учебных занятий по всей стране оказало беспрецедентное давление на сети передачи данных, а также на онлайн-платформы. В результате, в первые месяцы серьезно пострадало качество сетевых соединений.

Изначально самыми подготовленными к новым условиям оказались студенты. Позитивную роль сыграл возраст, так как молодые казахстанцы социализировались уже в условиях развитого интернета и использование различных гаджетов и интернет-технологий является одним из самых развитых их навыков. Кроме того, принимая во внимание современные тренды мирового развития, уже в выпускных классах, школьников обучают навыкам использования сетевых возможностей.

Общественные дискуссии по вопросу о преимуществах и недостатках онлайн обучения в большинстве случаев отражают проблематику, касающуюся комфорта или рисков для обучающихся. В то же время проблемы, возникающие в связи с переходом на онлайн формат у преподавателей остаются за пределами внимания общественности. Несмотря на поддержку

со стороны администраций вузов и активную консультативную помощь IT-специалистов, авральный режим перехода к непривычным условиям работы создал колоссальное психологическое давление на педагогический состав. Тем не менее, результатом значительного изменения методик преподавания, требований к преподавательским профессиональным компетенциям стал рост мотивации к совершенствованию навыков цифровой педагогики, что в свою очередь привело к росту запроса на курсы повышения квалификации.

Переход к онлайн обучению потребовал от системы образования значительного ускорения темпов внедрения инновационных методик. Однако неверным будет утверждать, что интенсификация применения новшеств в образовательном процессе характерна исключительно для текущего периода. Поиск оптимальных моделей организации образовательного процесса и активное реформирование системы образования являлось одним из ключевых направлений государственной политики в сфере образования и в допандемический период. В то же время, вынужденный переход на онлайн формат позволил значительно расширить арсенал педагогических методик обучения.

Появление стрим-обучения и выход педагогов в мультимедийное пространство позволяют говорить об изменении природы педагогической деятельности. Педагог цифровой эпохи должен обладать навыками режиссуры и блогерства, создавать образовательные квесты и демонстрировать их прохождение в качестве стримера. Для Казахстана такой взгляд на педагогическую деятельность является новым, но за рубежом научная дискуссия о плюсах и минусах мультимедийного подхода и возможностях его использования ведется с начала прошлого десятилетия [15-16]. Отдельные исследования в этом направлении проводятся и в России [17-18].

Изменение подходов к парадигме образовательного процесса, продуцируемое выведением процесса образования в онлайн пространство позволяет сделать два вывода. Во-первых, заметное отставание казахстанской системы образования от зарубежных, на фоне глобализации образовательной среды, привело к снижению ее конкурентоспособности как экономической отрасли. Общество отреагировало на обозначившуюся тенденцию роста спроса на зарубежное образование формированием дискурса «утечки мозгов». Стало понятно, что государственный протекционизм в отношении национальной системы образования, выражавшийся в ограничении присутствия иностранных вузов и их филиалов в стране, исчерпал свои возможности. В результате было принято решение об открытии к 2025 году на территории РК пяти филиалов ведущих иностранных вузов [19]. Во-вторых, рост запроса на мультимедийность в образовании частично опровергает прогнозы теоретиков информационного общества о ведущей роли знания в структуре общественных отношений. Приоритетное значение приобрело не столько знание, сколько коммуникация, точнее, доступ и умение использовать каналы коммуникации.

Онлайн обучение через призму оценок непосредственных участников процесса

За прошедшие два академических года с начала внедрения практик онлайн обучения был накоплен определенный опыт взаимодействия участников образовательного процесса в онлайн-формате, что делает возможным выявление их оценочных суждений. В целях выявления оценок эффективности нового формата онлайн-обучения был проведен опрос студентов очных отделений вузов.

Первичными условиями коммуникативного взаимодействия при онлайн-обучении является качество интернет-связи во время вебинаров и непосредственного взаимодействия учащихся с преподавателем. Несмотря на очевидный прогресс в сфере предоставления интернет-провайдерами услуг доступа к сети, опрос показал наличие ряда проблемных моментов. Чуть более половины опрошенных (57%) оценивают качество интернет-соединений как удовлетворительное, и отмечают ситуативность возникающих сбоев связи. Тем не менее, разрыв видеосвязи требует временных затрат на переподключение, что негативно сказывается на качестве усвоения лекционного материала и выполнения практических заданий. Каждый пятый (22%) выразил сожаление в связи с тем, что в виду отсутствия живой коммуникации с преподавателем некоторые моменты учебного материала остались непонятными.

Не связанным с техническими характеристиками моментом является наличие бытовых условий, позволяющих студентам полноценно погрузиться в образовательный процесс. В данном случае речь идет о наличии физического пространства, в котором студент является защищенным от отвлекающих внимание действий членов семьи и др. Так, каждый шестой опрошенный студент (17%) отмечает, что «не мог оставаться в уединении и спокойно слушать лекцию или активно участвовать в практических занятиях». В то же время, несмотря на наличие определенных трудностей в поддержании устойчивой видеосвязи во время учебных занятий, более трети студентов (41%) полагают, что успешно справляются со всеми видами работ – восприятие лекционного материала, работа в группах, выполнение домашних заданий. Каждый третий студент (34%) считает наиболее легкой задачей виртуальное присутствие на лекционных и практических занятиях. Менее комфортным оказалось выполнение домашних заданий. Только 12% студентов заявили о том, что считают успешными свои действия в этом направлении. Включенные наблюдения показали, что с переходом на онлайн-формат количество времени, затрачиваемого студентами на выполнение домашних заданий возросло. Этот феномен можно объяснить изменившимися методиками построения курсов и ростом внимания к вовлеченности студентов в процесс усвоения знаний. Для восьмой части опрошенных студентов (13%) наиболее удобным форматом оказалась работа в группах.

Опрос показал, что студенты в целом позитивно оценивают новые образовательные практики, видя в них возможность совмещать несколько

дел одновременно (66%), развивать самостоятельность (28%) и инициативность (3%). В то же время, по мнению студентов, дистанционное обучение не способствует укреплению внутригрупповых связей. С тем, что онлайн-обучение сплачивает группу согласны только 3% опрошенных (рисунок 1).

На фоне высокого уровня удовлетворенности качеством получаемого в онлайн-формате образования (совокупные позитивные оценки – 71%), 17% опрошенных студентов заявляют о своей неудовлетворенности, причинами которой являются проблемы с интернет-соединением, неудовлетворительное качество обратной связи от преподавателей и значительно возросший уровень учебной нагрузки.

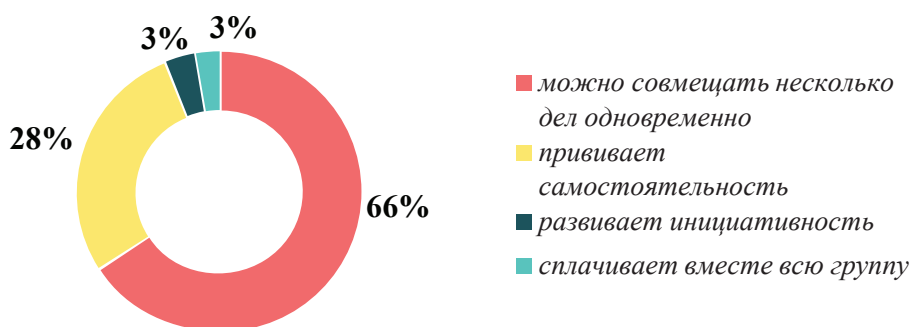
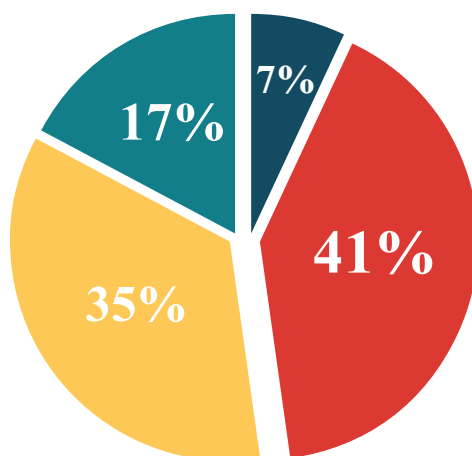

Рисунок 1. Возможности онлайн-образования

Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса

Определенный интерес представляют ответы студентов на вопрос о потенциальных угрозах, проистекающих из перевода образовательного процесса в онлайн режим. Около половины опрошенных студентов (42%) заявляют об угрозе снижения качества знаний, меньше трети опрошенных (21%) – об отсутствии должного контроля за усвоением знаний со стороны преподавателей, для шестой части студентов (6%) угрозой видится излишняя свобода. Очевидное несовпадение общего оценочного тренда с ответами на вопрос об угрозах дает основание предположить, что при необходимости дать оценку, выходящим за пределы личного опыта процессам, студенты ретранслируют установки характерного для публичного информационного пространства общественного дискурса.

На вопрос «Хотели ли бы вы в будущем продолжить учебу в онлайн режиме?» однозначно негативный ответ дал каждый шестой опрошенный студент. Совокупная доля тех, кто, так или иначе, готов к обучению посредством онлайн режима составила 76%. При этом 41% от общего массива желали бы совмещать онлайн и офлайн обучение (рисунок 2).

- думаю, совместил бы онлайн формат и очные занятия, попеременно.
- да, однозначно.
- однозначно нет.
- сейчас затрудняюсь ответить, нужно время подумать, чтобы определиться с ответом

Рисунок 2. Выбор предпочтительного формата обучения в будущем

Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса

Интервью, проведенные с представителями профессорско-преподавательского состава вузов актуализируют ряд рисков, отсутствие внимания к которым будет иметь негативные последствия. В частности, открытым остается вопрос о сохранении качества образования и, соответственно, качества будущего человеческого капитала в стране. Естественные и гуманитарные науки нуждаются в непосредственном интерактиве с применением практики. Онлайн формат ограничивает возможности развития практических навыков у обучающихся, в силу того, что современные технологии пока недостаточно продвинулись для создания «эффекта присутствия». Особую значимость этот фактор приобретает в отношении медицинских специальностей. Таким образом, можно ожидать снижение уровня доверия к специалистам, получившим образование в онлайн формате, что безусловно скажется на уровне их востребованности на рынке труда. В то же время, интервьюируемые отмечали, что транснациональные информационные гиганты, такие как Microsoft, Apple, Google при подборе кадров не ставят в приоритет наличие формального образования. Предпочтение отдается кандидатам, владеющим фактическими навыками: «в первую очередь оценивается то что вы изучали и чему научились, а не каким образом это было достигнуто».

Ряд опрошенных педагогов отметили, что онлайн обучение играет важную роль для реализации концепции «обучения в течение всей жизни». Так,

расширенные возможности, в виде курсов повышения квалификации, языковых курсов, получения дополнительного образования по смежным специальностям и т.п., приобретают и сами педагоги.

В качестве одного из самых значимых для общества вызовов интервьюируемые отметили неспособность онлайн обучения обеспечить реализацию функции социализации молодых людей. Несмотря на то, что онлайн формат стимулирует навыки индивидуальной работы и повышает ответственность студентов, он ограничивает возможности обучающихся в развитии навыков построения эффективных межличностных и групповых коммуникаций. Это обстоятельство также негативным образом повлияет и на процессы формирования профессионально ориентированных сетей.

Среди сильных сторон онлайн формата интервьюируемые отметили расширение возможностей подключения к онлайн занятиям. Присутствие на занятиях может быть обеспечено с любой локации и посредством широкого спектра электронных устройств. Новые технологии позволяют, как укрепить в вузах практику академической мобильности, так и обеспечить транснациональный характер высшего образования. В последнем случае речь идет о расширяющихся перспективах привлечения иностранных студентов и профессоров.

В вопросе о предпочтительном формате процесса обучения подавляющая доля опрошенных представителей профессорско-преподавательского состава высказалась в пользу смешенного (blended) формата обучения. Ключевым аргументом стала предоставляемая blended форматом возможность сочетать живое общение с мультимедийными технологиями.

Заключение

Как и любой кризис, пандемия Covid-19 стимулировала поиск моделей организации процессов, позволяющих повысить антихрупкость системы. Для системы высшего образования такой моделью стал онлайн формат обучения студентов. Сам по себе факт внедрения новых подходов к организации образовательного процесса произвел мультипликативный эффект. Так, можно говорить о наметившемся прогрессе в сфере устранения традиционного разрыва в доступе к качественному высшему образованию для жителей села и города, стремительном росте сектора услуг, специализирующемся на предоставлении доступа к информационно-коммуникативным платформам и цифровым продуктам, значительный импульс к развитию приобрела казахстанская педагогика.

В тоже время следует признать, наличие определенных рисков, связанных с укреплением позиций цифровых коммуникаций в образовательном процессе. Во-первых, переход к онлайн обучению кардинально скажется на парадигме высшего образования. Главным трендом высшего образования станет мультимедийность, что в свою очередь актуализирует вопрос о качестве казахстанских педагогов. Очевидно, что наряду, со ставшим уже традиционным набором исследовательских и педагогических компетенций,

требуемых от ППС вузов, появятся новые, связанные с умением осуществлять свое профессиональное присутствие в мультимедийной среде. На фоне ожидаемой диверсификации участников процесса оказания образовательных услуг, обеспечиваемой за счет прихода в Казахстан иностранных вузов, возрастет не только конкуренция за абитуриентов, но и за ППС.

Во-вторых, открытым остается вопрос о качестве подготовки специалистов, получивших образование в онлайн формате. К настоящему моменту недостаточно данных для оценки ситуации. Однако можно предположить, что одним из решений, способных нивелировать риски может стать наращивание потенциала дуального обучения.

В-третьих, одним из самых значимых рисков является сокращение социализирующей функции образования. Развивая в онлайн формате такие качества как самостоятельность, инициативность и ответственность, студенты лишены возможности полноценно развивать эмоциональный интеллект, коммуницировать друг с другом в неформальной обстановке и развивать навыки невербального общения. Кроме того, отсутствие «кулуарного» общения препятствует формированию устойчивых личностно и профессионально ориентированных сетей. Это обстоятельство позволяет предположить, что длительное пребывание в режиме онлайн-обучения приведет к выведению высшего образования из системы идентификационно значимых факторов.

Выдвинутая в начале исследования гипотеза о негативном отношении казахстанцев к онлайн обучению, не нашла своего полного подтверждения. Результаты социологических исследований показали, что непосредственные участники процесса, в лице студентов и преподавателей видят в онлайн формате как сильные, так и слабые стороны. При этом, студенты и преподаватели формулируют выводы о негативных последствиях в разных плоскостях. Если студенты оценивают онлайн формат через призму комфорта процесса получения образования, то преподаватели демонстрируют большую степень абстрагирования от непосредственно самого процесса обучения и фокусируют внимание на социальных последствиях. В то же время, несмотря на видимые слабые стороны онлайн обучения, большинство респондентов сохраняют оптимизм и заявляют о целесообразности сохранения нового формата обучения при условии его сочетания с оффлайн форматом.

Список литературы

1. Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин: Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. –М.: «АСТ», 2017 – 384 с.;
2. Кейс С. Третья волна интернета. Какими качествами должен обладать предприниматель будущего. –М.: «Эксмо» – 220 с.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция М.: «Эксмо», 2016. -138 с.
4. Вознесенская Е.В. Дистанционное обучение - история развития и современные тенденции в образовательном пространстве // Наука и школа. – 2021. №1. - С.116-119
5. Щенников С. Дистанционное и заочное образование: антагонисты или партнеры // Alma Mater. - 1999. №7. - С. 12-19.

6. Тавгенъ И.А. Социально-экономические предпосылки организации национальной системы дистанционного образования // Современные компьютерные технологии в системах правовой информации. Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 21-22 ноября 2002 г. - Минск, 2002. - С. 112-119
7. Караев Ж., Балафанов Е. Анализ и тенденция развития дистанционного образования // Высшая школа Казахстана. -1998. №6. - С. 140-148.
8. Джусубалиева Д. М. Дистанционное образование. - Алматы, 1997. - 81 с.
9. Дмитриева В.Ф., Прокофьев В.Л., Самойленко И.П. и др. Дистанционное обучение: сущность и проблемы внедрения // Специалист. - 1996. - №11-12. - С. 37-40.
10. Oliveira M., Penedo T., Pereira V. Distance education: advantages and disadvantages of the point of view of education and society // Dialogia. - 2018. № 29. -P.139-152.; Djalilova K.M. Advantages and Disadvantages of Distance Learning // Наука и образование сегодня. - 2020 № 7. - С.70-72.
11. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам расширения академической и управленческой самостоятельности высших учебных заведений» от 4 июля 2018 года № 171-VI ЗПК //https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000171
12. Тоффлер Э. Третья волна. - М.: «АСТ», 2010. -800 с.
13. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. - Екатеринбург: «У-Фактория», 2004. -328 с.
14. Nassim Taleb Says «White Swan» Coronavirus Pandemic Was Preventable. Nassim Taleb Interview for Bloomberg. March 30, 2020 //https://www.bloomberg.com/news/videos/2020-03-30/nassim-taleb-says-white-swan-coronavirus-pandemic-was-preventable-video?sref=kNX4EXaz
15. Bijnens H., Bijnens M., Vanbuel M. Streaming media in the classroom. - Austria : «Education Highway Innovation Centre». - 2004. - 117 p.
16. Kunkel T. Streaming media: Technologies Standards Applications. - Wiley, - 2003. - 236 p.
17. Шарабайко О. Г. Стриминг технологии как средство для создания интерактивных электронных образовательных ресурсов // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». - 2015. № 42. -С. 56-58.;
18. Грибан И.Н., Грибан И.В. Технология стрим-обучения в образовательном процессе: способы и перспективы применения //Педагогическое образование в России. - 2019. №1 –С.38-43
19. Токаев К.К. Уроки «Трагического января»: единство общества – гарантия независимости. Выступление Главы государства К.К. Токаева на заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан. 11 января 2022 г. //https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414

References

1. Brin'olfson Je., Makafi Je. Vtoraja jera mashin: Rabota, progress i procvetanie v jepohu novejsih tehnologij [Machine Age 2: Work, Progress and Prosperity in the Age of Technology]. –М.: «АСТ», 2017. – 384 p.;
2. Kejs S. Tret'ja volna interneta. Kakimi kachestvami dolzhen obladat' predprinimatel' budushhego [The Third Wave of the Internet. What qualities should an entrepreneur of the future have?]. –М.: «Jeksmo» – 220 p.
3. Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revolyucija [Fourth industrial revolution] М.: «Jeksmo», 2016. -138 p.
4. Voznesenskaja E.V. Distancionnoe obuchenie - istorija razvitiya i sovremennye tendencii v obrazovatel'nom prostranstve [Distance learning - the history of development and current trends in the educational space] Nauka i shkola. – 2021. no1. - P.116-119
5. Shhennikov S. Distancionnoe i zaochnoe obrazovanie: antagonisty ili partnery [Distance and correspondence education: antagonists or partners] Alma Mater. - 1999. no7. - P. 12-19.
6. Tavgen' I.A. Social'no-jekonomicheskie predposylki organizacii nacional'noj sistemy distancionnogo obrazovaniya [Socio-economic prerequisites for the organization of

the national system of distance education] Sovremennyye komp'yuternyye tehnologii v sistemah pravovoy informacii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Minsk, 21-22 nojabrja 2002 - Minsk, 2002. - P. 112-119

7. Karaev Zh., Balafanov E. Analiz i tendencija razvitija distancionnogo obrazovanija [Analysis and development trend of distance education // Higher School of Kazakhstan] Vysshaja shkola Kazahstana. -1998. no 6. - P. 140-148.
8. Dzhusubalieva D. M. Distancionnoe obrazovanie [Distance education] -Almaty, 1997. - 81 p.
9. Dmitrieva V.F., Prokof'ev V.L., Samojlenko I.P. i dr. Distancionnoe obuchenie sushhnost' i problemy vnedrenija [Distance learning essence and implementation problems] Specialist. - 1996. - no 11-12. - P. 37-40.
10. Oliveira M., Penedo T., Pereira V. Distance education: advantages and disadvantages of the point of view of education and society // Dialogia. - 2018. № 29. —P.139-152.; Djalilova K.M. Advantages And Disadvantages of Distance Learning // Nauka i obrazovanie segodnja. - 2020 no 7. - P.70-72.
11. Zakon Respubliki Kazahstan O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam rasshirenija akademicheskoy i upravlencheskoj samostojatel'nosti vysshih uchebnyh zavedenij ot 4 ijulja 2018 goda № 171-VI ZRK //https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000171
12. Toffler Je. Tret'ja volna [Third wave]. - M.: «AST», 2010. - 800 p.
13. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internet, biznese i obshchestve [Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. - Ekaterinburg: «U-Faktorija», 2004. -328 p.
14. Nassim Taleb Says «White Swan» Coronavirus Pandemic Was Preventable. Nassim Taleb Interview for Bloomberg. March 30, 2020 //https://www.bloomberg.com/news/videos/2020-03-30/nassim-taleb-says-white-swan-coronavirus-pandemic-was-preventable-video?sref=kNX4EXaz
15. Bijmens H., Bijmens M., Vanbuel M. Streaming media in the classroom. - Austria: «Education Highway Innovation Centre». - 2004. - 117 p.
16. Kunkel T. Streaming media: Technologies Standards Applications. - Wiley, - 2003. - 236 p.
17. Sharabajko O. G. Striming tehnologii kak sredstvo dlja sozdaniya interaktivnyh jelektronnyh obrazovatel'nyh resursov [Streaming technology as a means for creating interactive electronic educational resources] Sborniki konferencij NIC «Sociosfera». - 2015. no 42. - P. 56-58.;
18. Griban I.N., Griban I.V. Tehnologija strim-obuchenija v obrazovatel'nom processe: sposoby i perspektivy primenenija [Stream learning technology in the educational process: methods and prospects for application]//Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. - 2019. no 1 —P.38-43
19. Tokaev K.K. Uroki «Tragicheskogo janvarja»: edinstvo obshhestva – garantija nezavisimosti. Vystuplenie Glavy gosudarstva K.K. Tokaeva na zasedanii Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazahstan. 11 janvarja 2022 g. [The lessons of «Tragic January»: the unity of society is a guarantee of independence. Speech by the Head of State K.K. Tokayev at a meeting of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan 11 of January 2022] //https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-zasedanii-mazhilisa-parlamenta-respubliki-kazahstan-1104414

МРНТИ:
06.39.02

КАК ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ВЛИЯЕТ НА БЛАГОПОЛУЧИЕ: МОДЕРАТИВНО- МЕДИАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

Шынгыс Нургазы^{1*}, Аружан Сейтказиева²,
Жанета Симанавичене³, Динара Рахматуллаева⁴

¹докторант, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

²доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

³доктор экономических наук, профессор, Университет Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва

⁴PhD, Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан,
e-mail*: shynggys.nurgazy@narxoz.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-1.07>

Аннотация. В этой статье мы подчеркиваем важность входных и процессно-ориентированных подходов, исследуя медиаторскую роль поведенческих намерений во взаимосвязи между продовольственной безопасностью и благополучием, а также модераторскую роль знаний о здоровом питании и коллективизма.

Авторы использовали количественный метод анализа. Для измерения продовольственной безопасности использовался модуль USDA состоящий из 6-пунктов. Для оценки благополучия студентов использовался пятифакторный индекс, рекомендованный Всемирной организацией здравоохранения. Для измерения коллективизма использовался 14-элементный COS-модуль. В то время как знания о здоровом питании измерялись методом Флинна и Голдсмита, а поведенческое намерение – методом Цайтхамла.

Авторы обнаружили факторы, которые могут повлиять на продовольственную безопасность, а затем провели количественный опрос среди 7 крупных университетов города Алматы.

Было обнаружено, что продовольственная безопасность положительно влияет на благополучие и поведенческие установки, их значимость высока. Также коллективизм положительно влияет на их отношения с высокой значимостью.

***Ключевые слова:** продовольственная безопасность, благополучие, поведенческое намерение, знания о здоровом питании, коллективизм.*

АЗЫҚ-ТҮЛІК ҚАУІПСІЗДІГІ ӘЛ-АУҚАТҚА ҚАЛАЙ ӘСЕР ЕТЕДІ: МОДЕРАЦИЯЛАНҒАН МЕДИАЦИЯЛЫҚ МОДЕЛЬ

**Шыңғыс Нұрғазы^{1*}, Аружан Сейітқазиева², Жанета Симанавичене³,
Динара Рахматұллаева⁴**

¹PhD докторант, Нархоз Университеті, Алматы; ²Экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті, Алматы; ³Экономика ғылымдарының докторы, профессор, Миколас Ромерис Университеті, Вильнюс; ⁴PhD, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы

*e-mail: shynggys.nurgazy@narхоз.kz

Аңдатпа. Бұл жұмыста біз азық-түлік қауіпсіздігі мен әл-ауқат арасындағы байланыстың мінез-құлық ниеттерінің медиаторлық рөлін және салауатты тамақтану туралы білім мен ұжымшылдықтың модераторлық рөлін зерттей отырып, осы процеске негізделген тәсілдердің маңыздылығын атап өтеміз.

Авторлар сандық зерттеу әдісін қолданды. Азық-түлік қауіпсіздігін өлшеу үшін USDA 6-тармақтан тұратын модулі қолданылды. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы ұсынған студенттердің әл-ауқатын өлшеу үшін бес факторлық индекс қаралды. Ұжымшылдықты өлшеу үшін 14 элементтен тұратын COS модулі қолданылды. Салауатты тамақ туралы білімді Флинн мен Голдсмит әдісі және мінез-құлық ниеті Цейтамл әдісі арқылы өлшенді.

Авторлар әл-ауқатқа әсер етуі мүмкін факторларды тауып, содан кейін Алматы қаласының 7 ірі университеттерінде сандық сауалнама жүргізді.

Әл-ауқатқа азық-түлік қауіпсіздігі оң әсер ететіндігі және олардың маңызы жоғары екендігі анықталды. Сондай-ақ, ұжымшылдық олардың ара-қатынасына оң әсер ететіні анықталды.

Түйінді сөздер: азық-түлік қауіпсіздігі, әл-ауқат, салауатты тамақтану туралы білім, мінез-құлық ниеті, ұжымшылдық.

HOW FOOD SECURITY INFLUENCE WELL-BEING: A MODERATED MEDIATION MODEL

**Nurgazy Shynggys^{1*}, Seitkazyeva Aruzhan², Simanaviciene Z Janet³,
Rakhmatullayeva Dinara⁴**

¹PhD student, Narхоз University, Almaty; ²Doctor of Economic Sciences, Professor, Narхоз University, Almaty; ³Doctor of Economic Sciences, Professor,

Mykolas Romeris University, Vilnius; ⁴ PhD, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty

*e-mail: shyngys.nurgazy@narxoz.kz

Abstract. In this paper we stress the importance of input and process based approaches by examining the mediating role of behavioral intention on the relationship between Food security and Well-Being, and moderating role of healthy food knowledge and collectivism.

Authors used quantitative method. The USDA 6-item food security module survey was used to measure food insecurity. The World Health Organization Five Factor Well-Being Index used to measure well-being of the students. To measure collectivism Communal Orientation Scale (COS) with 14-items were used. While Healthy food knowledge were measured by Flynn and Goldsmith 7 likert method and Behavioral Intention measured by Zeithaml method.

Authors found factors which may affect well-being and then made a quantitative survey among 7 major universities in Almaty city.

It was found that food security positively effect on well-being and behavioral intention, their significance is high. Also, collectivism positively impact on their relation with high significance.

Keywords: *Food security, well-being, healthy food knowledge, behavioral intention, collectivism.*

Introduction

Latest data illustrates that one in nine people (which is more than 820 people) around the world are hungry in 2018 [1]. To decrease this number many initiatives are supported in creating food security conceptualization. Food security exists when all four pillars, which are availability, accessibility, utilization and stability of food, is respected [2]. If one of these components are missed, then it may lead to negative impact on human development and a population's health.

The most undernourishment districts are Africa and Asia. Latest data shows the affirmative trends in reducing the prevalence of undernutrition, nevertheless these numbers are too big [2]. Moreover, according to USDA, Kazakhstan took 96th place out of 104 countries in food expenditure ranking with 44,9 percent [3]. The most food insecure countries like Cambodia, Ghana, Guatemala are on higher position than Kazakhstan. It should be mentioned that, if country is developed and rich, then they spend less on food expenditure. For example, USA spend 6,4 percent, UK – 8,1 percent, etc. Internal data shows that on 3rd quartile 2019 Kazakhstan's household spending was 569,6 thousand tenge (\$1300) on average, while 284,3 thousand tenge (\$660) from them was spend on food expenditure which is 49,9 percent [3]. In the second quarter of 2020, household cash expenditures increased to 4.2%. Average amount of money for each family for food expenditure now equal to 301.1 thousand tenge (\$715) which is 53.2% of their spends [3]. Most of these money were spend

on meat (35,4 percent), bakery products (14,2 percent), dairy (9,9 percent), fruit (8,5 percent), sugar, confectionery and sweets (7,5 percent) [3]. However, it should be mentioned that the average per-capita consumption of vegetables dropped down from 85 kilograms in 2000 to 19.1 kilograms in 2017 [3].

Also, it should be said that price of these products increases yearly. Thus, living wage in Kazakhstan equal to 32 668 tenge (\$75) [4]. Living wage is the sum which will be spend for first need products. Nevertheless, college students scholarship is equal to 20 948 tenge (\$48) which is lower than living wage [5]. Moreover, lifestyle and eating habits are the main factors which affects on the gastritis appearance. 10% of all death in the first quarter of 2020 related to digestive diseases and 7.7% from poisoning. Moreover, childhood obesity in our country equal to 19.1% and 55.6% of adults are overweight and 23.7% of them are obese [6]. According to WHO, excess weight lead to early death, nearly three million people die every year because of that [6]. College and university students play important role in this research, because they meet transition effect when they move from their region to big city like Almaty.

Nearly half a million (496 209) student studies in Kazakhstan and 41% (202 901) of them are come from different cities or regions. Moreover, 131 292 of students study in Almaty [7]. As it was written in independent news portal azattyq, all universities in Almaty city do not have enough places in their dormitories for students [8].

Students in Almaty usually from other parts of the country, and less of them have an opportunity to live in dormitories. Moreover, it should be mentioned that living cost in Almaty is higher than in other regions of Kazakhstan and it growth yearly. For example, in 2016 rental cost for dormitory increased 3 times than in 2015 [7]. That is why it is difficult for students to live in the big city and get access to save and nutritious food, even if they have scholarship.

Young people face the problem of choosing nutrition food during this transition effect. That is why, healthy food knowledge is the most valuable factor which may affect to their choice and eating habits.

Literature Review

Food security

Food security was defined as “-all people, at all times, have physical and economic access to sufficient, safe and nutritious food to meet their dietary needs and food preferences for an active and healthy life” [9]. It has four main pillars like availability, access, utilization and stability [10].

Availability means physical existence of sufficient, quality and various food. It is a mixture of local food production, commercial food imports and exports, food aid and domestic stocks on a national level [10].

Accessibility exist when all households have financial resources to obtain food for their dietary needs. It is also happened when there is bad infrastructure, limited access to the railways and roads [10].

Utilization relates to the person ability to take diversity foods and be able to convert it [10].

Stability means food security condition over time. This can be affected by natural disaster, political conflicts, price volatility and etc. [10].

Several studies show that from 14 to 72 percent of college and university students are food insecure. Food insecurity lead to physical and mental health problems like poor self-reported health, poor diet quality, obesity, diabetes, depression, anxiety and gastritis. Also, food insecure students face depressive symptoms and low academic performance. Additionally, more than 17% of deaths in Kazakhstan in 2020 first quarter were from poisoning and digestive diseases [11].

Food insecurity scale of students was documented in 2008 (the Great Recession), then they supposed that students expenditure to education, books, transportation, poor financial aid affects on their basic needs like housing and food. Moreover, nobody denies that tuition fee increases yearly in our country. Additionally, other thing which is related to study process like notebooks, house renting, communal expenditures are significant issue for students [11]. In coping with food insecurity university students use strategies like not buying course related things, changing their eating habits, overworking, etc. Finally, one research shows that do not having financial knowledge skills lead to being food insecure among university students.

Previous studies illustrates that there is an inverse relation among food insecurity and quality of diet, academic performance and mental/physical health. They reported that food insecure students are the students who have poor eating habits, limited access to eat fruits, vegetables, grains, also, they have bad health and low academic performance [11]. That is why it is important to solve a problem of being food insecure, because it may affect on students physical/mental health and their academic performance.

According to Bruening, string relation between well-being and food insecurity exist among general population [12]. Moreover, it was proven that inadequate sleep are common in food insecure adults. On this paper, author see narrowly and consider students. Because, students suffer more than others in transition period from school to university when they face independence in choosing healthy food by the first time.

H1: Food security positively affect to well-being

H2: Food security positively affect to behavioral intention

Behavioral intention

Theory of Planned Behavior (TPB) is social psychology which consist three major parts such as attitude toward behavior, perceived behavior control and subjective norms. All of them the part of behavior intention, however we consider only attitude toward behavior, because its in our framework and answer to our requests like “is it good or bad?”. It shows outcomes which relate to person preferences to choose or recommend service or product to others. In our context, it was reported that knowledge may affect to behavioral intention. However, how it may affect to well-being?

H3: Behavioral intention positively affect to well-being

Healthy food knowledge

According to Knowledge-creating theory, subjective components should be used to make an research rather than objective. It means that person is an object who can achieve knowledge which are independent. Earliest research illustrates that varied factors can affect to students' food choices. Especially knowledge was known as a crucial factor which may directly affect to eating habits. Previous studies confirmed the importance of customer knowledge in choosing. Young people who see and read food attitudes are inclined to choose better nutritional food. Because of this, healthy food knowledge can be one of the most important factors which may influence to students choice and eating habits. Previous works considered the direct effects of this factor, but authors of this study consider moderating effect [13].

H4: Healthy food knowledge positively moderate the relationship between food security and behavioral intention

Collectivism

We explain the interaction among collectivism and food insecurity/well-being by the lens of cultural mindset theory. This theory says that situational and dynamic modes of cognition activates when chronic orientation is made salient. Collectivism turn on a mindset that depend on holistic thinking which is lead to upper perceptions of interconnectedness between yourself and other people. Collectivism shows the level of how person see himself/herself in their social groups. Additionally, they relate themselves to others as part of group. Also, there exist opposite side of it, and some persons make less attention on their surrounding [14].

Latest studies which is considering interaction between food insecurity and well-being considered how homelessness and academic performance affects on them. However, these significant can be differ because they did not check well-being and food security for validity and reliability, and we analysis this effect by including collectivism as moderating variable. That is why author fill this gap in literature, moreover consider how collectivism affect on interaction between food security and well-being.

H5: Collectivism positively moderate relation between food security and well-being

Research methods

Quantitative method of analysis were used on this study. Firstly, authors create a questionnaire by systematic literature review, then start to collecting data via survey. After that they interpret descriptive statistics, finally, wrote about quantitative method and shows results.

Quantitative analysis

Totally 170 students of seven major universities of the city were selected for the survey by snowball sampling in Almaty. First of all, Almaty is main research

hub in Kazakhstan. Almaty is the biggest city in Kazakhstan and as it was written before one-fourth of all students in Kazakhstan studies in this city. Moreover, most of them suffer from living cost that is why significant of collectivism could be high [8].

Because of COVID-19 and quarantine regime in Almaty city data were collected by mail and WhatsApp. Questionnaires relating to their demographic status, food security, behavioral intention, healthy food knowledge, well-being and collectivism were translated into Kazakh and Russian languages and sent to their mails, some of them decided to fill the survey via WhatsApp. All students completion were voluntary and they were informed of confidentiality.

More than 170 questionnaires were sent to students and 170 of questionnaires returned, 14 of them were excluded because of data incompleteness and missing data. A total sum of participants is 156, 59 of them males, 97 of them females. Mean age of the participants is 19,32 (SD=1,511) with a range of 18-22 years old. 19 of them are on 4th course, another 27 students from third course, most of them on the 2nd course (69), and 41 of them on 1st course. Most of them has a scholarship. 88% percent of them not a citizens of Almaty, 52% of them rent a flat, others live in dorm or with parents.

Measure

Healthy food knowledge was measured by the questions developed by Flynn and Goldsmith (1999) [15]. It consists four questions with 7 Likert scale from strongly disagree to strongly agree.

According to Zeithaml et al. (1996), behavioral intention can be measured by 13-item which is divided to four categories such as complaining behavior, price sensitivity, purchase intentions and word-of-mouth communications [16].

Food security were measured by 6-item short form of US Household Food Security Survey module which include six questions relating to ability to allow balanced meal, having financial opportunity to buy food, cutting meal size or eating less, being hungry because of lack of money. 0-1 answer would be negative means food secure, 2-4 negative answers means low food secure, 5-6 means very low food security [17].

Survey question to measure well-being were taken by The World Health Organization Five Factor Well-Being Index which consist 5 questions and 6 likert type variants from “at no time” to “all the time”. Each variant have score from 1 to 6, the higher the score, the higher well-being of student. These questions help to find how often they faced good mood, calm etc. in last 14 days [6].

Collectivism is measuring by Communal Orientation Scale (COS) which is 14-item 7-point Likert scale, these items were rated like 1-extremely uncharacteristic of me to 7-extremely characteristic of me. It includes questions like “It bother me when other people neglect my needs; When making a decision, I take other people’s needs and feelings into account and etc.” [18].

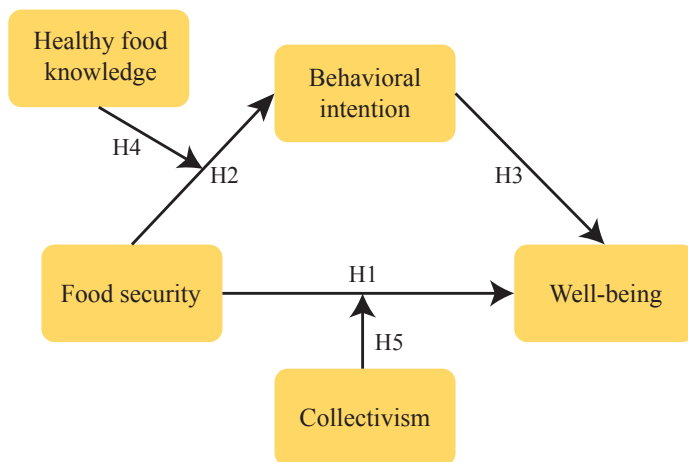

Figure 1. Research model

Note: compiled by authors based on results of the research

For the statistical analysis author used Excel for data preparation (then converted it to csv) and SmartPLS (Partial Least Squares) were used for data analysis to check significant, validity and reliability. Mean values were used to report students demographic status, food security status, healthy food knowledge, behavior intention, well-being and collectivism. Then research model were developed to estimate the relationship among them (Fig. 1). The dependent variable was well-being, the independent variable is food security and behavior intention. Collectivism and healthy food knowledge are moderating variables.

Research results and discussion

Quantitative analysis results

First of all, author run the model with all data. Then dropped question which is not representatively measure our variables. Question coefficient which is less than 0,6 were excluded. 4 out of 5 question may represent Well-Being and 2 out of 6 question can illustrate food security, also, 7 out of 14 questions can measure behavior intention, while 2 out of 4 may represent healthy food knowledge and only 3 out of 14 question may used to measure collectivism (fig. 2).

To check the measurement of reliability, Cronbach's Alpha coefficient was calculated for each variable. The range of all variables are between 0,706 and 0,903, all constructs are higher than the minimum threshold of 0,7. (table 1).

Table 1. Main coefficients of the construct

	Cronbach's Alpha	rho_A	Composite Reliability	Average Variance Extracted (AVE)
Behavioral Intention (BI)	0.903	0.925	0.926	0.677

	Cronbach's Alpha	rho_A	Composite Reliability	Average Variance Extracted (AVE)
Collectivism (CLTVSM)	0.706	0.703	0.834	0.627
Food Security (FS)	0.723	1.065	0.863	0.761
Healthy Food Knowledge (HFK)	0.822	0.832	0.918	0.848
Well-Being (WB)	0.744	0.783	0.831	0.555

Note: compiled by authors based on results of the research

Nevertheless, all indicator's average variance extracted (AVE) are above the threshold which equal to 0,5 to establish convergent validity (table 3). Moreover, to be sure, discriminant validity of the AVE under square should be more than correlation of the variables what was proved.

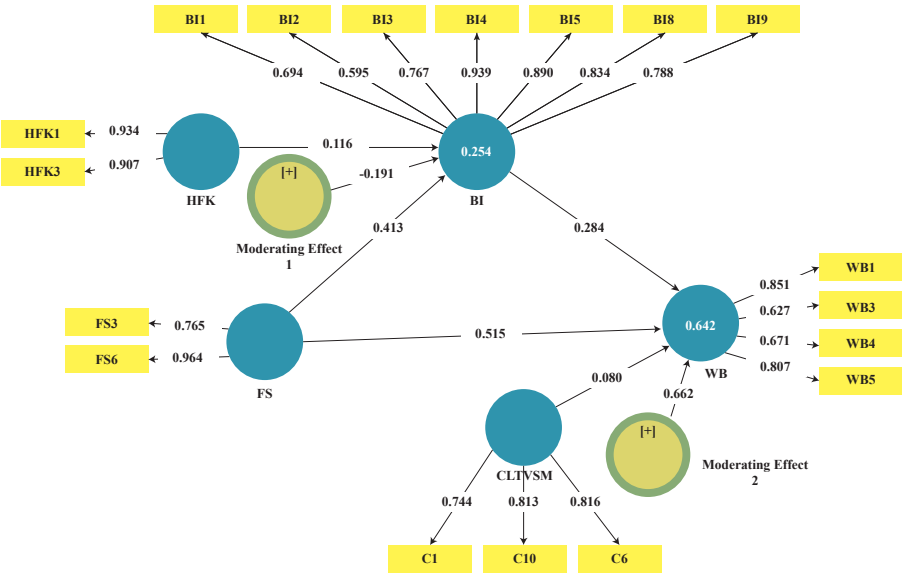

Figure 2. Path analysis of the model

Note: compiled by authors based on results of the research

Finally, after checking validity, author started testing hypothesis. Bootstrapping calculation used with 5000 subsamples to see significance. The results shows that Food security has a significant impact on Behavior intention and Well-being. For the hypothesis 1 and 2: path coefficients are 0,413 and 0,515 respectively; t-statistics are 5,379 and 2,732 for each. Moreover, p-value is equal to 0,000 for both hypothesis 1 and 2. The third hypothesis was rejected because the p-value is too high and equal to 0,250. The same results were given to the fourth hypothesis which was also rejected with a high p-value. However, the last hypothesis outcomes reports

that Collectivism has positive effect on Well-being (Hypothesis 5: path coefficient is 0,662, t-statistics is 3,849 and p-value is equal to 0,000). Three hypothesis out of five are fully supported (Table 2).

Table 2. Significance level report

	Original Sample	Sample Mean	Standard Deviation	T Statistics	P Values
BI -> WB	0.152	0.158	0.132	1.151	0.250
CLTVSM -> WB	-0.461	-0.453	0.120	3.849	0.000
FS -> BI	0.468	0.473	0.087	5.379	0.000
FS -> WB	0.300	0.299	0.110	2.732	0.000
HFK -> BI	0.151	0.159	0.128	1.176	0.240
Note: compiled by authors based on results of the research					

Conclusion

In conclusion, three hypothesis were supported by outcomes. Authors findings shows evidence of how collectivism positively impact on well-being and food security relation among students in Almaty city. Also, it was found how Food security can affect both well-being and behavior intention.

Based on the findings of the research, the following recommendations should be considered. For the future research it is recommended to increase the scope of the research by including additional city like Nur-Sultan. Additionally, gender diversity should be taken into account in the future. Finally, p-value coefficient were high for two relations, which have to be considered in the future research by making qualitative in-depth interview to find the answer and probably new factor may appeared through this interviews.

References

1. FAO. (2019). SOFI 2019. <http://www.fao.org/state-of-food-security-nutrition>
2. FAO. (2006b). Undernourishment around the world Counting the hungry : trends in the developing world. The State of Food Insecurity in the World, 8–27.
3. ranking.kz. (2020). Рейтинг стран по расходам на еду: Казахстан занял 96-е место из 104, расположившись между Угандой и Камеруном. Опережают нас в этом рейтинге не только развитые страны, но и, например, Гондурас, Камбоджа и Гана. <http://ranking.kz/ru/a/inforovody/rejting-stran-po-rashodam-na-edu-kazakhstan-zanyal-96-e-mesto-iz-104-raspolozhivshis-mezhdu-ugandoy-i-kamerunom-operezhayut-nas-v-etom-rejtinge-ne-tolko-razvitye-strany-no-i-naprimer-gonduras-kambodza-i-gana>
4. zakon.kz. (2020). МЗП, МРП, прожиточный минимум 2020 года (архив 1995 - 2020 годов) - ПАРАГРАФ-WWW. https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1026672#pos=2;-70
5. rbs.kz. (2020). Стипендия в Казахстане в 2020 году: минимальная, повышенная, президентская. <https://rbs.kz/stipendiya-v-kazhastane-razmer-i-vidy/>
6. WHO-5. (1998). WHO REGIONAL OFFICE FOR EUROPE WELLBEING MEASURES IN PRIMARY HEALTH CARE/ THE DEPCARE PROJECT Report on a WHO Meeting TARGET 12 REDUCING MENTAL DISORDERS AND SUICIDE.
7. zakon.kz. (2018). Как обеспечить 75 тысяч студентов общежитиями до 2022 года - эксперт. <https://www.zakon.kz/4924683-kak-obespechit-75-tysyach-studentov.html>

8. azattyq.org. (2019). Студентов стало больше, мест в общежитиях не хватает. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-almaty-student-residence/30141739.html>
9. FAO. (1996). Chapter 2. Food security: concepts and measurement[21]. <http://www.fao.org/3/y4671e/y4671e06.htm>
10. FAO. (2014). The State of Food Insecurity in the World Strengthening the enabling environment for food security and nutrition.
11. Dubick, J., Mathews, B., & Cady, C. (2016). Hunger on Campus The Challenge of Food Insecurity for College Students.
12. Bruening, M., Brennhofner, S., van Woerden, I., Todd, M., & Laska, M. (2016). Factors Related to the High Rates of Food Insecurity among Diverse, Urban College Freshmen. *Journal of the Academy of Nutrition and Dietetics*, 116(9), 1450–1457. <https://doi.org/10.1016/j.jand.2016.04.004>
13. Gundersen, C., & Ziliak, J. P. (2015). Food insecurity and health outcomes. *Health Affairs*, 34(11), 1830–1839. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2015.0645>
14. Oyserman, D., & Lee, S. W. S. (2008). Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism. *Psychological Bulletin*, 134(2), 311–342. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.311>
15. Flynn, L.R., Goldsmith, R.E., 1999. A short, reliable measure of subjective knowledge. *Journal of Business Research* 46, 57–66.
16. Zeithaml, V. A., Berry, L. L. and Parasuraman, A. (1996), “The Behavioral Consequences of Service Quality”, *Journal of Marketing*, Vol. 60, pp. 31–46.
17. U.S. Department of Agriculture, Food and Nutrition Service. 2013a. Supplemental Nutrition Assistance Program Participation and Costs. At <http://www.fns.usda.gov/pd/SNAPsummary.htm> accessed September 10th
18. Clark, M. S., Ouellette, R., Powell, M. C., & Milberg, S. (1987). Recipient's mood, relationship type, and helping. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53, 94–103.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА 2022 Г. ЧАСТЬ I

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте
РК, доктор политических наук, профессор

Конец 2021 года ознаменовался серией юбилейных изданий, приуроченных к 30-летию распада СССР и независимости Казахстана. Это работы Ф.Старра и С.Корнелла, а также ряд коллективных изданий, увидевших свет в Москве и планируемых быть изданными в различных столицах на базе юбилейных конференций, организованных и проведенных посольствами РК за рубежом. В данных мероприятиях активно участвовали зарубежные исследователи и специалисты по Центральной Азии и Казахстану.

Трагические события в январе 2022 г. в Алма-Ате и других регионах Казахстана показали, что наша республика по-прежнему находится в зоне соперничества крупных геополитических актеров и конфронтации между Россией и т.н. коллективным Западом. Вокруг событий в Казахстане и их трактовки разгорается острое идеологическое противостояние.

В ходе наших предыдущих обзоров мы неоднократно упоминали книгу «Поколение Назарбаева» (под ред. М.Ларюэль). Основная идея этой коллективной монографии состояла в том, что в эпоху Президента Н. Назарбаева в стране выросло новое поколение креативных, образованных и талантливых молодых людей, освоивших передовое западное образование и новейшие информационные технологии. Однако январские события продемонстрировали, что есть и другое «поколение Назарбаева», состоящее из маргинальных, малограмотных, религиозных, зачастую обездоленных и озлобленных людей.

Starr S. Frederick, Cornell Svante E. Strong and Unique: Three Decades of U.S.-Kazakhstan Partnership. Prefaces by Amb. Erzhan Kazykhan and Richard Hoagland. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2021. – 226 p.

«Прочные и уникальные: три десятилетия американо-казахстанских отношений» – так назвал свое новое издание тандем из бывшего и действующего директоров Института Центральной Азии и Кавказа

при Ун-те Дж.Хопкинса проф. Фредерика Старра и Сванте Корнелла. Первая глава монографии «Драматическое начало» посвящена, как и следовало ожидать, судьбе ядерного арсенала на территории РК после распада СССР и реализации Договора СНВ.

В начале главы авторы делают экскурс в историю советского Казахстана, отметив при этом, что еще в 1986 г. англоязычная публика имела возможность познакомиться с казахской историей благодаря книге Мар-ты Олкотт «Казахи» (в первом издании).

Естественно, не остались незамеченными среди советологов события декабря 1986 г. в Алма-Ате. В главу включен также сюжет по энергетической дипломатии (имеется в виду разработка каспийской нефти с привлечением западных и американских концернов). При решении ядерной проблемы основную роль сыграли президент Дж.Буш и госсекретарь Дж.Бейкер, которые оба встречались с Н.Назарбаевым до и после обретения независимости. В дальнейшем продолжать эту политику выпало администрации У.Клинтон и А.Гора. Договоренности по СНВ-1 и разработке тенгизской нефти стали, по выражению авторов «солидной основой» для дальнейшего развития двусторонних отношений. К моменту становления Казахстана на политической карте мира как суверенного и независимого государства «казахи и американцы уже не были чужими друг другу».

Вторая глава «Ускорение взаимодействия» охватывает период 1990-х гг. вплоть до драматических событий 11 сентября 2001 года. В этой главе политика США в отношении РК рассматривается в контексте всей американской стратегии в Центральной Азии. При Клинтоне она приобретает все более антироссийский характер, чтобы не допустить реинтеграции региона и всего постсоветского пространства. На концептуальном уровне это выразилось в борьбе эвфемизмов – американского «новые независимые государства» против российского «ближнего зарубежья». Составной частью стратегии стало вовлечение республик региона в программу НАТО «Партнерство во имя мира». Авторы отмечают, что стратегия подверглась критике со стороны З.Бжезинского. В данный период происходит рост международного авторитета Казахстана, который участвует в работе Шанхайской пятерки, инициирует создание Евразийского Союза, выступает за усиление интеграции в ЦА, инициирует созыв СВМДА и приходит к необходимости проведения сбалансированной «многовекторной» внешней политики. По их мнению, именно в этот период складывается прочный и долгосрочный тандем Н.Назарбаева и К.Токаева – его будущего преемника.

В результате своей нефтегазовой политики Казахстан оказался вовлечен в геополитические игры вокруг строительства

трубопровода (БТД) и создания коридора Восток-Запад (в обход России). Но ядром стратегии США стала активная поддержка внутривнутриполитических реформ в РК в целях демократизации политической системы, что заложило мину под двусторонние отношения на будущее. Не спасла положение «Хартия о стратегическом партнерстве», подписанная вице-президентом А.Гором. Ситуацию выправил визит Х.Клинтон к Н.Назарбаеву в 1997 г. Однако после прихода к власти республиканской администрации Дж.Буша и взятие ею на вооружение доктрины открытой поддержки цветных революций (в духе борьбы за свободу) произошло, по выражению авторов, «завершение эры» в казахстанско-американских отношениях.

В третьей главе «Изменение приоритетов» рассматривается период с 2003 по 2012 гг., когда происходит сближение РК с США и НАТО в связи с антитеррористической кампанией в Афганистане и в тоже время нарастание противоречий в сфере подталкивания Вашингтоном т.н. «демократических реформ». На этом этапе ключевым элементом стратегии Астаны в сфере безопасности стало участие в ШОС. В 2003-2008 гг. происходит падение уровня отношений между двумя государствами и усиление позиций Китая в регионе при активизации политики ЕС. Доктрина администрации Б.Обамы «Новый шелковый путь» не принесла ожидаемого эффекта. Казахстан твердо встал на путь создания Евразийского Союза.

Следующая глава «В поисках новых возможностей» посвящена противоречивой и непоследовательной политике администрации Б.Обамы, в том числе в связи с ростом угрозы Казахстану со стороны радикального исламизма. По мнению авторов, определяющим фактором для казахстанско-американских отношений стал финансово-экономический кризис 2008 г. Небольшим прорывом в отношениях стала антиядерная политика Б.Обамы, которую активно поддержал Н.Назарбаев. Но Вашингтон скептически отнесся к важному для Астаны проведению саммита ОБСЕ в 2010 г., хотя и направил для участия в совещании госсекретаря Х.Клинтон. Стороны не нашли полного понимания в отношении событий 2014 г. на Украине и в Сирии в 2015 г. В этот

период основной задачей казахстанской политики стала минимизация для себя ущерба от ухудшения отношений своих великих соседей РФ и КНР с Западом. Но приоритетом для Вашингтона оставалась политика в области прав человека, что постоянно омрачало отношения с Астаной. На завершающем этапе администрация Б.Обамы совершает переход в своей афганской политике с участием стран ЦА от Нового Шелкового пути к формату C5+1. Астана с энтузиазмом подержала данную идею.

Пятая глава, охватывающая заключительный этап двусторонних отношений с 2015 по 2021 гг., отражает новые подходы и фундаментальный пересмотр сторонами своих отношений. Во многом это стало возможным геополитическим сдвигам глобального масштаба. К ним авторы относят последствия мирового кризиса 2008-2010 гг., развертывание китайского и российского проектов интеграции Евразии, ускоряющийся уход из Афганистана сил антиталибской коалиции, возобновление кооперации в Центральной Азии с приходом к власти нового лидера в Ташкенте. На этом этапе произошло знаменательное событие – уход с поста президента Н.Назарбаева. Авторы уверены, что приход к власти К.Токаева резко ускорил процесс демократизации в республике. Администрация Д.Трампа в 2020 г. разработала собственную стратегию в ЦА. Как утверждают авторы, главным препятствием для углубления сотрудничества с США является растущая зависимость РК от России и Китая. На тактическом уровне сказалось различие подходов во внешней политике: США делали ставку на принцип *ad hoc* (скоротечных коалиций по случаю), то Казахстан, следуя своей доктрине балансирования, нуждался в долгосрочных стратегических отношениях. В 2018 году состоялась последняя встреча президента Н.Назарбаева с действующим тогда президентом США Д.Трампом.

Заключение монографии посвящено в основном историко-географическим различиям между США и Казахстаном. В тоже время подчеркивается, что обе стороны старались избежать зависимости от ядерной и углеводородной составляющих. Американская сторона сделала ставку на новое поколение, свободное по ее мнению, от советского мировоззрения. Но традици-

онная элита РК старалась и в новых условиях сохранять баланс в своих отношениях с РФ, КНР и США. Авторы подчеркивают, что отношения между США и Казахстаном выходили за рамки т.н. *Realpolitik*. И в этом, как отмечают авторы, лежит заслуга первого президента Н.Назарбаева. Авторы заключают, что Казахстан остается главным действующим фактором в новой ситуации, сложившейся после ухода США из Афганистана. В целом, американская сторона делает ставку на новое поколение, воспитанное на новых стандартах и образовательных схемах.

Таким образом, данная монография не только освещает отношения Казахстана с США, но и проливает свет на многие аспекты внешней политики РК за прошедшие тридцать лет. То есть, данное издание является вкладом в историографию Казахстана новейшего времени, т.к. оно выходит далеко за рамки поставленной проблемы, а затрагивает практически все аспекты внешней политики Казахстана за прошедшие 30 лет.

Cornell Svante E., Starr S. Frederick, Barro Albert. Political and Economic Reforms in Kazakhstan under President Tokayev. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2021. – 103 p.

Этот коллектив в составе проф. Ф.Старра и С.Корнелла (плюс А.Барро) также подготовил работу «Политические и экономические реформы при Президенте Токаеве», посвященную начавшейся более двух лет эпохе правления второго президента РК, преемника Елбасы Н.Назарбаева. Авторы делают весь материал на четыре блока. К экономическому они относят следующую проблематику: зависимость от природных ресурсов и вытекающая из этого необходимость модернизации экономики; старт экономических реформ в посланиях президента 2020 и 2021 гг. (авторы сравнивают это с факелом, который зажег новый глава государства). Основные направления модернизации – это аграрный сектор и промышленное производство, а также информационно-техническая сфера. Далее следуют развитие транспорта и создание новой инфраструктуры. Модернизация включает в себя также налаживание порядка в систе-

ме управления госсектором и поддержку малого и среднего бизнеса.

Второй блок посвящен гуманитарной сфере. Сюда авторы относят верховенства закона, прав женщин, свободу собраний, мнений и СМИ, религии. Политический блок реформ разделен на направления: укрепление парламентаризма и местного сопротивления. К ним примыкает правовая реформа и обширный комплекс антикоррупционных мер, подразумевающий опору на международное сотрудничество, укрепление институтов общественного контроля, преследование коррупции в публичном и частном бизнесе, предупреждение проявления коррупции в юридической и законодательной области.

Авторы отмечают, что лидеры Казахстана всегда имели амбициозные планы в отношении будущего своей страны – достаточно вспомнить такие программы как Казахстан-2030 и Казахстан-2050, Нурлы Жол и ряд других. Реформы фактически стартовали с неожиданной для многих передачи власти от Н.Назарбаева К.Токаеву в марте 2019 г. Для их реализации новый лидер создал важный инструмент – Национальный Совет общественного доверия, призванный мобилизовать на пути реформ ресурсы официальной власти и гражданского общества. Прежняя формула, которой руководствовался Н.Назарбаев на протяжении десятилетий – «сначала экономика, только потом политика», как стало ясно к 2015 году, перестала действовать и необходимость политических реформ стала очевидной. В тоже время стала очевидной и необходимость экономической трансформации Казахстана.

Подводя итоги, авторы делают вывод, что широкомасштабная программа реформ, провозглашенная К.Токаевым, задумывалась как краеугольный камень его президентства. Это стало возможным благодаря достижению (по прошествии трех десятилетий) всеобщего консенсуса между казахстанскими элитами в понимании их необходимости. Исчезновение саботажа попыток реформирования облегчало их проведение. Но решающим фактором стали массовые ожидания таких реформ среди широких слоев населения.

Но у казахстанских реформ существует международный и геополитический кон-

текст, т.к. внутренние реформы в РК способствуют интенсификации регионального сотрудничества в Центральной Азии. Они также контрастируют и тем самым вызывают соответствующую реакцию у крупных соседей – Китая, России Турции, двигающихся, как утверждают авторы, в противоположном направлении. Но казахстанские реформы протекают не в вакууме, а коррелируют с аналогичными процессами в Узбекистане. Тот факт, что оба крупнейших государства региона встали на путь схожих реформ одновременно и в дружеской атмосфере, имеет важное значение для всей Центральной Азии.

Но самый последний вывод исследователей является индикатором понимания ими происходящего. Они считают, что т.н. «друзья Казахстана» должны поддержать процесс реформ. Они не называют этих неких друзей, но предполагается, что это могут быть страны Запада (США и ЕС) и международные финансово-экономические институты, а также организации, опирающиеся на международные соглашения экологического характера (например, навязанная Казахстану Брюсселем концепция «зеленой экономики»). В случае, если реформы затронут оборонную сферу, таким институтом может быть НАТО. То есть, авторы видят исход реформ в РК в основном через призму интересов Запада и противопоставление ставшего на путь «демократизации» Казахстана (а также возможно Узбекистана) авторитарным соседям и партнерам, которые были озвучены выше. В этом случае концепция книги становится ясной.

В заключение добавим, что авторы практически не упоминают о пандемии коронавируса, с которой К.Токаев был вынужден столкнуться на первом же году своего президентства. Однако именно эта принявшая опасные размеры эпидемия во многом затормозила провозглашенные реформы. В экономической области это был прямой удар по бюджету страны, торможение экономического роста и нарушение устоявшихся торгово-экономических связей. В политической сфере пандемия вынудила нового лидера вместо объявленной либерализации принять на себя (временно) в целях более эффективного управления и контроля над распространением заболевания фактически диктаторские полномочия. Однако цели оставались

прежними, были проведены парламентские выборы и в дальнейшем ситуация более или менее стабилизировалась.

Центральная Азия: 30 лет независимости. Специальный доклад. – М.: Эксперт, 2021. – 140 с.

Среди «юбилейных» изданий заслуживает внимания специальный доклад журнала «Эксперт» «Центральная Азия: 30 лет независимости». В работе над докладом принимали участие ведущие политологи, социологи и экономисты, специализирующиеся на проблематике данного региона из России, США, Китая, Индии и др. Его авторы проделали огромную работу, собрав большую статистику и обширный фактографический материал, дополнив все это воспоминаниями непосредственных участников исторических процессов тех лет, а также мнениями авторитетных специалистов. В итоге получился подробный и вместе с тем наглядный анализ сложных и противоречивых событий минувшего тридцатилетия, вписанных в локальный и глобальный контекст.

После распада СССР большинству новых государств Центральной Азии эксперты предрекали хроническую бедность, хаотизацию и дезинтеграцию. Для качественного анализа авторы проекта выбрали лозунг: геэкономика важнее геополитики. В основу своего анализа они положили следующие тезисы. Центральная Азия больше остальных зависела от Москвы и от плановой экономики, а потому пертурбации в этом регионе вызывали особое беспокойство. Государства состоялись и зафиксировали новые национальные идентичности. Преодолели межэтнические и межконфессиональные распри. Экономические системы хоть и выглядят в отдельных странах архаично, но в целом позволяют им функционировать. А локомотивы региона встают на рельсы индустриализации и модернизации, вобрав и перенаправив в бюджет своего развития многие бонусы эпохи глобализации.

Столь разные политические системы пяти центральноазиатских государств объединяет важное качество, не всегда ценимое наблюдателями и дипломатами, особенно в странах западной демократии. Разная скорость либерализации общественной и по-

литической жизни была обусловлена первичной задачей сохранения стабильности и безопасности государств с учетом местных традиций и состояния общества. И только сплотив общество и национально-ориентированные элиты, можно было затевать модернизационные спринты.

Изучая тридцатилетнюю историю центральноазиатских стран, вполне можно написать учебник с несколькими концепциями построения государственности и экономических систем. Казахстан и Кыргызстан выбрали «экстравертную» концепцию развития и либерализацию своих экономических систем. «Интроверты» Узбекистан и Туркменистан придерживались всестороннего изоляционизма. Но Ашхабад остался на этом пути и сегодня, а Ташкент, стабилизировав внутреннюю ситуацию, развернулся в сторону большей открытости и экономической активности. Ищет свой путь и Таджикистан: эта страна сильнее всего пострадала от гражданской войны.

На будущее Центральной Азии будут влиять и острее проблемы, которые закладывались не один год: бурный рост населения и «молодежный бугор», исламизация, исчерпание моделей ресурсных моноэкономик, энергопереход, экологические проблемы, дефицит воды и т. д. Однако сегодня Центральная Азия — один из ключевых регионов мира, в котором концентрируются глобальные торговые маршруты, инфраструктурные проекты, переплетаются интересы мировых держав. Экономическое здоровье этого региона имеет ключевое значение и для глобальной безопасности. Это невероятный потенциал, который местные державы могут реализовать при должной политической воле и удачной международной конъюнктуре.

За тридцать лет независимости произошел окончательный разрыв с советским прошлым. Государствам Центральной Азии пришлось выстраивать самостоятельные отношения не только с Москвой, но и с Пекином, Вашингтоном, Брюсселем и другими столицами. Конечно, Центральная Азия будет оставаться в сердце треугольника Китай — Россия — исламский мир при непременном участии четвертого игрока — США, желающих регулировать отношения с каждой из сторон треугольника. В эпоху усиления конфронтации и новой холодной

войны такое положение чревато многими рисками, тогда как предыдущая эпоха глобализации, напротив, приносила только выгоды.

Казахстану удалось избежать внутренних конфликтов, выстроить крепкие государственные институты и обеспечить экономическую стабильность, и это открывает стране уверенное будущее. К решению этой задачи страны Центральной Азии подошли по-разному. Одни, как Таджикистан и Туркменистан, предпочли набирать управленческие кадры прежде всего по принципу личной преданности главе государства. Другие, как Узбекистан, формировали элиту на основе кланового принципа. Третьи (Кыргызстан), где высшая власть несколько раз переходила от клана к клану, по сути, пустили процесс на самотек. На этом фоне лишь Казахстан взял за основу системный подход к выращиванию управленцев новой генерации, опираясь в том числе на опыт Сингапура.

В Туркменистане и Узбекистане пытались восстановить советскую вертикаль управления с элементами «восточной специфики». Это казалось их руководством лучшим ответом на возникшие вызовы. Но это же фактически законсервировало их экономики на долгие десятилетия. В Кыргызстане власти попытались использовать политическую и экономическую либерализацию позднего СССР в качестве основы для сбалансированной модели развития — но тоже с собственной спецификой. В конечном счете, этот выбор и привел в последующем к трем революциям. В то же время в Казахстане смогли совместить строительство сильного и эффективного государства с рыночными реформами и общей линией на модернизационное развитие страны.

Спустя 30 лет объективные макроэкономические индикаторы, такие как, в частности, динамика и уровень душевого ВВП по ППС, показывают реальные результаты. Кыргызстан и Таджикистан, не сумев вовремя справиться с внутренней нестабильностью, показали близкий к нулю прирост данного показателя. Узбекистан и Туркменистан смогли его удвоить, а Казахстан — увеличить в 2,5 раза. И этот результат, разумеется, не остался незамеченным авторами. Анализ того, как именно Казахстан смог диверсифицировать экономику,

создать с нуля новые отрасли промышленности и занять место регионального финансового центра, уделено немало места на страницах спецвыпуска. Если говорить об этом тезисно, то ключевыми факторами казахстанского успеха выступили, во-первых, опора на стратегическое видение: первая в СНГ долгосрочная стратегия развития была принята именно Казахстаном — еще в 1997 году. А во-вторых, четкое следование институциональному подходу при проведении реформ при опоре на лучший мировой опыт построения необходимых институтов.

Казахстан стал пионером в создании экономических институтов, необходимых для переходных экономик. Достаточно сказать, что суверенный фонд, аккумулирующий экспортные сверхдоходы, и система государственных институтов развития были созданы в Казахстане раньше, чем в России. Также страна одной из первых провела бюджетную реформу с разграничением полномочий и ресурсов по уровням бюджетной системы, а также перешла к таргетированию инфляции центральным банком, что является сегодня новаторской практикой.

К исходу второго десятилетия XXI века экономические реформы в Казахстане приобрели ярко выраженный социально ориентированный характер: их результатом стало сокращение неравенства и улучшение положения широких слоев населения. Казахстан стал единственной страной в Центральной Азии, где все эти годы шел процесс урбанизации. Столь же уникальным оказался и опыт крупного урбанистического проекта — создания новой столицы Астаны.

Авторы проекта, рассматривая каждую из республик региона в отдельности, дали им собственные характеристики. Так, Казахстан: эволюция вопреки вызовам. Т.е., опираясь на стратегическое планирование и политическую волю своего Первого Президента, Казахстан развивается как сильная и открывая экономика. Узбекистан: стабильность ценой стагнации, что означает, что модель государственного капитализма с элементами директивного планирования стала тормозом развития. Туркменистан: добровольная самоизоляция. Во всей «центральноазиатской пятерке» Туркменистан стоит особняком буквально с первых дней обретения независимости. Таджикистан: в

тени гражданской войны: Страна прошла через долгую, разрушительную и бессмысленную войну, но выдержать испытание мирным временем оказалось ничуть не легче. Кыргызстан: катастрофа непродуманной демократии: благие намерения создать из отсталой союзной республики процветающую либеральную демократию отбросили страну на годы назад в развитии.

М.Ларюэль — один из авторов доклада — считает, что в 1990-е годы, сразу после распада Советского Союза, западные страны рассматривали регион как достаточно важный, потому что большие надежды связывались с энергоносителями Каспия и с трансконтинентальной торговлей. Сейчас регион остается очень важным для России и Китая, но его важность для других стран мира и конкретно для Запада уменьшилась, поскольку уменьшилась роль каспийских энергоресурсов по сравнению с 1990-ми годами.

Еще одним фактором стало появление Китая в качестве регионального игрока, что привело к изменению направления транспортных коридоров Центральной Азии в сторону Китая в рамках инициативы «Один пояс — один путь», а не в сторону Запада, как было раньше. Китай во все большей мере ограничивает пространство их экономического суверенитета. А Россия ограничивает стратегическую автономию тех стран, которые становятся членами ее оборонных союзов. Ни та, ни другая из великих держав не угрожают суверенитету государств Центральной Азии, но пространство для маневра на международной арене для этих стран ограничивается.

Спустя три десятилетия после распада СССР вопрос о том, как должна выглядеть оптимальная формула партнерства между Россией и Центральной Азией, по-прежнему далек от окончательного решения. Таким образом, появление в Евразии таких мощных игроков, как Иран, Индия, Пакистан и Турция, не говоря уже о Китае, активизация здесь интересов США и Евросоюза, стремление России сохранить свою историческую сферу влияния содержат как благоприятные возможности для развития, так и мощные вызовы.

Рассматривая вопросы евразийской интеграции, авторы считают, что ЕАЭС и «Один пояс — один путь» — совершенно

разные инициативы как по стратегическим задачам, так и по структуре. «Один пояс — один путь» в реальности представляет собой набор проектов, направленных на обеспечение доставки товаров из региона к международным транспортным коридорам и рынкам. Он является маркетинговым инструментом продвижения Китая в той же степени, что и реальным интеграционным проектом. ЕАЭС направлен на создание нормативного режима, нацеленного на поддержку торговли и в целом экономического взаимодействия между государствами участниками. С этой точки зрения эти две инициативы не конкурируют между собой, но при позитивном развитии событий могут дополнять друг друга.

Появление Китая как важного игрока в Центральной Азии — это новое явление для этого региона в XXI веке. В первые годы независимости стран Центральной Азии китайцы довольно осторожно вели себя и считали, что Центральная Азия — это сфера влияния России и они не могут задеть интересы России. В последние 20 лет они стали более уверенными в своей силе и реализуют свои проекты в регионе, уже не оглядываясь на Россию. В целом странам Центральной Азии удастся вести многовекторную политику. Отчасти потому, что позиции США в регионе ослабли и Запад уже не сильно требует изменить политическую систему стран Центральной Азии, в результате отношения между ними нормализовались.

По мнению японского исследователя Т.Уямы, Россия и Китай стремятся занять более сильную позицию в отношении Запада в глобальном плане, и иметь конфликтные отношения вокруг Центральной Азии в этом контексте обеим странам невыгодно. Поэтому страны Центральной Азии могут иметь хорошие отношения и с Россией, и с Китаем. Пока Китай признает ведущую позицию России в военно-политическом отношении, и Россия признает ведущую позицию Китая в инвестициях и торговле. Хотя путем создания Евразийского экономического союза Россия показала, что в институциональном плане Россия все же имеет большее влияние на страны Центральной Азии, чем Китай.

Как считают авторы, Центральная Азия — регион чрезвычайно удобный и где-то

даже парадоксальный для прогнозирования. Мало кто из серьезных экспертов и специалистов берется предсказать его будущее или хотя бы обозначить траекторию движения за горизонтом среднесрочного взгляда. Но при этом богатейшая палитра событий прошлого и настоящего позволяет выстраивать головокружительные гипотезы, где новый золотой век Центральной Азии через слово соседствует с деградацией, развалом и черной дырой. Совсем недавно, после прихода к власти талибов в Афганистане, в моду вернулись алармистские предсказания. Складывается ощущение, что регион в состоянии справиться с новыми вызовами в сфере безопасности и контртеррористической деятельности.

Д.Тренин, директор и председатель научного совета Московского центра Карнеги, считает, что геополитически Центральная Азия — это одно из связующих звеньев формирующейся Большой Евразии. Она связывает огромный континент как в широтном, так и в меридиональном направлениях. Изолированность региона осталась в прошлом и уже не вернется. Центральная Азия вновь становится хартлендом, сердцем Евразии и мировой экономической активности, заверяют специалисты. Возможно, это предсказание звучит несколько помпезно. Но если отбросить восторженные оценки, мы получим на-гора уникальные геоэкономические данные.

Первая группа прогнозов подразумевает, что Центральная Азия рано или поздно уйдет под влияние мощных соседей. Прежде всего имеют в виду Китай и построенное синоцентричного мира. Еще недавно ползучая китаизация региона казалась едва ли не естественным сценарием развития событий. Сначала китайские инвестиции и кредиты, инфраструктура, построенная за китайские деньги китайскими же рабочими и на китайских технологиях. Однако, к удивлению многих экспертов, китайское проникновение в регион в последние годы несколько замедлилось. Другой сценарий потери самостоятельности региона в пользу постсоветской реинтеграции кажется еще менее вероятным. России пока что не удастся сконструировать интересную для соседей модель социально-экономического развития. Впрочем, довольно эффективна евразийская экономическая интеграция, а

взаимодействие в рамках ОДКБ позволяет государствам с большей уверенностью оборонять южные границы. Опять же, в Москве подчеркивают, что в первую очередь заинтересованы в коллективных экономических проектах, рассматривают Центральную Азию и как военный буфер, но ни в коем случае не планируют политическую интеграцию в какой-либо форме.

Одно из больших достижений всех стран Центральной Азии за истекшие 30 лет заключается в выборе независимой многовекторной политики, несмотря на давление традиций, инвестиций или геополитических интересов со всех частей света. Третий сценарий подразумевает разные форматы внутрирегиональной интеграции. Исламизация региона и новый Халифат на землях Центральной Азии — сценарий четвертый, усилившийся после афганских событий или даже раньше, после разгрома ИГИЛ в Сирии и Ираке. Распад региона и всеобщий хаос, к сожалению, все еще один из сценариев, в том числе по социально-экономическим причинам. Данный сценарий, опять же, может стать следствием разве что большой катастрофы, затрагивающей огромные геополитические пространства.

За 30 лет Центральную Азию ожидают четыре важнейших преобразования. Население должно перейти из сельского типа к городскому. Ресурсная экономика должна стать диверсифицированной. Управленческая модель превратится из командной в рыночную. А политические и общественные институты станут инклюзивными и подотчетными. В таком случае регион ожидает бурный экономический рост.

В заключение авторы проекта отмечают следующее. Несмотря на слабые стартовые позиции среди постсоветских стран, развал социальных и управленческих систем, нестабильность 1990-х, молодые государства Центральной Азии отстаивали свой суверенитет и независимость, провели, хоть и с разным успехом, необходимые реформы. Эти страны смогли преодолеть волну глобализации и с разной степенью эффективности извлекли из нее бонусы для стабилизации собственных экономик и их дальнейшего развития. А перспективы следующих десятилетий у них хотя и не безоблачные, но вполне внушающие

оптимизм. Скорее всего, страны Центральной Азии смогут, используя открывающиеся возможности, через 30 лет стать еще более важной и даже незаменимой частью глобальной экономики, – заключают авторы проекта.

Laruelle Marlene (ed.) COVID-19 Pandemic and Central Asia. Crisis Management, Economic Impact, and Social Transformations. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2021. – 165 p.

В самый разгар пандемии коронавируса хорошо известная нам проектно-исследовательская группа по нашему региону во главе с Марлен Ларюэль подготовила издание, посвященное кризисному менеджменту, экономическим и социальным последствиям этого события в Центральной Азии. Исследование интересно тем, что рассматривает данный процесс в международном контексте. В первой части изучается влияние эпидемии и ее последствий на процесс евразийской интеграции, отношения стран ЦА с КНР, место постковидной Центральной Азии в процессе китайско-американского соперничества, роль таких международных организаций как ШОС и ОБСЕ по борьбе с эпидемией КОВИД-19. Вторая часть охватывает проблематику, связанную с организационными усилиями местных правительств по противодействию распространению эпидемии. Исключение из пяти государств региона составляет Туркменистан ввиду практически полной информационной закрытости в этой области. Третья часть рассматривает в основном социальные и социально-экономические последствия распространения пандемии, включая лом-

ку прежних общественных отношений, миграционную политику и гендерные отношения.

Tüysüzöğlü Göktürk, Özkan Arda (eds.) Conflict Areas in the Caucasus and Central Asia. – New York, London: Lexington Books, 2022. – 468 p.

Уже в нынешнем 2022 году увидела свет коллективная монография «Конфликтные ареалы на Кавказе и в Центральной Азии» под ред. турецких экспертов Г.Тюйсюзоглу и А.Озкана. Работы подобного рода характерны в целом для турецкой политологии, т.к. отражают внешнеполитические интересы Анкары к двум ключевым для нее регионам. Россия и Китай (вступивший на путь геополитического освоения Евразии) вызывают очевидные опасения у Турции своими «гегемонистскими устремлениями». Поэтому Анкара уделяет пристальное внимание потенциальным и реальным внутривнутриполитическим конфликтам в этих державах (Северный Кавказ в РФ и СУАР в КНР). Интересуют Турцию, как и раньше, богатые природные ресурсы Центральной Азии, обреченной быть замкнутой в сердце континента, и которой только Турция способна открыть путь из ловушки «лэнд-локд». На Кавказе, отмечают эксперты, Турция может более или менее свободно действовать только в Закавказье, в то время как Северный Кавказ заблокирован для турецкого влияния после умиротворения Чечни и других автономий.

**Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан создан
Указом Президента Республики Казахстан
16 июня 1993 года**

Основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан. КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

За 28 лет деятельности Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан Спектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведет аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвященных актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан, 010000
г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

